

М. РОЗЕНТАЛЬ

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ДИАЛЕКТИКА

ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРК

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б) • 1937

Грубейшие ошибки

стр 16 Коперник - итальян. ученый
стр 21 превращ. энергии в Лавуазье

М. РОЗЕНТАЛЬ

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

*ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРК ОСНОВНЫХ ЗАКОНОВ
МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ*

Каждый, кто читал произведения великих вождей пролетариата — Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, знает, какое огромное значение придают они революционной материалистической диалектике.

От внимательного читателя не может ускользнуть одна черта, которая бросается в глаза при чтении их произведений: борясь против всяких оппортунистических и других враждебных течений в рабочем движении, вскрывая их буржуазный характер, Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин связывают политические лозунги, тактику, теории этих течений с их *изменой революционной диалектике*.

В своей известной статье «О нашей революции» (по поводу записок Н. Суханова) Ленин разоблачает и высмеивает буржуазную теорию меньшевиков о том, что русский пролетариат не дорос до социалистической революции, что он установил в России диктатуру пролетариата, якобы не считаясь с общими законами развития общества.

Ленин, показывая вздорность «теорий» этих «ученых» господ, пишет:

«Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. *Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики*»¹.

Вспомним ту часть политического отчета Центрального комитета XVI съезду ВКП(б), сделанного товарищем Сталиным, которая была посвящена уклонам в национальном вопросе.

Уклоняющиеся в сторону великорусского шовинизма видят «противоречие» в учении ленинизма о том, что путь к одной общей социалистической (и по форме и по содержанию) культуре лежит через развитие и расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур. Под маской защиты интернациональной культуры они выступают против развития и поддержки национальных культур ранее угнетенных народов. Товарищ Сталин показывает, что этот уклон в действительности «отражает стремление отживающих классов господствовавшей ранее великорусской нации вернуть себе утраченные привилегии»².

¹ Ленин, т. XXVII, стр. 398. (Подчеркнуто мною. — М. Р.)

² Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 427, изд. 10-е.

И тут же товарищ Сталин замечает: «Беда наших уклонистов состоит в том, что они не понимают и не хотят понять марксовую диалектики»¹. Они не хотят понять, что ленинская «противоречивая» формула «отражает ту *жизненную правду марксовской диалектики, которая дает большевикам возможность брать самые неприступные крепости в области национального вопроса*»².

Уже этих двух высказываний достаточно, чтобы убедиться, какой огромной силой считают вожди пролетариата революционную диалектику.

Прекрасные слова товарища Сталина о том, что жизненная правда материалистической диалектики дает большевикам возможность брать неприступные крепости и побеждать, определяют самое глубокое, самое существенное значение этого острейшего инструмента борьбы и побед пролетариата.

Движение рабочего класса существует сравнительно немного десятилетий. Но за небольшой исторический период пролетариат проделал такой путь, какого по интенсивности, по напряженности борьбы, по драматизму, по смене форм движения не знал ни один класс.

Всего двадцать три года отделяют Парижскую коммуну от первого самостоятельного боевого выступления пролетариата на июньских баррикадах 1848 г. Но рабочий класс уже борется за политическую власть, создает свои государственные органы, самоотверженно принимается за строительство нового общества. Через сорок шесть лет русский пролетариат, продолжая движение Коммуны, свержает власть помещиков и капиталистов и устанавливает новую в мировой истории власть — власть рабочего класса. Преодолевая величайшие трудности, отражая бешеные атаки всего мирового фронта объединившихся эксплуататорских классов, русские рабочие и крестьяне, руководимые большевистской партией, начинают строительство социалистического общества. Проходит еще девятнадцать лет, и товарищ Сталин провозглашает Конституцию построенного в основном социалистического общества на одной шестой части земного шара.

История этого интенсивного и героического движения молодого класса менее всего представляет прямую линию, менее всего напоминает легкое и непрерывное победное шествие. Нужно было объединить, дисциплинировать, организовать пролетариат, довести до его сознания идеи научного коммунизма, вести непрерывную борьбу с многочисленными оппортунистическими течениями внутри рабочего движения, разлагавшими пролетариат; нужно было создать, воспитать и выковать подлинно пролетарскую, коммунистическую партию, которая шла бы в авангарде рабочего класса, которая умела бы организовать народные массы и подготовить их к решительному штурму; нужно было уметь с величайшим искусством определять стратегию и тактику

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 427, изд. 10-е.

² Там же. (Подчеркнуто мною. — М. Р.)

пролетарской борьбы, правильно строить взаимоотношения с другими классами, сплотить вокруг пролетариата его союзников из других трудящихся классов, давать всегда истинные лозунги борьбы, не застывая на старых, отживших лозунгах.

Если спросить, в чем источники великой силы пролетарского движения, могущественной стратегии и тактики борьбы рабочего класса, то на этот вопрос нужно будет ответить: один из величайших источников этой силы находится в революционной теории марксизма-ленинизма, в *материалистической диалектике*.

Применением материалистической диалектики к политике и тактике рабочего класса вожди пролетариата — Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин создавали и создают прочную, непоколебимую основу для победоносного движения пролетарской революции.

Не менее велико значение диалектики и для развития наук.

Целый ряд областей знания благодаря материалистической диалектике стал на прочные научные основания.

С какой бы областью познания ни соприкасалась материалистическая диалектика — с историей, политической экономией, естествознанием, — в каждую из них она вносит живую революционную силу.

Что же такое материалистическая диалектика? В чем ее сила и значение?

ЧТО ТАКОЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

I

Диалектика — философская наука. Одно из важнейших ее положений гласит: нет в мире ничего неизменного, нет такого явления, которое не имело бы своей истории, своего развития.

Было бы ошибкой, если бы, рассказывая о материалистической диалектике, мы забыли и игнорировали это ее положение в применении к ней самой.

Как и все на свете, материалистическая диалектика имеет свою историю. Она является результатом многовекового, тысячелетнего развития общества, результатом длительного развития наук. Нельзя понять материалистическую диалектику, не рассмотрев хотя бы вкратце всего этого процесса исторического развития, подготовившего ее появление.

Маркс говорил, что по существу есть одна наука — наука истории, которая делится на историю природы и историю общества.

Любое понятие, любая истина, которую мы принимаем как нечто само собой разумеющееся, в действительности есть результат длительного развития. То, что мы сейчас принимаем немало истины как нечто должное, без проверки их, говорит лишь о том, что они были проверены и доказаны в историческом процессе развития общества, и нам нет никакой надобности каждый раз повторять этот исторический процесс.

Энгельс писал, что отдельному человеку нет вовсе необходимости проделывать весь опыт предшествующих поколений. «Его частный опыт (т. е. опыт отдельного человека. — *М. Р.*) может быть (во многих случаях) до известной степени заменен результатами опытов ряда его предков. Если например среди нас математические аксиомы кажутся каждому восьмилетнему ребенку чем-то само собой разумеющимся, не нуждающимся в опытном доказательстве, то это является лишь результатом накопленной наследственности. Бушмену же или австралийскому негру их трудно втолковать путем доказательства»¹.

Следовательно, нельзя забывать, что за каждой истиной лежит целая история и что только родовой, исторический опыт, опыт всего предшествующего развития, позволяет нам некоторые из

¹ Энгельс, Диалектика природы, стр. 75—76, Партиздат, 1936 г.

них брать в готовом виде. В одном из своих писем к Марксу Энгельс писал: «Пока наши принципы не будут развиты... и не будут выведены, логически и исторически, из предшествующего мировоззрения и предшествующей истории как их *необходимое продолжение*, вся эта работа (т. е. пропаганда своих взглядов. — М. Р.) останется половинчатой, и большинство наших будет блуждать, как в темноте»¹.

Имея в виду эти общие принципы, можно глубже понять, что такое материалистическая диалектика, понять, как история общества и мышления привела к ней.

Философская наука существует уже около двух с половиной тысяч лет. В течение всего этого времени человечество пыталось понять окружающий его мир, проникнуть в тайны природы, добраться до самых источников жизни.

При этом не нужно думать, что единственной и главной причиной этих стремлений была жажда чистого познания, простого любопытства. Развитие мышления, стремление познать законы природы всегда были связаны с практическими потребностями человеческой жизни. Необходимость существования и связанная с этим необходимость активного, практического отношения к природе, короче говоря, — *практическая деятельность* всегда была первоисточником развития познания.

Философы всех веков и времен создавали философские системы объяснения мира и законов его развития. Если бы читатель мог ознакомиться с основными философскими системами, то он увидел бы, что есть один центральный вопрос, вокруг которого философы вели и поныне ведут жесточайшую борьбу. Очевидно, этот вопрос имеет настолько первостепенное значение, что от решения его зависит самое существенное и главное в понимании мира. Этим центральным вопросом является вопрос об отношении мышления к бытию, духа — к природе.

Какие же ответы давались на этот вопрос и почему он имеет такое значение? Одна часть философов считала и считает, что мышление, сознание есть нечто первичное, а природа — вторичное, что природа, внешний мир есть лишь отражение идей и сознания. Другая часть философов дает противоположный ответ на этот вопрос: не мышление, не сознание, а природа, материя есть первичное начало, а дух, сознание есть производное от основного начала — от природы. Соответственно этим ответам философы разбились на два враждебных лагеря — на идеалистов и материалистов.

Нетрудно понять, почему вопрос об отношении мышления к бытию играет такую роль в познании. Решение его дает *начало начал, определяет характер всего мировоззрения*.

В самом деле. Если считать, что сознание, мысль существовали до природы, что они источник, начало мира, то соответственно этому складывается и все мировоззрение. Тогда вместе

¹ Маркс и Энгельс, т. XXI, стр. 1. (Подчеркнуто мною. — М. Р.)

с идеалистами нужно будет утверждать, что дух, идеи создали мир независимо от того, считать ли этот дух, творящий мир, богом, или какой-нибудь бесплотной, парящей над миром идеей, или простым человеческим сознанием.

И наоборот. Если считать, что материя, природа существовала задолго до появления мысли, идей, сознания и что сами идеи есть лишь отражение объективного, т. е. вне нас существующего, мира, то соответственно этому, материалистическому, решению вопроса сложится и все мировоззрение, коренным образом противоречащее идеалистическому.

Легко также заметить, что в зависимости от решения этого основного вопроса определяется и все направление познания. Идеалистическая философия, признающая дух источником и творцом всего объективного мира, отвлекает познание от правильного пути, заводит его в тупик.

Раз идеи или человеческие ощущения создают мир, природу и общество, то понять и объяснить с этой точки зрения нужно идеи и ощущения, а не объективную действительность. Но можно сколько угодно копаться в сознании и ощущениях, а картина мира от этого не прояснится, и не прояснится она до тех пор, пока взор человека не обратится на предметы и явления самой действительности.

Идеализм, таким образом, ставит все на голову.

Материалистическая же философия, признающая существование внешнего, независимого от сознания и идей, объективного мира, требует исследования и объяснения самой объективной действительности, самого материального мира. Это требование материализма покоится на том, что мир материален, т. е. что вся природа, все многообразие ее есть не что иное, как многообразие развивающейся *материи*. А материя, по определению Ленина, есть *объективная реальность*, «которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, *существуя независимо от них*»¹. Сознание появляется лишь на высокой ступени развития материального мира и связано только с высокоорганизованной материей.

Материя не существует вне движения. Движение — это неотъемлемая форма существования материи.

«Движение в мировом пространстве, — пишет Энгельс, — механическое движение сравнительно небольших масс на отдельных мировых телах, молекулярные колебания в виде теплоты, электрическое напряжение, химическое разложение и соединение, органическая жизнь вплоть до ее высшего продукта, мышления, — каждый отдельный атом вещества находится в любой данный момент в той или иной из этих форм движения»².

Следовательно, развитие природы есть движение и развитие материи, переход ее из одной формы движения в другую.

¹ Ленин, т. XIII, стр. 105—106. (Подчеркнуто мною. — М. Р.)

² Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 364—365.

Не ясно ли, что познать мир — значит познать и познать объективную реальность, материальный, объективный мир, находящийся в вечном движении, изменении, развитии, существующий независимо от сознания людей. Едва ли следует доказывать, что это единственно правильный путь, иди по которому познание может открыть объективные законы природы.

Из всего этого, разумеется, не следует делать вывод, что идеалистическая философия в истории мышления не имела никакого значения, представляла собою сплошное заблуждение. Достаточно сказать, что идеалист Гегель был одним из основоположников диалектического метода, чтобы понять, что развитие познания представляет картину более сложную и противоречивую, чем это может показаться на первый взгляд. Притом не всякий материализм, как увидим, означает истину. Но правильное и до конца последовательное мировоззрение могло восторжествовать лишь как *материалистическая философия*, как диалектический *материализм* — о чем будем говорить ниже.

Итак, вся история философии представляет собой борьбу двух враждебных и непримиримых направлений — идеализма и материализма. Без понимания этого нельзя правильно понять и *результат* всего многовекового развития мысли.

Древнегреческие философы были первыми людьми, которые пытались создать философские системы объяснения законов природы. В VI—IV вв. до нашей эры, если иметь в виду наиболее яркий период в развитии древнегреческой философии, научное знание делало только первые шаги, и из всех наук были более или менее развиты лишь астрономия, математика и механика. Последнее обстоятельство объясняется тем, что в то время потребности общественного развития, земледелия, судоходства и промышленности выдвигали необходимость развития этих наук в первую очередь. Само собой разумеется, что о какой-нибудь серьезной технической основе для научных исследований в древней Греции не могло быть и речи. Древние ученые и философы имели в своем распоряжении преимущественно лишь силу своего собственного рассудка и разума и о законах вселенной могли скорее строить догадки, чем развить строго научные взгляды.

И тем не менее греческая философия в истории мышления имеет величайшее значение. Древнегреческие философы положили начало развитию научной философии; в их представлениях нужно искать начало того процесса, который через тысячелетия привел к философии материалистической диалектики.

Древним грекам было присуще такое понимание природы, которое неизбежно свойственно первым, еще примитивным попыткам объяснения закономерностей мира.

Когда вы знакомитесь с каким-нибудь новым, неизвестным еще вам явлением, то вашему взору представляется сначала

общая, непосредственная картина его: вы видите внешние процессы, которые в нем совершаются, его изменение, связь с другими явлениями, взаимодействие между ними и т. д.

Бросьте общий взгляд на историю общественного развития, и вы увидите движение общества на протяжении нескольких тысячелетий, смену одних общественных форм другими, борьбу общественных групп, войны, революции, — иначе говоря, вы увидите непрерывный процесс движения и изменения.

Это представление будет, разумеется, первоначальным, несовершенным, но тем не менее приблизительно правильным: оно верно отразит общую картину общественного движения.

Такое представление о природе и ее законах, правильное в общих чертах, но еще наивное и непосредственное, было у древнегреческих философов. Последние рассматривали природу как единое целое, как нечто возникшее, в ее развитии.

Первые древнегреческие мыслители были *материалистами*. Им был чужд идеалистический взгляд на природу. Они еще не были заражены теми теоретическими предрассудками, которые были порождены дальнейшим развитием общества. Природу они рассматривали как объективный факт, как действительную, реальную природу, а не как какое-нибудь отражение идеи, духа, бога и т. п.

Материалистический взгляд на природу, повторяем, у древнегреческих философов был нечто само собой разумеющееся. Рассматривали ли они мир как проявление материи огня, или материи воды, или воздуха — несомненным для них было одно: мир в основе своей *материален*.

Правда, древнегреческие материалисты имели очень смутные понятия о материи. Так, например, Фалес ¹ считал, что основное материальное вещество, из которого состоят все предметы и явления природы, — это вода. Анаксимен ² материальной первоосновой природы считал воздух. Анаксимандр ³ определял ее как тепло и холод. Гераклит ⁴ материю сводил к огню. Более содержательное учение о материи развивал позже Демокрит ⁵, считавший, что мир состоит из неделимых материальных частиц — атомов и пустоты. Но, как ни грубы и наивны с нашей современной точки зрения эти представления, все они отличаются одним важнейшим свойством — они не оставляли места идеям о божестве, идеалистической теории о том, что природа есть порождение духа.

«Этот космос, — учил Гераклит, — один и тот же для всего

¹ *Фалес* — древнегреческий философ (640—546 годы до нашей эры).

² *Анаксимен* — древнегреческий философ (588—527 годы до нашей эры).

³ *Анаксимандр* — древнегреческий философ (611—547 годы до нашей эры).

⁴ *Гераклит* — древнегреческий философ-диалектик (540—480 годы до нашей эры).

⁵ *Демокрит* — знаменитый древнегреческий философ-материалист (460—370 годы до нашей эры).

существующего. не создал никакой бог и никакой человек, но всегда он был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимся и мерами потухающим».

Другой философ-материалист — Эпикур¹ говорил, что нет ничего такого, во что вселенная могла бы превратиться. «Ибо, кроме вселенной, нет ничего, что могло бы вторгнуться в нее и произвести (в ней) перемену...»

Его последователь — римский философ Лукреций² выразил ту же самую мысль в своей поэме «О природе вещей»:

Здесь о богах и о неба высокой природе с тобою
Речь я начну и открою вещей основное начало,
Коним все виждется, крепнет, растет и плодится в природе;
Также — во что претворяет природа все вещи по смерти.
Это начало — материя...

Греческие материалисты могли бы выразить свое воззрение на мир прекрасными словами поэта:

Распасться сущее не может
В ничто; ничто не уничтожит
В нем скрытой вечности зерна!
Знай: вечно Бытие! Законы
Хранят, сурово-непреклонны,
Все, чем вселенная полна³.

Следует иметь в виду, что уже и в древней Греции начинается та борьба между двумя основными направлениями в философии, о которых шла речь выше. Уже в IV в. до нашей эры философ Платон⁴ выступил с развернутой системой идеалистического объяснения мира. По Платону, весь мир есть лишь копия с идеи. Объективно существует эта идея, она одна есть источник жизни, весь же реальный мир является лишь отражением, тенью идеи.

Но существование в то время идеализма, свидетельствуя о том, что борьба материализма и идеализма началась у самых истоков развития философии, не может поколебать тот несомненный факт, что преобладающей, решающей тенденцией древнегреческой философии, ее прогрессивного, классического периода была именно материалистическая философия.

Древнегреческие философы были не только материалистами — многие из них были также и диалектиками. Природа имеет свою историю. Современный мир возник из первоначального хаотического состояния материи. Нет ничего в нем неизменного. Все течет, все изменяется. Особенно ярко эту диалектику выразил Гераклит.

«Одно и то же в нас, — говорил он, — живое и мертвое, бодр-

¹ Эпикур — древнегреческий философ-материалист (342—270 годы до нашей эры).

² Лукреций — римский философ-материалист (95—55 годы до нашей эры).

³ Гете (1749—1832) — великий немецкий поэт.

⁴ Платон — древнегреческий философ-идеалист (427—347 годы до нашей эры).

ствующее и спящее, молодое и старое. Ведь это, изменившись, есть то, и обратно, то, изменившись, есть это».

Старость не есть нечто абсолютно отличное от молодости; молодость, развиваясь, становится старостью, так же как живое превращается в мертвое.

Материалистическую картину возникновения мира дал философ Демокрит, к гениальным догадкам которого неоднократно возвращалось позднейшее естествознание.

Весь мир, учил Демокрит, состоит из движущихся в пустом пространстве атомов, различных по фигуре и размеру. Сочетание одинаковых атомов благодаря тому, что подобное соединяется с подобным, создало небо, землю, моря и т. д.

Вот картина образования мира по Демокриту:

«Итак, мир, принявший форму изогнутой фигуры, образовался следующим образом. Так как неделимые тела имели движение бесцельное и случайное и двигались непрерывно и весьма быстро, то в одно (место) собралось много тел, имеющих по вышеуказанной причине разнообразие фигур и размеров. Когда же они накапливались на одном и том же (месте), то те (из них), которые были более крупными и более тяжелыми, начинали опускаться вниз. А все те, которые были малы, круглы, гладки и весьма скользкие, вытеснялись вследствие скопления атомов и уносились вверх. И вот, когда отталкивающая сила перестала поднимать (их) вверх и толчок более не гнал (их) в высоту, эти (тела) стали встречать препятствия для (своего дальнейшего) движения вверх и осели на местах, которые не могли принять их в себя. (Поэтому) они расположились кругом, и к ним стало присоединяться множество тел, (и все это, приняв вид) изогнутой поверхности, породило небо. Относящиеся к той же самой природе атомы, будучи разнообразными, как сказано выше, выталкиваясь вверх, образовали естество светил. Множество же испарявшихся тел толкало воздух и вытесняло его. Последний же, обращаясь вследствие движения в ветер и окружая светила, стал гнать их кругом вместе с собой и (таким образом) сохранял их доныне совершающееся высоко над землей круговое движение. Затем из оседавших вниз (атомов) образовалась земля, из поднимавшихся вверх — небо, огонь, воздух. И когда многочисленная материя, еще заключавшаяся в земле, стала сжиматься вследствие ударов ветров и дуновений (шедших) от светил, то стала сдавливаясь вся состоявшая из небольших частей форма ее, и (она) стала порождать влажное естество. Последнее же, находясь в текучем состоянии, уносилось вниз на впалые места, которые могли принять его и скрыть (в себе), или же вода, осев, сама по себе стала делать углубления в лежащих под нею местах. Так вот каким образом возникли самые важные части мира»¹.

Как видит читатель, в этой картине возникновения мира,

¹ Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности, стр. 61—65, 1935 г.

нарисованной гениальным философом древности, нет места застывшим, раз навсегда данным вещам и явлениям. Мир возник из вечно движущейся материи.

Здесь нет надобности говорить о недостатках этой концепции происхождения мира, в частности о том, что развитие понимается еще примитивно, механистически. Важно понять, что греческие философы понимали и объясняли природу в ее движении, как постоянный процесс возникновения и исчезновения. Конечно, диалектическое мышление выступает у них, как писал Энгельс, «еще в первобытной простоте». Их представления о развитии и всеобщей связи явлений всего-навсего «результат непосредственного созерцания». Да могло ли быть иначе? Мы прекрасно знаем, что потребовались тысячелетия интенсивнейшего развития общества, техники и наук, нужны были огромные общественные перевороты, для того чтобы диалектическое мышление выступило во всеоружии знаний и опыта, уже не только как результат *непосредственного созерцания*, но и как вывод из наук и общественного развития.

Без этого диалектика не могла не быть наивной, первобытной, примитивной. Нужен был следующий шаг в развитии человеческого познания, чтобы диалектический образ мышления получил более прочную, научную основу.

И этот шаг вперед человечество сделало во второй период, охватывающий несколько столетий и начавшийся со второй половины XV в.

Для того чтобы понять характер этого нового периода в истории мышления, мы продолжим сравнение истории развития познания так, как оно совершалось в истории, с развитием познания у отдельного человека.

Читатель уже знает, что первоначальный взгляд на историю общественного развития неизбежно дает лишь общую картину диалектического развития и смены общественных форм. Но до тех пор, пока не изучены факты этой истории, отдельные ее явления и события, пока не исследованы различные общественные формации, их законы развития, народные движения, войны и революции, имевшие место в истории, — до тех пор не может быть глубокого научного представления об историческом развитии, и общее представление о нем останется поверхностным, неглубоким, непрочным.

Можно ли говорить о подлинно научном объяснении природы, если мы ничего не знаем об отдельных ее явлениях, если нам неизвестны строение материи, химические элементы, из которых состоят вещества органической и неорганической природы, законы развития организмов и тысячи других фактов? Подобно тому как отдельный человек, пытаясь глубже проникнуть в мир природы или общества, должен будет перейти от общих представлений о природе к разложению ее на отдельные части и к познанию каждой части в отдельности, — подобно этому новый период в истории мышления неизбежно станет периодом анализа, соби-

рания и накопления фактов и матерпалов, периодом объяснения обособленно взятых вещей и явлений.

Энгельс пишет, что настоящее естествознание «начинается только со второй половины XV века, и с этого времени оно непрерывно делает все более быстрые успехи. Разложение природы на отдельные ее части, разделение различных явлений и предметов в природе на определенные классы, анатомическое исследование разнообразного внутреннего строения органических тел — все это было основой тех исполинских успехов, которыми ознаменовалось развитие естествознания в последние четыре столетия»¹.

Не следует, однако, думать, что это историческое развитие мышления происходило гладко и без противоречий, в силу одних лишь внутренних потребностей развития познания. В действительности дело обстояло гораздо сложнее.

После античного периода история знает целую эпоху так называемого средневековья, когда науки не только не развивались, но и то, что сделали греки, было погребено на несколько столетий. В эту эпоху господствующей идеологической силой была церковь, и философия целиком подчинялась задаче объяснения бытия бога и его всеислия. Правда, и под гнетом церкви научное познание делало некоторые попытки к развитию, но, разумеется, большого значения эти попытки иметь не могли. Только с середины XV столетия начинается возрождение научного мышления, и вместе с тем возрастает интерес к великим древнегреческим мыслителям.

Чем же объясняется это явление? Оно объясняется прежде всего общественным прогрессом, начавшимся процессом разложения феодализма, потребностями экономического развития. Средние века, хотя и не благоприятствовали развитию наук, все же сделали шаг вперед в развитии общества. Энгельс в подтверждение этого приводит простое сравнение между состоянием мира около 300 г. и в конце средневековья, около 1453 г.

В древности была лишь одна узкая культурная полоса вдоль побережья Средиземного моря; в конце средневековья — большая культурная область, обнимающая всю Западную Европу. Средневековые города создали промышленность и подняли производство на несравнимо более высокую ступень, чем было в древности. Более развитыми стали торговые связи, судоходство. За тысячелетие были изобретены такие вещи, о которых в древности понятия не имели. Водяная мельница, уличное освещение, писчие перья, хлопчатая бумага, разработка серебряных копей, ветряные мельницы, часы с колесами, магнитная игла, очки, бумажная фабрика, литографское и типографское дело, порох и пр. — все это результат развития общества в средние века.

Начавшийся в конце этого периода процесс зарождения новых экономических порядков, развитие капитализма, подъем производительных сил создали благоприятные условия для развития

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 21.

наук. В основе нового прогресса научного мышления лежали, таким образом, потребности экономического развития, торговли, ведения войн. *Этим* прежде всего объясняется новый период в истории мышления.

Как мы уже знаем, этот период характеризуется *анализом* отдельных частей природы, разложением ее на элементы и изучением каждого из них в обособленно взятом виде.

Ныне не стрелами яркими дня и не солнца лучами
Надо рассеивать ужасы и помрачение духа,
Но изучением и толкованьем законов природы.

Этот принцип, провозглашенный в древности Лукрецием, в эпоху Возрождения стал главным принципом познания. В художественных произведениях, в научных трактатах, в философских книгах — везде отрицались и зло высмеивались религиозно-поповские принципы мышления, умствование, схоластика, отрыв от объективной действительности, от практики. Человек снова приблизился к природе. Главным методом познания становится изучение природы, конкретных фактов; в основу мышления кладется опыт.

Один из основателей опытной науки, новой философии эмпиризма и материализма — Бэкон¹ в своем труде, который он назвал «Великое возрождение наук», высмеивая бесплодные схоластические умствования средневековых философов, приводит остроумный пример. Людям нужно перетащить огромный обелиск для украшения какого-то торжества. И думают они этот обелиск перетащить одними руками. Но обелиск не поддается их усилиям. Увеличивают число рук — тот же результат. Гимнастируют для укрепления мышц рук.

«Вот люди, сумасшествующие, так сказать, осторожно и методически! Сколько даром потраченного труда... И что же! С такой же сумасбродной ревностью и с такими же бесплодными усилиями сбегаются люди для исполнения умственных работ, возлагая все свои ожидания то на многочисленность и согласие умов, то на проницательность и могущество гения, то, наконец, из желания придать уму больше силы и крепости. Но каковы бы ни были их усилия и ревность, нельзя не видеть, что в дело они пускают один только голый ум».

Но один только голый ум, без опыта, без эксперимента над явлениями природы бесплоден. Развитие техники не только вызвало потребность в развитии знания, но и оказало ему материальную помощь. Изобретение микроскопа и телескопа увеличило человеческие возможности проникновения в тайны природы.

В этот период выступают такие великие ученые, как Галилей², Кеплер³, Ньютон⁴, обосновавшие законы движения планет,

¹ Бэкон Фрэнсис (1561—1626) — английский философ.

² Галилей (1564—1642) — великий итальянский физик и астроном.

³ Кеплер (1571—1630) — немецкий ученый, астроном, один из основоположников современной астрономии.

⁴ Ньютон (1643—1727) — великий английский физик и математик, открывший закон всемирного тяготения.

подтвердившие гипотезу Коперника¹ о вращении земли вокруг солнца, поставившие такие науки, как механика, астрономия, математика, на прочные научные основы.

В созданных в этот период академиях занимались тщательным исследованием строения органических тел, изучением отдельных органов животных и т. д.

Галилей при помощи своего телескопа открыл четырех спутников Юпитера и этим своим открытием первый подтвердил предположение Коперника о строении солнечной системы. На протяжении XVII и XVIII столетий ученые открывали новые планеты и их спутников. Картина неба все более и более прояснялась.

В 1660 г. английский ученый Робер Гук (1635—1703 гг.) сделал открытие, имевшее затем огромное значение. Он впервые увидел клеточное строение растений. Вслед за ним голландский ученый Левенгук (1632—1723 гг.) наблюдает и описывает громадное количество одноклеточных и многоклеточных организмов, видимых лишь через микроскоп. Английский биолог Гарвей (1578—1657 гг.) открывает кровообращение и показывает его значение для деятельности различных органов человеческого тела.

Известный шведский ученый Линней (1707—1778 гг.) дает первую классификацию мира растений и животных, т. е. группирует их по принципу сходства в различные классы и виды.

Все эти успехи в развитии познания, все глубже проникающего в тайны природы, были условием, без которого, невозможно было бы составить научное, т. е. правильно отражающее действительность, представление о мире и законах его развития.

Но будучи основой для дальнейшего прогресса естествознания, достижения этого периода сами по себе не давали еще возможности подлинно научного отражения закономерностей природы.

Разложение природы на части и анализ искусственно вырванных из общей связи явлений могли лишь способствовать накоплению материала, познанию необходимейших фактов, но не могли показать *связи* явлений, их взаимоотношения, их развития и изменения.

Когда мы рассматриваем какое-нибудь явление, мы его неизбежно вырываем из его связи с другими явлениями, отвлекаемся от причин, приведших к его образованию, исследуем это явление как нечто данное, готовое. Попробуем, однако, ограничиться этим, и у нас неизбежно сложится *метафизическое* представление, т. е. представление о том, что окружающие нас предметы даны раз навсегда, не изменяются, не претерпевают никаких процессов, не имеют никакой истории.

Именно такой образ мышления, *метафизический* в своей основе, сложился в эпоху, когда на первом плане была задача собирания материала, разделения явлений природы на классы и виды,

¹ Коперник (1473—1543) — великий итальянский астроном.

исследования и познания отдельных фактов и предметов. Природа меньше всего рассматривалась с исторической точки зрения, как процесс. Энгельс пишет, что в то время интересовались главным образом пространственной протяженностью; «различные формы группировались не одна за другой, а одна подле другой, естественная история считалась чем-то неизменным, вековым, подобно эллиптическим орбитам планет»¹. Солнечная система, по Ньютону, возникла из первого толчка божественного происхождения, она вечна и неизменна. Земля, переставшая со времени Коперника казаться центром мира, рассматривалась как нечто неизменное. Геологии как наука еще не существовала. В области исследования органических явлений делались лишь первые шаги. Классификация Линнеем животных исходила из неизменяемости видов. Теория Дарвина² могла появиться только в XIX в. Весь органический мир: человек, растения, животные — все это с точки зрения метафизического метода представлялось как нечто готовое, неизменное и раз навсегда данное.

Генеральные научные открытия сочетались с наивными мистическими и религиозными верованиями о происхождении человека и природы. В области объяснения общественных явлений господствовали идеалистические и метафизические представления. Наука еще не дифференцировалась, не разделилась на ряд самостоятельных наук. Это произошло позже — в конце XVIII и в первой половине XIX в. Из конкретных наук были более или менее развиты лишь астрономия, механика и математика. Другие науки делали первые робкие шаги и были еще науками, скорее собирающими факты, чем объясняющими законы природы. Такое положение приводило к тому, что философия выступала как наука наук, долженствующая дать объяснение всему.

Можно поэтому подумать, что в это время философия праздновала свое всецпие. В действительности же такое положение было признаком ограниченности познания, низкого уровня научного мышления, недостаточности собранных фактов. В этом странном на первый взгляд явлении следует разобраться, иначе трудно будет понять дальнейшее развитие философии, в частности новый характер материалистической диалектики как философской науки.

Чем объясняется всеобъемлющий, универсальный характер философии в прежние эпохи?

В работе: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин писал следующее:

«Это самый наглядный признак метафизики, с которой начинала всякая наука: пока не умели приняться за изучение фактов, всегда сочиняли а priori (без обоснования

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 417.

² Чарльз Дарвин (1809—1882) — величайший английский ученый, биолог, создатель научной теории развития и образования органического мира.

и проверки фактами. — М. Р.) общие теории, всегда остававшиеся бесплодными. Метафизик-химик, не умея еще исследовать фактически химических процессов, сочинял теорию о том, что такое за сила химическое сродство? Метафизик-биолог толковал о том, что такое жизнь и жизненная сила? Метафизик-психолог рассуждал о том, что такое душа? Нелеп тут был уже прием. Нельзя рассуждать о душе, не объяснив в частности психических процессов: прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения о том, что такое душа, и суметь поставить на научную почву изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы»¹.

Ленин здесь делает чрезвычайно важное указание: всякая наука начинала с того, что действительные связи явлений она вследствие слабости на определенном этапе научного познания замещала вымыслами, философскими построениями, догадками. Ту же самую мысль мы найдем и у Энгельса. Философия природы, писал Энгельс, или так называемая натурфилософия, «заменила еще неизвестную тогда действительную связь явлений идеальной, фантастической связью и замещала недостающие факты вымыслами, пополняя действительные пробелы лишь в воображении. При этом ею были высказаны многие гениальные мысли и предугаданы многие позднейшие открытия, но не мало также было наговорено и вздору. *Иначе тогда и быть не могло*»².

В самом деле: разве в распоряжении древнегреческих мыслителей достаточно было фактов и возможностей для того, чтобы научно определить строение материи или движение солнечной системы? Но если мы сделаем скачок на два тысячелетия вперед и возьмем французских материалистов XVIII в., то и здесь, в новых условиях, мы увидим, что философы распространяли законы механики, механического движения, ранее других открытые, на все явления, в том числе и органические. Человек и процессы, в нем совершающиеся, с этой точки зрения ничем не отличались от того, что происходит в неорганических явлениях, и человек представлялся как человек-машина.

Ничего удивительного не было в том, например, факте, что в старое время ученые считали, что в семени уже в готовом виде, только в микроскопических размерах, существует живой организм. При помощи микроскопа эти фантастические взгляды затем были отвергнуты. Но так как реальные факты не могли еще быть известны, то они заменялись вымышленными, фантастическими, очень часто нелепыми представлениями.

Ничего странного нет в том, что земля со всеми ее жизненными условиями мыслилась в старое время как нечто извечно существовавшее. Ведь геология как наука, открывшая человеческую многовековую эволюцию земли и длительную историю изменений жизненных условий, связанных с геологическими

¹ Ленин, т. I, стр. 64. (Подчеркнуто мною — М. Р.)

² Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 666. (Подчеркнуто мною — М. Р.)

изменениями земли, появилась совсем недавно — всего сто с лишним лет назад.

Одно изобретение Галилеем телескопа подвинуло науку намного вперед. Телескоп Галилея вбирал света в сто раз больше, чем невооруженный глаз. Современные же телескопы вбирают света в 250 тысяч раз больше, чем нормальный глаз человека! Сейчас существуют такие инструменты, которые способны реагировать на тепло от горящей свечки, расположенной от этого инструмента на расстоянии 3 тысяч километров! Понятно, какое это имеет значение для изучения небесных планет, далеких звезд и т. д. Но что мог сделать один невооруженный глаз?

Поэтому наряду с зачатками положительных наук о природе неизбежно существовала так называемая философия природы, априорная наука, восполнявшая недостаточность, ограниченность положительных знаний о природе общими философскими конструкциями.

В таком же положении была и наука об обществе, о человеческой истории. Общественные науки заменялись философией истории, страдающей теми же пороками, что и философия природы.

Разве случайно научному социализму предшествовал *утопический* социализм, эта своеобразная *философия социализма*? Нужны были определенные, достаточно развитые условия, нужно было появиться современному пролетариату, для того чтобы *утопический* социализм уступил место научному. До появления этих условий ранние социалисты выдумывали идеальные, фантастические формы социализма. О них можно также сказать словами Энгельса, имевшего в виду философию природы: в их фантазиях было много гениального, но и немало было наговорено вздору.

Как видим, всецелое и безраздельное господство философии имеет свои глубокие корни и мало напоминает действительное всецелое знание, науки.

Но, повторяем, иначе и быть не могло. Философы поэтому и строили всеобъемлющие философские системы, в которых явления, составляющие сейчас предмет специальных наук, были объектом различных отделов единой философской науки.

Вот как определял предмет философии Декарт¹: «Вся философия подобна как бы дереву, корни которого — метафизика, стволы — физика, а ветви из растущих на стволах почек — все прочие науки, сводящиеся к трем главным: медицине, механике и этике»².

Но развитие общества вступило в новую фазу, старые условия уступили место новым, — наступил новый период и в истории мышления.

В конце XVIII в. произошла Великая буржуазная революция

¹ Декарт Ренэ (1596—1650) — знаменитый французский философ

² Декарт, Разыскание истины, стр. 9.

во Франции. В Англии произошел величайший революционный промышленный переворот. Эти события изменили существовавшие до того общественные порядки. Наступил период капитализма. Известно, что капиталистическое развитие до поры, до времени сопряжено с огромным прогрессом техники, с развитием производительных сил. Развитие же производительных сил невозможно без прогресса наук, без развития естествознания. Все величайшие научные открытия, произведшие целый переворот в познании и подготовленные предшествующим периодом собирания материала, падают на этот новый период, начавшийся с середины XVIII в. Для того чтобы понять характер этого нового периода в истории познания, приведем некоторые факты.

Немецкий философ Кант¹ выступил одновременно с ученым Лапласом² со своей теорией неба, разрушившей метафизическое представление о неизменности и вечности солнечной системы. Смелая теория Канта имела неоценимое значение для науки.

По этой теории земля и вся солнечная система образовались в результате движения материи, *эволюционным* путем. В теории Канта (и Лапласа) не было места первоначальному толчку, не оставалось места для вечных, неизменных предметов. Образование солнца и планет, вращающихся вокруг солнца, представлялось как процесс *исторического развития*.

Огромное значение имело появление геологии как самостоятельной науки. Потребность развития промышленности, добычи руд, каменного угля заставила человека проникнуть в глубь земли. Благодаря этому были сорваны покровы с тайны происхождения земли. Наблюдения показали, что в различных пластах земли встречаются остатки различных животных и растений. Этот факт стал неопровержимым свидетельством неодинакового возраста различных слоев земли, т. е. свидетельством *исторического развития* земли, огромных изменений, которые она претерпевала на протяжении многих миллионов лет. Чарльз Ляйелль³ выступил с эволюционной теорией земли, научно, на фактах доказывавшей эволюцию земной поверхности. Вместе с научной геологией появилась новая наука — палеонтология, которая по остаткам животных, найденным в различных пластах земных наслоений, восстановила общую картину многомиллионной истории развития животного мира, от наиболее простых организмов до сложных. Нужно ли доказывать, какие изменения она внесла в представления об органических явлениях? Вместе с другими науками, которые породило новое время, вместе

¹ Кант (1724—1804) — немецкий философ, первый представитель немецкого классического идеализма.

² Лаплас (1749—1827) — крупнейший французский математик и астроном.

³ Чарльз Ляйелль (1797—1875) — английский ученый, геолог, заложивший основы современной геологии.

со сравнительной анатомией, эмбриологией¹ палеонтологией и всегда разрушила иллюзии о неизменности органического мира, об особом происхождении человека.² И здесь на смену метафизике пришла теория *развития, историческая теория*.

Закон превращения энергии, который был открыт французским ученым Лавуазье (1743—1794 гг.) (у нас этот закон был самостоятельно сформулирован гениальным русским ученым Ломоносовым), показал единство материального движения, превращающегося из одной формы в другую.

В 1838—1839 гг. немецкие ученые Шлейден (1804—1881 гг.) и Шванн (1810—1882 гг.) создали клеточную теорию, значение которой для объяснения происхождения и развития органического мира трудно переоценить. Эта теория доказала, что все живое образовалось из одноклеточных, простейших организмов. Она разрушила метафизические и религиозные представления об органическом мире.

В 1859 г. произошло событие, которое по праву можно назвать историческим. Великий английский биолог Чарльз Дарвин выступил со своими трудами, научно обосновавшими развитие органического мира. Его эволюционная теория происхождения видов на огромном количестве фактов, на опытах доказала и подтвердила развитие и *беспрерывное* изменение жизни на земле, вскрыла противоречия, борьбу, лежащие в основе этого развития, показала, что жизнь развивается в форме постоянного исчезновения и возникновения. Эволюционная теория Дарвина имела огромное влияние на многие науки.

Вместе с этими великими открытиями, с прогрессом конкретных наук развивалась и философия. Блестящая плеяда французских материалистов², затем Гегель, Фейербах³, их философские сочинения включались в общий поток прогрессирующей науки. История философии дает немало примеров, которые показывают, что философы часто задолго до естествоиспытателей открывали великие законы природы. Среди философов на одно из первых мест должен быть поставлен Гегель. Его философия, правда в идеалистической форме, объяснила законы диалектического развития до применения их к природе и обществу.

Конец первой половины XIX в. стал переломным в истории всего общественного развития. Вместе с первыми боевыми выступлениями пролетариата выступили и его величайшие представители, идеологи этого единственного революционного класса — Маркс и Энгельс.

«Коммунистический манифест» (1848 г.), «Капитал» (1867 г.)

¹ Сравнительная анатомия и эмбриология, изучая строение различных органических существ и развитие зародышей, устанавливают связь, единство и изменимость органического мира.

² Французские материалисты — Гольбах, Гельвеций, Дидро и др. — выступали накануне Французской буржуазной революции 1789 г., боролись против феодальной реакции и поповщины.

³ Фейербах (1804—1872) — немецкий философ-материалист.

и другие великие труды Маркса и Энгельса произвели переворот в научном познании. Политическая экономия, философия, история и другие общественные науки благодаря Марксу и Энгельсу получили прочное научное основание.

Маркс и Энгельс принесли окончательную победу и торжество материализму. Диалектический материализм, созданный великими идеологами пролетариата, стал основой подлинной науки об обществе, так же как и источником огромных успехов в области естествознания.

Подобно Дарвину, доказавшему историческое развитие органического мира, основоположники марксизма камня на камне не оставили от метафизических представлений об обществе, доказали и научно обосновали *развитие* общества. Дарвин показал, что человек — высшее существо животного мира — произошел от общих с некоторыми другими видами животных предков. Но Дарвин не мог научно вскрыть причины эволюции самого человека, выдвинувшие его из мира животных. Эти причины открыли Маркс и Энгельс. В труде, в применении орудий производства они увидели источники развития человека.

В первой половине XIX в. на историческую арену выступил новый класс — пролетариат. В его борьбе против эксплуататорских классов родоначальники марксизма нашли объяснение закономерностей развития человеческого общества. Так же как и в природе нет ничего готового, застывшего, неизменного, так и в обществе одни формы сменяются другими, одни общественные организмы исчезают, для того чтобы уступить место более высоким. В основе этой смены лежат развитие производительных сил, противоречия общественного развития, борьба противоположных общественных классов.

Таковы основные открытия нового времени, нового периода в истории мышления.

Читатель, вероятно, заметил одну общую черту, свойственную всему процессу познания в этот новый период: в противовес метафизическому способу мышления предшествующего периода господствующее положение начинает занимать точка зрения *развития, изменения* всего существующего. Везде, в любой области знания — в космогонии, геологии, химии, биологии, в общественных науках начинают торжествовать представления о развитии, о всеобщей связи и взаимодействии явлений, т. е. о диалектическом характере развития природы и общества.

«Все твердое, — говорит по этому поводу Энгельс, — было разложено, все неизменное улетучилось, все признававшееся вечным стало считаться преходящим, вся природа предстала находящейся в вечном потоке и круговороте»¹.

Если характерной чертой предшествующего периода в истории

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 486.

мышления было разложение природы на отдельные части, то сейчас первенствует *синтез*, т. е. установление всеобщей связи явлений, тесного взаимодействия их. Все науки оказались в тесной зависимости друг от друга. Геология, палеонтология, биология, химия, сравнительная анатомия, эмбриология — все они изучают различные, превращающиеся друг в друга формы движущейся материи.

Теория развития, лежащая в основе этих наук, дала возможность составить общую правильную картину природы, которая сейчас основывается на прочных фактах.

Что же является предметом философии в новое время? Ясно, что огромный прогресс наук не мог не изменить характер философской науки.

Геология, биология, химия раньше не были самостоятельными науками. Их заменяла философия природы. Общественные науки заменяла философия истории. Известно, что философия природы и истории заполняла недостающие факты вымыслами. Но в новую эпоху обстоятельства коренным образом изменились. Факты и научные опыты вытеснили вымыслы. Наука дифференцировалась, образовались самостоятельные науки, имеющие в своем распоряжении все необходимое для того, чтобы познать законы явлений, коими они занимаются. Какой же может иметь смысл философия природы или философия истории? Можно было строить догадки о происхождении человека до тех пор, пока не было достаточно фактов, чтобы на основании их построить правильную теорию. Но после Дарвина, после Маркса и Энгельса продолжать заниматься вымыслами о происхождении человека было бы не только пустым, но и реакционным занятием.

Философия природы не может сейчас заменить биологию, химию, палеонтологию, анатомию. Иначе говоря, философия перестает быть наукой наук, надобность в ней как в науке наук полностью отпадает.

Теперь, пишет Энгельс, «когда нам достаточно взглянуть на результаты изучения природы *диалектически*, т. е. с точки зрения их собственной взаимной связи, чтобы составить удовлетворительную для нашего времени *«систему природы»*, и когда сознание диалектического характера этой связи насильно проникает даже в метафизические головы естествоиспытателей, — теперь натурфилософия погребена навеки»¹.

Естественно, может возникнуть вопрос: а нужна ли философия вообще, оставляет ли прогресс науки место для философии как особой науки? Этот вопрос ставился у нас совсем недавно. Существовало целое так называемое механистическое направление, которое считало, что прогресс естествознания, выводы его снимают всякую потребность в самостоятельной философской науке. Раздавались голоса о необходимости выбросить «философию за борт», о том, что «нам философия не нужна».

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 666.

Самы эти механисты, как читатель увидит ниже, явили пример дурной философии, а также образчик того, как отрицание философии приводит к результатам отнюдь не положительным.

В действительности прогресс наук, теория развития, продиктованная вскрытыми фактами природы и человеческой истории, весь предшествующий ход исторического развития общества и мышления подвели вплотную к возникновению единственно научной, последовательной философской науки — *материалистической диалектики*.

Со времени древнегреческих философов до середины XIX в. познание совершило огромный путь, приведший к величайшим результатам.

Эти результаты дали впервые возможность составить верное, глубоко научное представление о развитии природы, общества и мышления, дали возможность вывести общие законы этого развития и составить единственно научное мировоззрение.

Философы всех времен и эпох пытались открыть законы, по которым развивается мир. Однако познание только в конце XVIII и в первой половине XIX в. научно, фактами утвердило принцип развития мира, т. е. принцип, открывающий основу, сущность жизни; до этого же господствовали метафизические понятия. Поэтому сколь бы гениальны и прогрессивны ни были общие законы, открывавшиеся в прежнее время великими философами, они неизбежно были ограничены, давали лишь частичку правды, рядом с которой уживались вздорные и фантастические представления. Только дальнейший прогресс дал возможность вывести общие законы развития природы, человеческой истории и мышления, законы уже *адекватные самой объективной действительности, т. е. верно ее отражающие*.

«Теперь вся природа лежит перед нами, — писал Энгельс, — как некоторая система связей и процессов, объясненная и понятая по крайней мере в главных чертах»¹.

Что представляют собой эти общие законы?

Они дают картину мира, его движущих сил и в своей совокупности составляют мировоззрение, а также и метод изучения и объяснения действительности.

Вот это общее мировоззрение и метод, являющиеся результатом, квинтэссенцией всего вкратце рассмотренного нами исторического развития познания и началом, могущественным источником нового, еще более величественного расцвета познания, и составляют предмет диалектического материализма — новой философии, основанной Марксом и Энгельсом.

Рядом с другими науками, таким образом, стала новая философия, не претендующая на высокое предназначение заменить все области знания и имеющая свой определенный, хотя и своеобразный предмет. В чем своеобразие этой философской науки, каковы взаимоотношения ее с другими науками, в чем ее сила?

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 651.

На все эти вопросы мы дадим ответ в следующей части этой главы.

Сейчас же следует обратить внимание читателя на чрезвычайно важное обстоятельство.

История человечества тем и отличается от истории природы, что в первой все делается самим человеком, в одни эпохи стихийно, в другие сознательно. Это замечание имеет ближайшее отношение и к нашему вопросу. Материалистическая диалектика хотя и составляет итог всего предшествующего познания, но итог, который был подведен определенными людьми. Несмотря на то, что в наше время диалектический характер развития природы и истории совершенно очевиден, находится немало «ученых» философов, которые не только не принимают материалистической диалектики, но и энергично борются против нее. На это есть свои глубокие причины.

Читатель уже знает, в чем смысл диалектики: она утверждает великий принцип развития и изменения природы и общества. Для нее, как писал Энгельс, «нет ничего раз навсегда окончательного, абсолютного, святого. На всем и во всем обнаруживает она печать неизбежного исчезновения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса становления и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему»¹.

Легко понять, что не все классы принимают революционную диалектику. Для буржуазии, как и для других эксплуататорских классов, принцип собственности и эксплуатация народа слишком свят, чтобы признавать неизбежность уничтожения капиталистической собственности. Даже Гегель — великий диалектик, один из основоположников диалектической философии — ограничил в силу своих социальных предрассудков революционное значение диалектики, дополнил ее грубейшей метафизикой, для того чтобы признать разумность и вечность буржуазного строя. Революционная на первых порах своего развития буржуазия в дальнейшем прогрессе истории начинает проповедывать все реакционное и антинаучное, все мистическое и метафизическое. Фашизм дает этому достаточно красноречивые примеры. Современные идеологи буржуазии заявляют, что диалектическое учение о развитии «отнимает у всякой деятельности ее ценность, так как каждое сегодня преодолевается завтрашним днем». Вот этого преодоления во всемирном масштабе сегодняшнего дня капитализма завтрашним днем социализма больше всего боятся ученые слуги буржуазии. Естественно, что боязнь пролетарской революции является источником всего реакционного, черносотенного в современной буржуазной философии.

Только Маркс и Энгельс — идеологи пролетариата — подвели итог всего исторического развития общества, обобщили накопленный человечеством опыт познания и создали новое, революционное учение — материалистическую диалектику. Только

¹ Энгельс, Людвиг Фейербах, стр. 9, Партиздат, 1936 г.

представители пролетариата — класса, интересы которого совпадают с объективным ходом исторического развития общества, могли создать философию, научно и до конца последовательно совпадающую с законами самого объективного мира.

II

Итак, материалистическая диалектика — это «наука о наиболее общих законах *всякого* движения»¹. Или конкретнее: наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления.

Мы видели, что эти общие законы не являются плодом фантастических размышлений. Они основываются на изучении развития природы и общества, развития мышления всех предшествующих эпох. Материалистическая диалектика впитала все достижения научной мысли, результаты практической деятельности человечества, опыт революционного движения всех времен.

Поэтому законы диалектики являются *результатом, итогом*, концентрирующим в себе весь опыт человечества.

Подобно тому, как любое понятие есть обобщение целого ряда конкретных, реальных явлений, законы диалектики суть обобщение всего исторического развития природы, истории и мышления.

Возьмем такое простое понятие, как «человек». Всякому очевидно, что это понятие образовалось путем обобщения того главного, что свойственно каждому конкретному человеку. Если взять более сложное понятие, например, понятие причинности, причинной связью явлений, то нетрудно увидеть, что и здесь понятие отражает отдельные конкретные явления. Причинность как понятие и здесь является отвлечением от множества конкретных форм действительных причинных связей: движение шара происходит по причине столкновения с другим телом, возникновение какого-нибудь нового химического явления имеет своей причиной соединение различных элементов, повышение цен на капиталистическом рынке на какой-нибудь товар можно понять в связи с анализом условий его производства и продажи и т. д. Общие, *наиболее существенные, неотъемлемые* свойства всех этих единичных причин и обобщаются в понятии причинности.

Законы диалектики также созданы на основе обобщения конкретных, реальных фактов. Они, говорит Энгельс, «были отвлечены из истории природы и человеческого общества»² и проверены в процессе практической деятельности людей.

Возьмем, например, диалектический закон единства противоположностей. Закон этот утверждает, что источником развития является борьба противоположностей, переход их друг в друга. Очевидно, утверждение это не больше, как результат наблюдений над самыми разнообразными фактами, результат их изучения.

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 344.

² Там же, стр. 525.

И самое простое передвижение тела в пространстве есть противоречие, и жизнь всякого биологического существа является противоречием, и в основе разлития общества лежит борьба противоположных классов, и тысячи и миллионы других фактов показывают то же самое. В результате этого наблюдения и вытекает вывод, который сформулирован законом единства противоположностей. Так же обстоит дело и с другими законами диалектики. Они взяты из конкретной действительности и содержат в себе все то существенное, что свойственно миллионам и миллиардам фактов и явлений. Они поэтому суть объективные законы самой действительности, т. е. законы, существующие сами по себе, объективно, вне сознания человека. Не сознание, не мышление породило эти законы, но объективный мир, объективная диалектика, существующая в природе и в человеческой истории, породила так называемую субъективную диалектику. Иначе говоря, диалектика мышления, познания *отражает* диалектику объективного мира. Диалектическая теория развития есть не только победа диалектики над метафизикой, но и победа материализма над идеализмом.

Поэтому единственно научной диалектикой может быть только *материалистическая* диалектика. Это решающий, исходный пункт, основа диалектики.

Гегель, будучи идеалистом, считал, что диалектика природы есть лишь проявление диалектики идеи, сознания. Его диалектика — *идеалистическая* диалектика. Этим объясняются слабость его философской системы, искусственность его диалектики, натянутость и вздорность многих его положений. Гегелевская диалектика велика лишь постольку, поскольку Гегель в движении своих понятий и идей сумел, хотя и в мистической форме, угадать движение самого объективного мира, самой природы и человеческой истории.

Материалистическая диалектика исходит из принципа объективности законов диалектики. Ленин, перечисляя элементы диалектики, на первый план выдвигает именно их объективность:

«1) *объективность* рассмотрения (не примеры, не отступление, а вещь сама в себе).

2) *вся совокупность многообразных отношений* этой вещи к другим.

3) *развитие* этой вещи... ее собственное движение, ее собственная жизнь»¹.

Объективность рассмотрения, вещи и явления сами в себе, их *собственное* движение, *собственная* жизнь — вот что подчеркивает Ленин. Всякое отступление от этого принципа объективного рассмотрения явлений жестоко мстит и приводит к крупнейшим ошибкам. Материалистическая диалектика стоит на твердой почве реальных фактов, на почве действительности со всеми ее объективными условиями и противоречиями.

¹ «Ленинский сборник» IX, стр. 257, изд. 2-е

Объективность рассмотрения, трезвость в оценке фактов — неотъемлемая черта большевистской диалектики. Вся история коммунистической партии (большевиков) подтверждает это требование диалектики. Возьмем такой пример: когда партия перешла от политики ограничения кулачества к политике ликвидации его как класса, «теоретики» из разгромленной сейчас троцкистско-зиновьевской банды утверждали, что партия осуществляет то, что они предлагали еще в 1926—1927 гг. То, что они навязывали партии в тот период, несколько не соответствовало *объективному* положению вещей. Товарищ Сталин, показывая пример объективного диалектического анализа, говорил, что предлагавшаяся в 1926—1927 гг. зиновьевско-троцкистской оппозицией политика немедленного наступления на кулачество была опасной авантюрой, что она ничего общего не имела с нашей партийной политикой наступления на капиталистические элементы. «Могли ли мы лет пять или года три назад предпринять такое наступление на кулачество?.. — говорил в своей речи на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. товарищ Сталин. — Нет, не могли. Это было бы опаснейшим авантюризмом. Это было бы опаснейшей игрой в наступление. Ибо мы наверняка сорвались бы на этом и, сорвавшись, укрепили бы позиции кулачества»¹.

И далее конкретным анализом *объективных* фактов товарищ Сталин доказывает, почему невозможно было в те годы перейти в наступление на кулачество. Столь же объективным рассмотрением положения в стране в 1929 г. он доказывает, что обстановка в корне изменилась и что назрела возможность и необходимость ликвидации кулачества как класса.

Диалектика развития лозунгов партии отражала развитие и изменение *объективной* обстановки, *объективных* условий в стране, а также диалектику самой партии и ее действенность.

Законы диалектики извлечены, таким образом, из конкретных форм движения объективного мира.

Но разве любой закон всякой науки — химии, политической экономии, биологии — не есть обобщение конкретных явлений природы или общества? Этот вопрос, естественно, напрашивается, и ответ на него введет нас в область особенностей, своеобразия законов, устанавливаемых материалистической диалектикой.

Разумеется, любой закон, устанавливаемый всякой наукой, также извлечен из реальной действительности, объективен и обобщает единичные явления и предметы.

Но каждая наука имеет свой круг явлений, которые она исследует. Поэтому законы каждой из этих наук обобщают лишь определенные явления. Анатомия выводит законы строения животных и человека, геология устанавливает законы эволюции и строения земли, политическая экономия объясняет законы возникновения и развития общественных способов производства,

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 314, изд. 10-е.

эстетика имеет дело с законами живописи, литературы, театра и т. д. Законы же материалистической диалектики охватывают все явления объективного мира, они наиболее общие законы всякого движения.

«Это означает, — писал Энгельс. — что законы ее должны иметь силу для движения как в области физической природы и человеческой истории, так и для движения мышления»¹.

Если законы, с которыми выступает механика, охватывают лишь явления механической формы движения и пригодны лишь для объяснения одной только этой формы, а политическая экономия, открывающая законы капиталистического производства, объясняет лишь закономерности капиталистического развития, то законы диалектики находят общие принципы развития явлений любой области — механики, физики, химии, биологии, всей человеческой истории.

Законы диалектики извлечены из всех явлений объективного мира. Опираясь на достижения конкретных специальных наук, на весь опыт мирового общественного развития, материалистическая диалектика в своих законах обобщает все то, что *существенно* для всякой формы движения. В ее законах находят свое общее и самое существенное выражение разнообразнейшие процессы, совершающиеся и в области неорганической и органической природы, и в смене одних общественных формаций другими, и т. д.

Короче говоря, принципы материалистической диалектики отражают и объясняют общие закономерности развития мира, они составляют общее *мировоззрение*.

Своеобразие законов диалектики в отличие от законов любой науки, однако, не исчерпывается лишь тем, что они дают общее научное мировоззрение. Именно потому, что законы эти дают общее мировоззрение, они являются также и *методом* объяснения действительности.

Энгельс писал, что диалектика — самая правильная форма мышления, «ибо она одна представляет аналог и, *значит*, метод объяснения происходящих в природе процессов развития»². Но почему мировоззрение является также методом, почему Энгельс говорит, что диалектика есть аналог (т. е. верное отражение действительности. — *М. Р.*) и, *значит*, метод объяснения действительности? Для ответа на этот вопрос возьмем самый простой пример из нашей обыденной жизни.

Сложным и длительным путем пришли люди к пониманию того, что, если вспахать землю и засеять ее семенами, она через определенный промежуток времени возвращает их в многократно увеличенном количестве. Многовековой опыт, практическая деятельность неоднократно подтверждали это понимание. Оно стало уже незыблемым правилом, законом, благодаря чему люди уверенно и со знанием дела действуют. Нетрудно из этого простого

¹ *Маркс и Энгельс*, т. XIV, стр. 344.

² *Там же*, стр. 338. (Подчеркнуто мною. — *М. Р.*)

примера сделать вывод: правильное понимание законов природы дает возможность правильно ориентироваться в них, воздействовать на природу и ее силы в нужном для человека направлении.

Возьмем более сложный пример. Наблюдения над развитием общества, изучение отдельных его периодов, весь опыт человеческой истории показывают, что всегда, во все времена, основой общественного развития, определявшей и характер политического устройства, и социальные отношения между людьми, и направление развития искусств, и т. д., были в конечном счете производительные силы, экономика, экономический базис общества. Прогресс производительных сил был источником прогресса всего общества; противоречия экономического базиса — этого фундамента общества — своеобразно выражались в противоречиях классов и всех общественных отношений.

Вся человеческая история, многовековая борьба классов подтверждают правильность этого наблюдения, которое отражает всеобщий закон, имеющий силу для любой ступени общественного развития.

Разве не ясно, что правильное воззрение на общественное устройство, на закономерности развития общества дает *метод*, инструмент познания и действия, посредством которого можно объяснять причины возникновения и исчезновения рабовладельческого, феодального или других обществ, правильно ориентироваться в самых сложных обстоятельствах общественной борьбы, понимать, почему искусство или другие идеологические формы имеют именно такой, а не иной характер?

Имея правильное воззрение на общественное развитие, мы имеем и правильный метод объяснения общественных явлений: причины возникновения капиталистического строя, например, мы будем искать не в идеях и не в мнениях людей, не в эволюции философии или учений о праве, а прежде всего в изменениях экономической основы общества. Руководствуясь законами общественного развития, нетрудно также понять, что для уничтожения капитализма со всеми источниками, его питающими, недостаточно свергнуть власть буржуазии. Это первая и необходимейшая предпосылка. Нужно еще коренным образом изменить экономическую основу общества, уничтожить причины, порождающие капитализм, создать социалистическую экономику.

Известно, какую борьбу партия провела против правых и троцкистов в вопросе об индустриализации страны. Обладая правильным пониманием законов развития общества, партия руководствовалась единственно верным революционным методом борьбы за новое общество.

Партия прекрасно понимала, что после захвата власти организация социалистического производства выдвигается на первый план. Партия также прекрасно понимала, что тяжелая промышленность, индустриализация — основа социалистического производства.

Ленин и Сталин подчеркивали это всегда со всей силой. По-

нятно, что, когда правые и троцкисты выступили против линии партии на индустриализацию страны и противопоставили этой линии свою программу капитуляции перед капитализмом, партия разгромила этих героев капиталистической реставрации.

Можно было бы привести еще десятки примеров, показывающих, что знание законов природы и общества дает метод объяснения действительности, метод познания и революционной борьбы за переустройство мира.

Материалистическая диалектика — мировоззрение, охватывающее явления всей истории — истории природы, истории человеческого общества и мышления. Именно поэтому она есть также и *всеобщий метод*.

В этом своеобразии законов, устанавливаемых философской наукой, в отличие от других наук; в этом также и сила ее законов.

Появившись в результате тысячелетнего развития мышления и практической деятельности человечества, материалистическая диалектика — наука о наиболее общих законах движения природы, общества и мышления — вместе с тем стала источником дальнейшего могущественного развития познания, методом революционного изменения мира.

Теперь обратимся к основным законам диалектики и рассмотрим каждый из них в отдельности.

ЗАКОН ЕДИНСТВА И БОРЬБЫ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

I

Три основных закона диалектики, которые нам надлежит рассмотреть, — закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количества в качество и качества в количество, закон отрицания отрицания — выражают основной принцип материалистической диалектики, принцип развития.

Надо отметить, что после величайших достижений науки, особенно после открытия Дарвина, идея развития прочно вошла в сознание и стала общепризнанной идеей. Материалистическая диалектика выросла на опыте и в результате этих достижений. Ленин, однако, писал, что идея развития, которую разработали Маркс и Энгельс, «гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием», чем обычные теории эволюции.

И это понятно. Основоположники материалистическо-диалектической теории развития опирались на *всю* историю развития познания, на *весь* гигантский опыт развития человеческой истории. Они критически переработали *весь* накопленный человечеством запас знаний, не оставив без внимания почти ни одной области познания. Практическая деятельность всего человечества, движение общества с одной ступени на другую, конкретные формы общественного развития были ими всесторонне рассмотрены и обобщены. И природу во всем ее многообразии и человеческое общество они объединили в одну науку — науку *об историческом развитии* природы и общества. Опыты и открытия Дарвина и других великих ученых были для них важнейшей частью, подтверждающей великий принцип диалектического развития. Притом даже теория эволюции Дарвина при всем ее величии страдала несомненными пороками. Энгельс писал, что упреки по адресу Дарвина, что он попадает в тупик, как только у него обрывается нить происхождения, эти упреки суровы, но неопровержимы. Иными словами, Дарвин мог объяснить и с успехом объяснял изменение и эволюцию органического мира, но объяснить *происхождение* живого мира, происхождение жизни из неорганической, «мертвой» материи он не мог.

Кроме того, Дарвин склонен был придавать слишком широкое и распространенное значение своей теории эволюции. В его трудах можно найти мысль о том, что развитие общества происходит по тем же конкретным законам, что и развитие животного

и растительного мира. Мысль глубоко ошибочная и вредная. Не случайно идеологи буржуазии подхватили ее и делали из нее черносотенные, контрреволюционные выводы.

Понятно, что сам великий ученый в этих выводах несколько неповинен.

Маркс и Энгельс создавали материалистическую диалектику, борясь против ходячих и плоских теорий развития, критически перерабатывая, поправляя великое учение Дарвина и других естествоиспытателей. Нет поэтому ничего удивительного, что идея развития, как она дана в материалистической диалектике, несравненно богаче и содержательнее, чем все теории эволюции вместе взятые.

Законы диалектики в своей совокупности и формулируют эту всестороннюю и глубокую идею развития. Каждый из этих законов отражает определенные стороны, оттенки единого мирового процесса движения.

II

Мы начинаем с закона единства и борьбы противоположностей, потому что это *основной* закон диалектики.

Чем объясняется первостепенное значение этого закона?

Очевидно, тем, что он выражает какую-то основную, решающую особенность самой объективной действительности, что он затрагивает и схватывает самую сокровенную сторону реального мира.

Посмотрим, так это или не так, в каком отношении стоит этот закон к объективному миру. Ведь это — решающее обстоятельство. Если он выражает главнейшую особенность самой действительности, то станет понятным его особое значение среди других законов диалектики.

Начнем с вопроса, который очень долго стоял в центре научной мысли и волновал исследователей, — с вопроса о развитии органического мира, т. е. мира животных и растений.

Всякого мыслящего человека не может не поразить одно чрезвычайно важное обстоятельство, бросающееся в глаза при наблюдении над миром органических существ, — это наумительная упорядоченность, целесообразность, приспособленность, совершенство органических форм. Кажется, что животные и растения так созданы, что отдельные органы и строение их в целом сознательно приспособлены к окружающим условиям.

Натуралисты рассказывают о многочисленных чудесах подобного совершенства и приспособления. Откуда же эта целесообразность, какими причинами она объясняется? Иными словами, как произошел современный сложный и многообразный мир?

На этот вопрос давались самые противоположные ответы. Было и поныне еще есть немало естествоиспытателей, которые целесообразность и совершенство органических существ объ-

ясняют существованием какой-то внутренней таинственной силы, направляющей развитие растений и животных. Другие естествоиспытатели просто видят в состоянии современного мира живых существ проявление божественной воли. В XVIII в. господствовало твердое убеждение, что мир этот возник сразу в таком же состоянии, в каком он находится сейчас, что со дня своего возникновения он существовал и продолжает существовать в неизменном виде. Иначе, думали тогда, нельзя понять, откуда взялись все эти чудеса природы. Но как ни проста эта концепция, как ни удобна она для усвоения, она не решает вопроса, не объясняет происхождения и причин удивительного устройства органического мира. Прав был наш знаменитый ученый К. А. Тимирязев, когда он заявлял: «Если этот ответ верен, если органические существа действительно возникли в том виде, в каком мы их застаем, если все эти сотни тысяч разнообразных существ когда-то вылились в окончательные, неподвижные, навеки застывшие формы, тогда конечно науке здесь делать нечего, ее анализ беспомощен, он не в состоянии разложить подобного элементарного, первичного факта»¹.

В то время ученые были убеждены в неизменности природы, живой и мертвой. Естествоиспытатели создали целую систему, в которой были собраны и сгруппированы по классам, родам и видам животные и растения. Считалось, что многочисленные и противоположные виды² животных или растений никак и нисколько между собой не связаны, что каждый вид возник самостоятельно в той же форме, в какой существует сейчас и будет существовать и впредь. Нетрудно понять, что эта метафизическая теория постоянства видов покоится на том, что как все на свете, так и животные и растения представляют собой явления, неспособные изменяться, приобретать новые свойства, новые черты и превращаться в другие, противоположные виды. Раз природа любой вещи, любого явления такова, что изменяться они не могут, то, следовательно, они вечно существовали и будут существовать. Стало быть, нет и не может быть развития.

Конечно, метафизики не отрицают того, что природа находится в движении, что одни явления исчезают и на их месте возникают новые. Но согласно метафизическим воззрениям движение происходит в строго определенных, раз навсегда данных рамках, «в вечно однородном, постоянно сызнова повторяющемся круге» (Энгельс), подобно тому как неизменно весна сменяется летом, лето осенью и т. д.

Так как вид и каждое животное, принадлежащее по своим признакам и свойствам к данному виду, замкнуты в себе и не могут изменяться, то и развитие органического мира будет иметь характер движения «в вечно однородном, постоянно сызнова повторяющемся круге».

¹ Тимирязев, Чарльз Дарвин и его учение, стр. 13—14, 1935 г.

² Вид — группа наиболее сходных между собой животных или растений.

Картина органического мира, существовавшая миллионы лет назад, постоянно и неизменно воспроизводится сейчас.

Таков вообще метафизический принцип понимания и объяснения предметов и явлений объективного мира.

«Метафизик, — пишет Энгельс, — мыслит законченными, непосредственными противоположениями; речь его состоит из «да—да, нет—нет; что сверх того, то от лукавого». Для него вещь существует или не существует; для него предмет не может быть самим собою и в то же время чем-нибудь другим»¹. Эта характеристика метафизического метода является точным отражением того способа, посредством которого естествоиспытатели пытались доказать неизменяемость и вечность одних и тех же видов.

Читателю уже известно, что в середине XIX в. произошла целая революция, перевернувшая вверх дном старые представления об органическом мире. Великий ученый Дарвин своими опытами и трудами твердо и неопровержимо доказал, что современный мир живых существ есть *результат* развития и изменения, совершавшихся десятки и сотни миллионов лет. И если бы человек нашего времени мог перенестись в какую-нибудь из отдаленнейших эпох, его взору представилась бы невиданная картина органического мира. Он убедился бы в том, что современные животные и растения возникли не сразу, что было время, когда весь мир живых существ имел совершенно иной вид. А если бы было возможно такое чудо, чтобы перед взором человека, как в кинематографе, прошла вся история развития жизни, то он увидел бы, что история эта представляет собой единую, чрезвычайно сложную цепь изменений и превращений одних видов организмов в другие и что наши растения и животные лишь потомки тех своих предков, которые существовали в самые отдаленные эпохи.

Но наука находится сейчас на таком высоком уровне, что и без подобных чудес она может восстановить правильную картину развития жизни. Естествознание, начиная с Дарвина, осуществило то, что казалось неосуществимым и несбыточным.

Читатель мог убедиться, что мысль о неизменчивости предметов—это основа, на которой держалось все здание метафизической теории о постоянстве видов. Стоило лишь доказать, что эта основа не больше, как вымысел, как ошибочное представление, чтобы все здание раскололось и рухнуло.

На помощь науке, как всегда, пришла практика. Люди, стремясь к разведению лучших и первосортных пород животных и растений, добиваются в этой области изумительных успехов. Искусственный отбор — то средство, при помощи которого эти успехи достигаются.

Кому не известны наши советские знаменитые ученые — Мичурин и Лысенко, их опыты в области садоводства и растениеводства?

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 21.

Замечая случайное преимущество у каких-нибудь животных или растений, преимущество, очень выгодное для практических целей человека, и желая сохранить и развить его, люди выделяют, отбирают эти отличающиеся экземпляры и ставят их в благоприятные условия развития. При этом на сцену выступают два фактора, способствующие отбору и усовершенствованию организмов: изменчивость и наследственность.

Изменений в организмах человек добивается самыми разнообразными средствами — скрещиванием, пищей, организацией определенных естественных условий и т. д. Но главную роль здесь играют всякие случайные изменения, причины которых не всегда можно уловить. Во всяком случае естественные условия, в которых органические существа находятся, приспособление их к условиям природы и среде играют первостепенную роль и прежде всего объясняют возникновение всяких случайных изменений.

Но эти случайные изменения ничего не дали бы человеку, если бы их нельзя было закрепить, развить, усовершенствовать. Тут на помощь человеку приходит наследственность. Всякий знает, что любое органическое существо способно передавать по наследству свои формы. «Никому, конечно, не войдет в голову усомниться, — писал К. А. Тимирязев, — что щенок бульдога будет бульдог, щенок борзой — борзая». Само собой разумеется, что и случайные изменения, отклонения также имеют, как правило, способность передаваться по наследству. Следовательно, полезные изменения, передаваясь по наследству, закрепляются и в последующих поколениях получают свое дальнейшее развитие. Основываясь на этих двух факторах, люди производят искусственный отбор и усовершенствуют для своих практических целей животных и растения.

Дарвин в своем учении исходил из фактов искусственного отбора. Он приводил свидетельства практиков, которые утверждали, что искусственный отбор — это «волшебный жезл», при помощи которого они могут вызвать к жизни любые формы. Собственные опыты Дарвина приводили к подобным же результатам. Таким образом, опыт показал, что посредством искусственного отбора у растений или животных одного вида можно вызывать такие различия, которые выходят уже за рамки этого вида. Иначе говоря, оказалось, что вид далеко не неизменная вещь, как это предполагали метафизики-натуралисты, что между противоположными видами нет никакой непреходимой границы, что искусственно можно превратить один вид в другой. Оказалось также, что и самые противоположные виды животных и растений могут иметь общих предков, что также отрицалось этими натуралистами.

Как видим, практика искусственного отбора целиком опровергла метафизические представления о неизменности видов.

Однако нужно было еще доказать, каким образом совершалось изменение и превращение видов в самой природе, где сознатель-

ная цель и искусственный отбор, разумеется, отсутствуют. Исследования Дарвина привели его к выводам, что и здесь, как и при искусственном отборе, решающую роль в изменении и развитии видов играют те же изменчивость, или приспособление, и наследственность. Наблюдая за миром органических существ, можно заметить несоответствие, противоречие между огромным количеством зародышей, создаваемых природой, и совсем незначительным количеством организмов, которые выживают и достигают зрелости. Каждая органическая форма, воспроизводя себя, стремится к размножению. Но представим себе, что каждая из них имеет возможность свободно и беспрепятственно размножаться. Последствия, которые при этом получатся, будут самые неожиданные. Так, для одного семени всем известного одуванчика при условии свободного размножения через десять лет потребовалось бы пространство в 15 раз большее, чем поверхность всей земли. Одуванчик вытеснил бы все живое на земле. Но другие существа в свою очередь также размножаются и борются за свое существование. Понятно, что при этих условиях возникает жесточайшая борьба. «Вместо вечно ясной, улыбающейся природы, которую мы привыкли считать воплощением мира, перед удивленными глазами нашими возникает грозный хаос, где все живущее смешалось и переплелось в ожесточенной, смертельной схватке, где каждое существо вступает в жизнь по трупам миллионов себе подобных»¹.

Кто же в этой борьбе остается победителем? Нетрудно догадаться, что побеждают лишь те организмы, которые имеют хотя бы малейшее преимущество перед другими, кто более приспособлен. Остальные, менее приспособленные к борьбе, постепенно исчезают. Случайные изменения, дающие организмам возможность выживать и размножаться, передаются по наследству, и преимущества наиболее приспособленных видов, таким образом, постепенно укрепляются и развиваются. Весь этот процесс изменения и превращения видов Дарвин назвал естественным отбором.

Теория естественного отбора раскрыла тайну поражающей и изумляющей нас целесообразности органического мира. Эта целесообразность вовсе не есть проявление какой-то внутренней цели, существующей, как утверждают идеалисты, в органических существах. Она — результат длительнейшего, продолжающегося миллионы лет процесса изменения видов, приспособления животных и растений к естественным условиям, результат жесточайшей борьбы и естественного, т. е. протекающего в самой природе, стихийно, без вмешательства какой-либо посторонней помощи, отбора. Итак, практика и наука восстановили истинную картину развития и образования органического мира. Они показали, как развивался он от первых и простейших проявлений жизни до самых сложных существ, приспособленность и целе-

¹ Тимирязев, Чарльз Дарвин и его учение, стр. 85, 1935 г.

сообразность которых нас так удивляют. Все таинственное и мистическое в органическом мире исчезло.

Сделаем теперь первые выводы, которые на примере развития живого мира помогут нам понять некоторые общие законы развития.

История органической природы с неопровержимой ясностью показывает, что представление о неизменности предметов и явлений глубоко ошибочно и не соответствует действительности. Подобное представление создается лишь тогда, когда предметы и явления объективного мира рассматриваются как застывшие, неподвижные, неразвивающиеся. Стоит взглянуть на природу в процессе ее развития, т. е. в соответствии с самой действительностью, чтобы метафизические воззрения потеряли всякие основания.

Развитие органического мира прекрасно показывает, что вид, как и каждый живой организм в отдельности, не есть нечто замкнутое в себе, неспособное изменяться и превращаться в противоположный вид. Приспосабливаясь к естественным условиям, к среде, организмы получают некоторые, сначала случайные, изменения. Но если эти изменения создают преимущества для организмов, они (изменения) наследственным путем передаются из поколения в поколение, и то, что было сначала случайным, становится необходимым. Таким образом, один вид превращается в другой вид. Следовательно, предметы и явления способны изменяться до превращения в свою противоположность.

Какой же смысл имеет утверждение метафизики, что «предмет не может быть самим собою и в то же время чем-нибудь другим»? (Энгельс). Это утверждение означает, что предметы и процессы не могут быть противоречивыми. Мы рассмотрели одно из чрезвычайно важных и интереснейших явлений живой действительности и увидели, что животные или растения, принадлежащие к какому-нибудь виду, приобретая те или иные изменения, уже становятся существами, которые и принадлежат к данному виду и не принадлежат.

Стало быть, предмет может быть самим собою и в то же время чем-нибудь другим, т. е. *противоречивым*. Иначе говоря, в органическом виде, как и в других явлениях, может совмещаться и совмещается старое и новое. Признаки, которые характеризуют старый вид, находятся в единстве с противоположными признаками, которые представляют начало уже нового вида. Вид, до того единый, как бы раздваивается, становится противоречивым; в нем появляются тенденции, способствующие его изменению и превращению в другой вид. Если бы такого противоречия в органическом мире не было, невозможно было бы и развитие их, превращение одних видов в другие. Представьте себе, что в каком-нибудь виде нет и никогда не будет единства старого и признаков нового, о котором мы говорили. Ясно, что тогда никакое развитие немыслимо и что вид этот вечно будет оставаться тем, что он есть, т. е. без изменений. И наоборот, именно то обстоя-

тельство, что среди организмов образуются в силу знакомых нам причин изменения и рядом со старым возникает новое, которое при известных условиях передается по наследству, — именно это обстоятельство дает нам ключ к объяснению всей истории развития органического мира, от элементарных форм жизни до современных органических форм. Таким образом, противоречие на деле оказывается источником развития органического мира, тем, что движет и изменяет живую природу.

Закончим на этом пример с развитием органического мира и попросим читателя запомнить те общие выводы, которые из него вытекают.

А теперь оставим область природы и перейдем в мир общественных отношений, общественного развития.

Наука об обществе, так же как и естествознание, долго основывалась на метафизических представлениях.

Большинство философов, пытавшихся найти и объяснить законы общественного развития, считало, что состояние общества зависит от мнений людей, от идей, которыми руководствуются люди. Эти философы исходили из того идеалистического принципа, что сознание людей определяет их бытие. С этой точки зрения казалось, что стоит лишь найти правильную идею общественного устройства, чтобы все было хорошо. Философы — идеологи буржуазии, выступавшие как враги феодального общества, были уверены, что все предшествующие общественные формы были заблуждением человечества, так как они противоречили естественной человеческой природе, препятствовали ее развитию. Стоит лишь организовать общество на таких разумных началах, чтобы оно находилось в гармонии с этой естественной человеческой природой, и тогда все будет в порядке. Восторжествует и водворится на веки вечные единственно разумная и благоприятная для развития человечества общественная организация. При этом следует заметить, что эти теории «разумного» общества имели в виду по существу установление и защиту буржуазных порядков.

Само собой разумеется, что подобные идеалистические представления об обществе имели своим последствием отрицание развития, закономерного изменения общества. Правда, факты истории неопровержимо доказывают, что одни общественные формы сменялись другими, что, следовательно, в обществе происходили глубокие изменения. На смену родовому обществу пришло общество рабовладельческое, последнее уступило место феодальному и т. д. Но идеологические представители всех эксплуататорских классов, приходивших к власти, были твердо убеждены, что та общественная форма, которую их класс устанавливает, есть единственно разумная и не подлежащая изменению форма. Все, что было до капитализма, буржуазные идеологи считали глубочайшим заблуждением. Зато в капиталистической собственности они видели самое яркое выражение подлинно человеческого общества, уже не подлежащего смене. Даже такие бур-

жуазные экономисты, как Адам Смит и Давид Рикардо¹, имеющие большие заслуги в развитии научной политической экономии, были метафизиками, когда дело касалось вопроса о том, вечен или не вечен капиталистический строй. Они были уверены, что капитализм — это естественная, т. е. единственно возможная и необходимая, форма общественного устройства, что капитализм неизменен и вечен. В этом факте обнаруживались, разумеется, не только метафизические принципы мышления, но и защита идеологами интересов своего класса. Это особенно ярко доказывает философия Гегеля. Его философия истории основывалась на принципе развития. Как идеалист Гегель считал, что развитие общества есть лишь форма развития идеи, абсолютного духа. Но как диалектик он вынужден был признать, что общество подвержено тем же законам диалектического развития, что и остальной мир. Известно, однако, что Гегель современное ему прусское юнкерское государство признал венцом общественного развития. В этом государстве он увидел такие порядки, которые уже не подлежат никаким диалектическим изменениям.

Маркс и Энгельс впервые открыли истинные законы общественного развития. Они доказали полную несостоятельность идеалистического объяснения истории. «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»², — писал Маркс. Этот незыблемый и неопровержимый материалистический принцип стал исходным пунктом и основой марксистской теории общественного развития. Если общественное бытие определяет сознание людей, то и законы развития общества можно понять, лишь изучив конкретные формы общественного бытия, существовавшие в различные исторические периоды.

А что такое общественное бытие? Для того чтобы жить, люди должны производить средства существования. Можно иметь самые прекрасные идеи, но если условия производства средств существования не дают возможности их осуществить, то и идеи эти никакой цены не имеют. «Человечество, — писал Маркс, — ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления»³. Следовательно, общественное устройство соответствует состоянию производительных сил общества. Исходя из этого, казалось бы, простого и совершенно очевидного факта, Маркс и сформулировал основной закон общества. Напомним читателю знаменитые слова Маркса, произведшие рево-

¹ Адам Смит (1723—1779) и Давид Рикардо (1772—1823) — английские экономисты, основатели классической школы в политической экономии.

² Маркс, К критике политической экономии, стр. 38, Партиздат, 1935 г.

³ Там же, стр. 39.

люционный переворот в представлениях об обществе: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения, — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»¹. Эти слова дают ключ к объяснению законов развития общества.

Перейдем теперь к фактам исторической действительности и посмотрим, как происходит развитие в этой области, каковы его источники.

До разделения на классы общество представляло собой родовой коллективный строй. Классы появились лишь на определенной исторической ступени. Защитники и идеологи эксплуататорских классов склонны представить дело так, что деление общества на класс господ и класс угнетаемых существовало всегда, что это — «нормальное» и «естественное» состояние общества. В самом деле: едва ли может быть более глубокое противоречие, чем противоречие между родовым коммунистическим обществом и классовым обществом, основанным на угнетении человека человеком. На первый взгляд поэтому кажется, что родовое общество едва ли могло породить такое во всем противоположное ему детище, как общество, разделенное на классы. Откуда же взялись классы? Обратимся к истории.

Родовой строй был одной из первоначальных форм первобытного коммунистического хозяйства. Этот строй был основан на малоразвитом производстве. Производительные силы на первых ступенях общественного развития были на таком низком уровне, что только объединенные усилия людей могли быть единственным условием человеческого существования. Люди объединялись в роды и племена и объединенными усилиями добывали средства существования. Производство было еще настолько примитивно, что о широком разделении труда не могло быть и речи. Существовало лишь естественное разделение труда между женщиной и мужчиной. Для рабства не было еще почвы, так как при тех условиях производства рабы могли бы добывать средства существования, которых хватало лишь для удовлетворения их собственных потребностей. Военнопленных поэтому или убивали, или принимали в равноправные члены победившего рода. Во главе рода стоял выборный военачальник или старшина. Возникавшие споры решались родом. Господствовала хотя и первобытная, но полная демократия.

«И какая удивительная организация во всем ее младенчестве и простоте, этот родовой строй! — писал Энгельс. — Без солдат,

¹ Маркс, К критике политической экономии, стр. 38, Партиздат, 1935 г.

жандармов и полицейских, без дворянства, королей, наместников, префектов и судей, без тюрем, без процессов — все идет своим заведенным ходом»¹.

Родовой строй, таким образом, возник на основе определенной, низкой ступени развития производительных сил.

Но родовое общество не топталось на месте. Росли производительные силы. Это обстоятельство вызывало более глубокое разделение труда. Первым значительным общественным разделением труда было отделение пастушеских племен от остальных, выделение скотоводства в самостоятельную отрасль труда. Такое разделение труда неизбежно повлекло за собой появление постоянного обмена между пастушескими народами и остальными племенами, не имевшими стад и занимавшимися земледелием. Производительность благодаря разделению труда настолько увеличилась, что появилась возможность добывать средства существования сверх необходимых для общества. И так как с ростом производства увеличивается количество труда и появляется потребность в дополнительной рабочей силе, то пленных уже не убивали, а превращали в рабов. Так, уже первое значительное разделение труда сопровождалось установлением рабства и появлением первых рабовладельцев. В этот же период появляется и частная собственность. Увеличившаяся производительность труда дала возможность добывать средства существования уже не целым родом, а отдельной семьей. Дальнейшее развитие только укрепляло эти противоречащие родовому строю тенденции.

Добывание железа, изготовление железных инструментов способствовали новому увеличению производительности труда. С введением железа, писал Энгельс, общественный прогресс шел без перерыва, без остановки. Племена переселяются в города. В связи с этим прогрессирует строительное искусство. Производство становится все более и более разнообразным. Раньше земледелие и ремесло было делом одних и тех же людей. Могло ли это положение в новых условиях оставаться неизменным? Разумеется, не могло. Возникает новое, второе великое разделение труда: ремесло отделяется от земледелия. Благодаря этому еще более увеличивается потребность в рабочей силе. «Рабы перестают быть простыми помощниками, десятками их гонят теперь работать на поля и в мастерские»². В связи с обособлением ремесла от земледелия отделяется город от деревни. Если раньше производство было подчинено удовлетворению потребностей производителей, то сейчас возникает производство с целью обмена, с целью производства товаров. Растет торговля. Все это способствовало еще более глубокому разделению общества на классы. Теперь, говорит Энгельс, кроме рабов и

¹ Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 96—97, Партиздат, 1932 г.

² Там же, стр. 164.

свободных появляются бедные и богатые, все более и более растет различие в имущественном положении людей.

Наконец, в начале новой эпохи, так называемой цивилизации, возникает третье значительное разделение труда: рост торговли связан с выделением особого эксплуататорского класса — купцов, которые занимаются обменом. Частная собственность с каждым днем все более становится главенствующей силой. Стада, земельные участки постепенно переходят в собственность отдельных семейств и лиц. Они становятся предметом торговли.

Что же в результате всех этих событий произошло с родовым строем? Раньше, до разделения труда, родовое общество основывалось на коллективном владении средствами производства, землей, стадами, на коммунистическом труде.

Собственное развитие родового общества, прогресс его производительных сил привел к разделению ранее существовавшего единства: пастушеские племена отделились от земледельческих, ремесло обособилось от земледелия, коллективная собственность превратилась в частную, коллективный труд — в труд разрозненных собственников; единое общество, не знавшее враждебных интересов отдельных социальных групп, расщепилось на враждебные классы: на класс рабовладельцев и рабов, богатых и бедных. Произошло настоящее чудо: родовое коммунистическое общество в силу своего внутреннего развития превратилось в собственную противоположность. Примитивное бесклассовое общество стало обществом, разделенным на классы. При этих условиях старые органы родового строя не могли, разумеется, продолжать своего существования. Они встали в полное противоречие с новыми экономическими порядками, препятствовали их развитию. Ведь родовой строй был приспособлен к таким производственным отношениям, когда внутренних противоречий еще не было, когда общество представляло собой еще единство. Ясно, что уничтожение этого единства потребовало коренных изменений и в органах управления. Разделение общества на классы, возникновение в связи с этим непримиримых противоречий между классами, стремление господствующих классов закрепить свое преимущество, свое господствующее положение, свои интересы и право эксплуатировать рабов и бедняков — все это вызвало потребность в новых органах управления. Возникает *государство* как орган насилия одного класса над другим. «Родовое устройство отжило. Оно было разрушено разделением труда и его последствием — разделением общества на классы. Его заменило *государство*»¹.

С точки зрения исторического развития превращение родового строя в классовое общество имело прогрессивный характер. При родовом строе люди еще не отделились, по выражению Маркса, от пуповины первобытной общины. Условия производ-

¹ Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства стр. 170, Партиздат, 1932 г.

ства не способствовали развитию человека и человеческой культуры. Превращение же родовой общины в классовое общество сопровождалось ростом производительных сил, развитием богатства. Через несколько тысячелетий этот процесс создаст такой высокий уровень производительных сил, на основе которого угнетенное человечество, уничтожив эксплуататорские классы, воздвигнет новое бесклассовое общество, но уже не примитивное, а высококультурное, богатейшее общество, при котором человечество войдет в свой настоящий, счастливый век расцвета. Именно поэтому разрушение родовой общины и возникновение классового общества в тогдашних условиях было прогрессом. Но прав Энгельс, когда он заявляет, что разрушение это произошло под влиянием причин, которые являются отступлением от моральной высоты старого родового строя. «Самые низменные интересы — элементарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная алчность, эгоистический грабеж общего достояния — таковы были силы, породившие новое цивилизованное, разделенное на классы общество; самые низкие средства — воровство, насилие, обман, измена подкапывались под старый бесклассовый родовой строй и привели его к падению»¹.

Эти средства до сих пор еще в странах, где господствует капитализм, верно служат так называемому «цивилизованному» обществу. Фашизм эти средства лишь усовершенствовал.

Итак, какие же выводы можно сделать из примера развития родового общества?

Прежде всего оказалось, что общественные явления, как и явления органической природы, не представляют собой застывших, неподвижных, неспособных изменяться сущностей. Читатель видел, что уже первое разделение труда создало внутренние изменения в родовом строе, ставшие в противоречие с его основами. Уже эти первые изменения сделали родовой строй единством противоположностей, противоположных тенденций. Ранее единое родовое общество в силу своего собственного развития расщепилось, раздвоилось. Внутри родовой общины возникли новые тенденции, и дальнейшее развитие определялось борьбой этих новых тенденций, ведущих к образованию классового общества, со старыми родовыми порядками. От исхода этой борьбы зависела судьба родового общества. Дальнейшее развитие и углубление противоречий, возникновение новых форм общественного разделения труда решили участь родового строя. Он был разрушен, и на его развалинах возникло общество, разделенное на классы. Родовой строй превратился в свою собственную противоположность. Стало быть, развитие родового общества совершалось посредством борьбы противоположностей и перехода одной противоположности в другую.

Таковы выводы, которые вытекают из примера с развитием родового общества.

¹ Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 98, Партиздат, 1932 г.

Теперь можно сопоставить эти выводы с теми выводами, которые были сделаны из примера развития органического мира.

Нельзя прежде всего не заметить различия, существующего между конкретными законами развития органического мира и законами общественного развития. Что общего между естественным отбором и экономическим изменением общества? Любая область природы и всякий самостоятельный общественный строй развиваются по своим особым, своеобразным конкретным законам. Но читатель не мог также не заметить сходства, общности в развитии органической природы и общества. Как ни различны конкретные законы, действующие здесь, они есть проявление общих законов, свойственных самым различным сферам действительности.

Нельзя понять явлений и процессов ни природы, ни общества, если не видеть противоречивости их развития, если не понимать, что развитие совершается путем борьбы противоположностей. Как в органическом мире, так и в мире общественных отношений нет застывших, разделенных непроходимой пропастью противоречий. Наоборот, противоположности переходят друг в друга. Понимание предметов как единства и борьбы противоположностей открывает глубочайшие источники развития. Без борьбы противоположностей нет и не может быть развития. Отрицание противоположностей, заключающихся в явлениях и процессах, ведет к отрицанию развития или подводит к признанию какой-то таинственной силы, которая приводит вещи в движение.

Если бы в органической природе не было противоречия и борьбы между случайными изменениями или приспособлением и наследственностью, если бы не было жесточайшей борьбы за существование между миллионами живых существ, не было бы и развития. «Из вечной борьбы, — писал Дарвин, — из голода и смерти прямо следует самое высокое явление, которое мы можем себе представить, а именно — возникновение высших форм жизни».

То же самое говорит Энгельс: «теория развития показывает, как начиная с простой клетки каждый шаг вперед до наисложнейшего растения, с одной стороны, и человека — с другой, совершается в форме постоянной борьбы наследственности и приспособления»¹.

Точно таким же образом развивалось родовое общество в силу заложенных в нем противоречий, благодаря борьбе противоположных тенденций.

Таким образом, источники развития предметов и явлений находятся в самих предметах и явлениях. Этим источником является борьба противоположностей. Развитие поэтому есть *саморазвитие, самодвижение*. В самой жизни, в самих процессах природы и общества находятся движущие силы их развития. Принцип самодвижения, покоящийся на признании внутренних

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 433.

противоречий предметов, не отвергает, разумеется, влияния на развитие предметов внешних противоположностей. Последние имеют очень большое значение для развития. Ведь каждое явление существует и развивается в определенных внешних условиях и вне этих условий немислимо. Поэтому игнорирование внешних противоречий и их влияния на развитие несколько не вяжется с материалистической диалектикой. Закон самодвижения предметов означает лишь то, что основным, главным, решающим источником развития являются внутренние противоположности, внутренняя противоречивость предметов.

Понимание развития как саморазвития единственно правильно отражает объективную действительность. Принцип саморазвития беспощадно изгоняет всякие поповские бредни о какой-то потусторонней силе, направляющей развитие мира. Этот принцип насквозь материалистичен. Он говорит человеку: исследуй живую жизнь, как она есть, изучи предметы и явления действительности в их собственном развитии, и ты поймешь, что собой представляют законы, по которым развивается объективный мир.

Итак, единство и борьба противоположностей — это общий закон развития, свойственный как природе, так и человеческому обществу.

«Так называемая *объективная* диалектика (т. е. диалектика самой действительности. — *М. Р.*), — читаем мы у Энгельса, — царит во всей природе, а так называемая *субъективная* диалектика (т. е. диалектика человеческого мышления. — *М. Р.*), диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей, которые и обуславливают жизнь природы своими постоянными противоречиями и своим конечным переходом друг в друга, либо в высшие формы»¹.

Об этом же пишет Ленин:

«Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть *суть*... диалектики»².

Единство противоположностей «есть признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества *в том числе*). Условие познания всех процессов мира в их «*самодвижении*», в их спонтанном развитии³, в их живой жизни, есть познание их, как единства противоположностей. Развитие есть «борьба» противоположностей»⁴. Какое значение Ленин придавал закону единства и борьбы противоположностей, видно по тем определениям диалектики, которые он давал. «Вкратце диалектику, — писал он, — можно определить, как учение о

¹ *Маркс и Энгельс*, т. XIV, стр. 433.

² *Ленин*, т. XIII, стр. 301.

³ *Спонтанное развитие* — развитие, источники которого находятся в самих вещах, в самих процессах.

⁴ *Ленин*, т. XIII, стр. 301.

единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики»¹. «В собственном смысле, — писал он, — диалектика есть изучение противоречия в самой сущности предметов»².

Сейчас читателю понятно, почему этот закон имеет первостепенное значение, почему Ленин называл его ядром диалектики. Значение его в том, что он вскрывает источники развития, показывает, как и в силу чего происходит развитие.

В качестве примера, на основании которого был сделан вывод о законе единства противоположностей, послужило нам развитие органического мира и родового общества. Но можно было бы привести неограниченное количество других примеров. Любое явление, любой предмет или процесс может служить наглядным представлением всеобщности закона единства и борьбы противоположностей, как и других законов диалектики.

Ленин приводит в пример простую фразу: «Иван есть человек», и показывает, что в этом предложении есть все элементы диалектики. В самом деле, *Иван* — это отдельный человек, данная личность со всеми присущими ей индивидуальными особенностями. *Человек* — это уже не *Иван*, а обобщение признаков, черт, свойственных всем людям. Человек — не только Иван, но и Петр, Степан и т. д. «Иван» и «человек», как видим, — противоположности, ибо отдельное противоположно общему. Но между этими противоположностями нет никакой непроходимой грани. Они существуют в единстве. Иван ведь не только данная индивидуальная личность, но он и человек, т. е. единство отдельного или *единичного* и *общего*. Из этого простого, элементарного примера Ленин делает вывод, что противоположности тождественны, т. е. находятся в единстве, что всякое явление включает в себе противоречия.

Движения солнечной системы с вращающимися вокруг солнца планетами не было бы, если бы это движение не составляло единства противоположных тенденций — притяжения и отталкивания. В силу закона притяжения планеты притягиваются к солнцу, но планетам свойственна центробежная сила, и, таким образом, благодаря взаимодействию этих двух противоположных тенденций — притяжения и отталкивания — происходит движение солнечной системы.

Долгое время, включая и весь XIX в., ученые думали, что атом — это последняя, уже неделимая частица материи. Благодаря замечательным достижениям науки в XX в. было установлено, что атом — очень сложная, состоящая из различных частей система, что она, подобно солнечной системе, состоит из ядра — протона и вращающегося вокруг него электрона. Протон — это частица *положительного* электричества, электрон — частица *отрицательного* электричества. Таким образом, материя — основа всего мироздания — является как бы образцом единства

¹ «Ленинский сборник» IX, стр. 259.

² «Ленинский сборник» XII, стр. 183.

противоположностей. Простым примером действия противоположных зарядов электричества может служить молния. При встрече на близком расстоянии, например двух облаков, заряженных разноименным электричеством, т. е. положительным и отрицательным зарядами, происходит разряд — молния.

Химия показывает, как благодаря соединению или разъединению различных химических элементов из одних явлений возникают другие.

Органическая жизнь дает также яркие примеры диалектического развития через противоречия. Простейшая, элементарная форма жизни — белок находится в постоянном противоречивом процессе обмена веществ. Вместе с прекращением этого процесса прекращается и жизнь.

Из области общественных отношений мы привели один лишь пример с развитием родового общества, которое в силу объективных условий превратилось в классовое общество. Что касается классового общества, то противоречия развития здесь особенно сильны. Уже одно то обстоятельство, что общество разделено на два враждебных, борющихся между собой класса, свидетельствует о противоречивости его развития. Известно знаменитое положение «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса, что вся история предшествующего общества была историей борьбы классов, т. е. борьбы противоположностей. Но об этом у нас еще будет речь впереди.

Таким образом, закон единства и борьбы противоположностей имеет всеобщее значение. Он вскрывает источники «самодвижения» и «саморазвития» во всех предметах и процессах.

Теперь обратим внимание читателя на одну чрезвычайно важную сторону этого закона. Мы видели, что с точки зрения метафизиков явления, например органические виды, существуют вне связи друг с другом, что каждый вид, появившись самостоятельно, не связан с другими видами, не имеет общих с ними корней и т. д. Точно так же с точки зрения метафизики нет никакой внутренней связи между различными общественными формациями. Каждая из них произошла самостоятельно, и каждая новая ступень в развитии общества не связана с предыдущей. Для метафизического метода мышления такое представление очень последовательно. Если противоположности неподвижны, не существуют в единстве, не переходят друг в друга, то действительно нет и не может быть никакой связи между явлениями и предметами. Ведь именно на этом основании, как помнит читатель, метафизики-естествоиспытатели утверждали, что каждый органический вид возник самостоятельно, вне связи с остальным органическим миром. Метафизик, не идя дальше поверхности явлений, фиксирует одно лишь различие предметов, указывает на границы, отделяющие их друг от друга.

Но это, как хорошо сказал Гегель, «притупленное различие различного», ибо такое представление отрицает внутренние источники развития, *внутреннюю связь* между различными

предметами, не обнаруживает взаимоотношения и взаимосвязей предметов.

Совсем иная картина открывается нашему взору, когда мы рассматриваем и изучаем действительность, руководствуясь законом единства противоположностей. Понимание явлений как единства и борьбы противоположностей дает возможность понять изменение, развитие, переход одних явлений в другие, например простейших видов в сложные, родового общества в классовое. Тем самым мы устанавливаем глубочайшую внутреннюю, всеобщую связь, существующую в действительности. Предметы и явления перестают быть мертвыми, неподвижными, обособленными друг от друга. Жизнь начинает играть всеми красками, мир обнаруживает свое единство и существующие в нем взаимодействия и всеобщую связь между вещами и процессами.

«Лишь поднявшись на вершину противоречия, — читаем мы по этому поводу у Ленина, — разнообразия становятся подвижными и живыми по отношению одного к другому, — приобретают ту негативность, которая является *внутренней пульсацией самодвижения и жизненности*»¹.

В этом смысле чрезвычайно интересен урок диалектики, который в свое время Ленин преподавал представителям Бунда.

Известны споры, которые были между РСДРП и Бундом по вопросу об автономии. Бунд протестовал против того, что ему якобы предоставили ограниченные возможности для работы, что он автономен, самостоятелен лишь в некоторых *отдельных* вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата.

«Автономность Бунда, — писали бундовские идеологи, — кончается там, где начинается область *общих* вопросов».

Таким образом, бундовцы противопоставляли отдельные вопросы революционного движения общим. Первые они метафизически отделяли от вторых, не видя и не понимая их связи, единства. В этом факте прежде всего проявилась буржуазно-националистическая ограниченность Бунда.

Ленин подверг жесточайшей критике эту «логику» Бунда.

«Это противопоставление *специальных* вопросов *общим*, — пишет Ленин, — ...есть бесподобный образчик бундовского «логического разбора»².

«Социал-демократическая программа требует полного равенства всех граждан перед законом. *Во исполнение* этой программы еврейский рабочий в Вильне выставляет одно специальное требование, а башкир, рабочий в Уфе, совершенно другое специальное требование. Значит ли это, что «из массы вопросов» *выделяются* некоторые? Если общее требование равноправности проводится в жизнь выставлением ряда специальных требований об уничтожении специальных видов неравноправности, то неужели

¹ «Ленинский сборник» IX, стр. 115, изд. 2-е.

² Ленин, т. VI, стр. 82. (Подчеркнуто мною. — М. Р.)

специальные вопросы выделяются тут из общих вопросов? *Специальные требования не выделяются из общих, а ставятся во исполнение общих требований программы*»¹.

Бундовцы, будучи метафизиками, никак не могли понять, что «отдельное» и «общее» — это противоположности, существующие в единстве; отрицая это, они неизбежно не видели связи явлений, той внутренней связи, которая имеется между общей программой всего рабочего класса и специальной программой отдельных национальных отрядов пролетариата.

«Люди никак не могут понять, — пишет в заключение Ленин, — что это (т. е. бундовское противопоставление общего отдельному. — *М. Р.*) значит противопоставлять различный цвет, вкус и запах *отдельных* яблок числу «остальных» яблок. Смеем вас уверить, господа, что не только некоторые, а каждое яблоко имеет тот или иной специальный вкус, цвет и запах... Мой дорогой друг, советую вам, поэтому, прежде всего изучить логику»².

Понимание явлений как единства противоположностей, таким образом, дает возможность раскрыть внутреннюю связь явлений, их отношения друг к другу, их взаимодействие. Вне этого понимания, которое отражает самую действительность, наши представления не пойдут дальше голого, поверхностного, «притупленного различия различногo».

Образное ленинское определение закона единства противоположностей, как вершины, поднявшись на которую можно обозреть действительность во всей ее сложности, дает ярко почувствовать силу и значение этого закона.

III

В предыдущем изложении примерами, взятыми из различных областей действительности, мы иллюстрировали закон единства и борьбы противоположностей, показали, что он основан на обобщении явлений и процессов объективного мира. Сейчас чрезвычайно важно и интересно проделать обратный путь, т. е., руководствуясь законом единства противоположностей как методом, проанализировать некоторые предметы. В процессе анализа мы будем иметь возможность не только узнать новые, не показанные в предыдущем изложении черты и стороны этого закона, но и увидеть его практическую силу, познать его в действии. Для этой цели мы вместе с читателем обратимся к классическим образцам диалектического анализа явлений, которые даются в работах вождей пролетариата. И прежде всего обратимся к величайшему произведению марксизма — к «Капиталу» Маркса. В этом произведении, указавшем трудящемуся человечеству путь из рабства в мир свободы, материалистическая диалектика живет во всей своей плоти и крови.

¹ Ленин, т. VI, стр. 81. (Подчеркнуто мною. — *М. Р.*)

² Там же, стр. 82. (Подчеркнуто мною. — *М. Р.*)

Ленин писал, что если Маркс не оставил курса диалектической логики, то он оставил логику «Капитала», *и это следовало бы глубоко использовать*¹. Пример диалектического анализа капиталистического способа производства имеет огромное значение еще и потому, что здесь особенно ярко можно увидеть теснейшую связь материалистической диалектики с пролетарским социализмом Маркса. Здесь особенно ярко можно почувствовать величайшую революционную силу диалектики, ее теоретическое и практическое значение для борьбы за освобождение пролетариата. Еще в 1906 г. в своей работе «Анархизм или социализм» товарищ Сталин подчеркивал эту связь диалектики с социализмом.

«Марксизм не есть только теория социализма, — писал он, — это есть цельное мировоззрение, философская система, из которой логически вытекает пролетарский социализм Маркса. Эта философская система называется диалектическим материализмом»².

Здесь нет, разумеется, возможности и надобности воспроизвести все монументальное здание «Капитала». Для этого потребовалась бы огромная специальная исследовательская работа. Речь может идти лишь о том, чтобы в основных чертах показать мастерское применение Марксом диалектики, принципа самодвижения к анализу капитализма.

Заметим прежде всего, что в «Капитале» читатель не найдет и тени произвольного обращения с фактами, подчинения их заранее приготовленной логической схеме. Диалектика, закон единства противоположностей, служит для Маркса могущественным методом, позволяющим правильно ориентироваться в сложном лабиринте капиталистических отношений, правильно оценивать факты. На первом плане у Маркса *объективный мир капитализма*.

Уже первые строчки «Капитала» иллюстрируют этот принцип объективного изучения и анализа фактов. Свой огромный труд Маркс начинает с рассмотрения самого простого, обыденного, по выражению Ленина, миллиарды раз встречающегося в буржуазном обществе явления — *с товара*.

Первая глава «Капитала» так и начинается: «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, представляет «огромное скопление товаров», а отдельный товар его элементарную форму (его исходную форму). Наше исследование начинается поэтому анализом товара»³.

Исследование товара приводит Маркса к выводу, что уже товар, эта «исходная форма», «клеточка» капиталистического способа производства, — единство противоположностей. Товар — это продукт, который предназначен для обмена, для продажи. Следовательно, товар выражает отношение между производителем и потребителем, и вне этого отношения нельзя понять природу товара.

¹ Ленин, Философские тетради, стр. 241. (Подчеркнуто мною. — М. Р.)

² Цит. по книге Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 75. (Подчеркнуто мною. — М. Р.)

³ Маркс, Капитал, т. I, стр. 1, 1936 г.

Всякий товар должен быть потребительной стоимостью, т. е. удовлетворять какую-нибудь потребность человека. Но так как товар предназначается для обмена, он должен иметь какие-то свойства, которые позволяют его обменять, т. е. он должен обладать меновой стоимостью. Товаровладельца непосредственно не интересует потребительная стоимость принадлежащего ему товара, скажем, шерсти, иначе он не стал бы продавать его. Полезность товара как средства потребления интересует его лишь постольку, поскольку без этого качества вещь не может быть продана. В своем товаре владелец видит прежде всего средство обмена на другой товар, скажем, железо, которое ему необходимо. В таком же положении находятся и другие товаровладельцы. Следовательно, в вещи, производимой для обмена, существует, как говорит Маркс, «разделение между полезностью вещи для непосредственного потребления и полезностью ее для обмена. Ее потребительная стоимость отделяется от ее меновой стоимости»¹.

Весь дальнейший анализ Маркса дает изумительную по своей мощи и глубине картину развития противоречий товара. Он показывает, как они развиваются, какое практическое разрешение они находят в процессе исторического развития товарного производства, как из разрешения этих противоречий возникает новое явление с новыми противоречиями и т. д.

И вся эта картина воспроизводится на основе привлечения огромного исторического материала, характеризующего производственные отношения различных исторических периодов. Меновая стоимость товара не сразу отделилась от его потребительной стоимости. На той исторической ступени, когда обмен товарами был еще тесно и непосредственно связан с индивидуальными потребностями обменивающихся лиц, когда целью обмена было удовлетворение их потребностей, потребительная стоимость и стоимость находятся еще в единстве.

Но рано или поздно в связи с развитием обмена противоречие между потребительной стоимостью и меновой стоимостью должно будет найти свое разрешение. Дело в том, что непосредственный обмен одного товара на другой может иметь место, когда продуктов, вступающих в обмен, еще немного. Но когда количество продуктов, становящихся товарами, увеличивается, тогда непосредственный обмен товарами препятствует развитию обмена. Все острее становится потребность в наличии какого-то особого товара, который служил бы формой выражения стоимости всех товаров безотносительно к их потребительной стоимости. Так, например, в истории обмена таким товаром был скот. Этот особый товар был выражением стоимости других товаров. Наконец, таким особым товаром становится в силу ряда условий золото, золотые деньги. На деньги можно обменять любой товар, и за деньги можно купить любой необходимый товар. Таким образом, потребность обмена «не дает покоя до тех пор, пока задача эта не решается окончательно

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 48, 1936 г.

путем раздвоения товара на товар и деньги»¹. С появлением денег меновая стоимость товара окончательно освободилась от его потребительной стоимости. Сейчас одни лишь деньги имеют свойство представлять меновую стоимость всех других товаров.

Раздвоением товара на товар и деньги заканчивается *первый* круг развития товарного производства. До сих пор последнее не выходило за рамки *простого* товарного производства. Товар был продуктом труда самого товаровладельца, средства производства еще не были отделены от собственника товара. Но *результат* простого товарного обращения не мог не стать началом нового развития. Деньги появились из размножения «клеточки» — товара. Простая «клеточка» товарного производства путем размножения выросла и породила, как и полагается, новое явление. Этим новым явлением становится *капитал*.

Вторым кругом развития товарного производства будет *капиталистическое товарное производство*. Главу о превращении денег в капитал Маркс и начинает словами о том, что деньги представляют последний продукт товарного обращения. «*Этот последний продукт товарного обращения есть первая форма проявления капитала*»².

Противоречия товара, разрешившись путем раздвоения товара на товар и деньги, перешли в высшую форму, в форму противоречий капиталистического товарного производства.

Каким же образом деньги превращаются в капитал, т. е. обогащают капиталиста, увеличивают его богатства? Очевидно, деньги сами по себе не обладают свойством самовозрастать. Нужны какие-то условия, для того чтобы деньги могли превратиться в капитал. Маркс показывает, что этими условиями являются средства производства и свободная рабочая сила, т. е. рабочие, свободные от средств производства и вынужденные, для того чтобы не погибнуть от голода, продавать свою рабочую силу. И то и другое появляется в результате разложения мелкого производства, основанного на частной собственности. Маркс рисует страшные картины разорения мелкого товарного производства и насильственного ограбления мелких собственников. Капитал, пишет он, «*источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят*».

Итак, капиталист, владелец денег и средств производства, находит на рынке товар — рабочую силу, эксплуатация которой служит источником богатства капиталистов. Рабочий первую часть дня употребляет на то, чтобы окупить и вернуть капиталисту затраченную им заработную плату. Но капиталист заставляет рабочего работать еще, скажем, шесть часов в день, и в это время рабочий создает *прибавочную стоимость*, достаемую капиталисту без всякой затраты на рабочую силу. Прибавочная стоимость является источником прибыли капиталистического класса. Противоречие между классом пролетариата

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 47, 1936 г.

² Там же, стр. 100. (Подчеркнуто мною. — М. Р.)

и классом капиталистов становится основным противоречием капиталистического общества.

Анализируя, далее, законы капиталистического способа производства, Маркс показывает глубочайшую противоречивость этих законов. Развитие капитализма связано с возникновением крупной машинной промышленности. В целях увеличения своих прибылей капиталисты организуют массовое производство. Мелкое производство не в силах конкурировать с крупным капиталом. Производство все более и более концентрируется в руках немногих капиталистов. В той же мере, в какой растет богатство капиталистов, увеличиваются нищета и бедность эксплуатируемых рабочих и народных масс. Рост производительности труда, рост техники сопровождается созданием целой армии безработных пролетариев. Таким образом, благодаря одним и тем же законам производство товаров движется бешеными темпами, а потребление рабочих и народных масс доводится до ничтожного минимума. Капитализм, как пишет Энгельс, подрывает свой собственный рынок. Отсюда периодически повторяющиеся кризисы перепроизводства.

С развитием капитализма создается такое глубоко противоречивое положение: с одной стороны, замена примитивных орудий производства крупнейшей машинной промышленностью, небольших мастерских — огромными заводами и фабриками, на которых работают тысячи и десятки тысяч рабочих, придает производительным силам и процессу труда по существу общественный характер. С другой стороны, общественному характеру производства противостоит капиталистическое, частное присвоение, анархия производства. Производительные силы, как пишет Энгельс, требуют фактического признания их общественной природы. Но кучка паразитов-грабителей, держащих в своих руках всю полноту власти, присвоивших себе право беспощадной эксплуатации рабочих, препятствует этому. Противоречия обостряются до предела. Капитализм, однако, сам создает силу, которая разрешает противоречия. Вместе с ростом капиталистических противоречий растет и возмущение рабочего класса, «непрерывно увеличивающегося, вышколенного, объединенного и организованного самым механизмом капиталистического процесса производства»¹.

Борьба двух основных классов капиталистического общества обостряется и принимает форму прямого вооруженного выступления пролетариата против буржуазии. «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»². Наступает конец капитализма. Пролетариат свергает власть капиталистов и устанавливает диктатуру пролетариата. В жесточайшей борьбе со своими многочисленными врагами рабочий класс и под его руководством широкие народные массы создают новое общество — общество социализма.

Как видим, закон единства и борьбы противоположностей,

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 656.

² Там же.

примененный Марксом как метод анализа капитализма, дал громадные результаты. Диалектический анализ капитализма и его истории показывает, что самым глубоким источником развития являются противоречия и их борьба, что движение происходит в форме самодвижения. Не в силу каких-то посторонних, внешних причин, а вследствие действия собственных внутренних экономических законов капитализм приходит к своей гибели. Учение Маркса о социализме, таким образом, является непосредственным выводом из диалектического анализа противоречий капитализма и путей их разрешения.

Итак, бегло рассмотрев развитие противоречий капитализма, мы смогли не только найти еще одно подтверждение закона единства противоположностей, но и имели возможность увидеть его в действии.

Теперь отметим новые стороны этого закона, которые обнаруживаются при анализе противоречий развития капиталистического общества.

Прежде всего анализ показывает, что противоречия сами находятся в процессе становления и развития, что они не появляются сразу в готовом виде. Сравните два крайних полюса капитализма: противоречия его исходной элементарной формы — товарной клеточки и противоречия последнего периода его развития. Вначале противоречия имели еще неразвитую форму; процесс раздвоения, поляризация, только начинался, и противоположности товара — потребительная и меновая стоимость — были еще сращены, тесно переплетались друг с другом. Но это уже было противоречием. В процессе роста обмена стоимость все больше отделялась от потребительной стоимости товара, пока не произошло окончательное раздвоение товара на две части — на товар и деньги. В этом разделении нашли свое *разрешение* противоречия товара. Не *примирение* противоположностей, а раздвоение, расщепление на две *крайности*. Распадение товара на две крайности, явившись результатом предшествующего движения, вместе с тем стало началом нового, дальнейшего развития противоречий капиталистического общества.

Движение капиталистической формы товарного производства показало, что развитие капитализма обостряет эти противоречия, возводит их на высшую ступень, придает им абсолютный характер. В кризисах, как пишет Маркс, противоречия становятся *абсолютными противоречиями*. Капитализм приходит в такое состояние, когда противоположности противостоят друг другу, как две уже несовместимые и абсолютные крайности. Это вовсе не означает, что до этого момента противоречия мирно уживались, не вели борьбы между собой и т. д. С самого начала, с первых шагов капитализма, все его противоречия носили антагонистический, т. е. непримиримый, характер. Но сами противоречия развиваются, имеют свою низшую и высшую стадию.

Насильственное свержение пролетариатом диктатуры буржуазии разрешает противоречия капиталистического общества.

Таким образом, *борьба противоположностей* и разрешение их *движет вперед* общество; эта борьба имеет неслыханное прогрессивное значение.

Эта сторона диалектического закона единства и борьбы противоположностей чрезвычайно важна. В ней находит свое выражение *революционный* характер диалектики Маркса. Еще в одной из своих ранних работ — в «Критике философии государственного права Гегеля» Маркс резко выступал против реакционных элементов гегелевского понимания противоречивости развития. У Гегеля великое революционное понимание диалектики развития сочетается с очень неправильными, филистерскими представлениями. Это объясняется прежде всего идеалистическим характером гегелевской философии. Ведь у Гегеля развивается не действительность, а абсолютная идея, мысль.

Наблюдая за предметами и явлениями действительной жизни, мы прослеживаем, как и куда развиваются противоположности, во что они превращаются, как они разрешаются на практике. Но в сфере чистой мысли перспективы развития противоположностей усмотреть невозможно. Впереди та же чистая, безжизненная мысль, что и раньше. Остается один выход: нужно противоположные мысли — тезис и антитезис — слить воедино, примирить в некоем высшем синтезе (единстве), а этот последний снова раздвоить на тезис и антитезис и т. д. Гегель часто так и поступает. У него противоположности *примиряются*, уравниваются, не доходят до крайностей, не уничтожают друг друга.

Конечно, природа и общество, как увидим позже, дают немало примеров таких противоположностей, развитие которых отнюдь не связано с превращением их в крайности, с антагонистической борьбой между ними. Но это лишь одна из форм противоречий, притом и здесь движение противоречий ничего общего не имеет с примирением их.

В «Низцете философии» Маркс остроумно представил развитие противоречий у Гегеля:

«Мысль, противопоставляясь сама себе, разделяется на две мысли, противоречащие одна другой, — на положение и отрицание, на *да* и *нет*. Борьба этих двух заключающихся в антитезе противоположных элементов образует диалектическое движение. *Да* превращается в *нет*, *нет* превращается в *да*, *да* становится одновременно и *да* и *нет*, *нет* становится одновременно и *нет* и *да*. Таким путем, — делает вывод Маркс, — *противоположности взаимно уравниваются, нейтрализуются и парализуются*»¹.

Попробуйте эту игру перенести в мир реальных вещей и процессов, хотя бы в мир капиталистических отношений. Гегель в своей работе «Философия права» приводит в действие принцип нейтрализации, примирения противоположностей и в результате этого приходит к выводу, что прусское юнкерское государство — это высший синтез всего предшествующего общественного развития, синтез, в

¹ Маркс и Энгельс, т. V, стр. 362. (Подчеркнуто мною.—М. Р.)

котором примиряются все противоречия и в котором общество находит свою *абсолютную* и неизменяемую форму.

Маркс в своей критике философии права Гегеля высмеивает это «опосредствование», имеющее, как мы видим, далеко не безобидный характер.

«Перед нами... — пишет он, — воинственно настроенная компания, которая, однако, слишком боится синяков, чтобы действительно вступать в драку между собой, и те два члена, которые хотят драться, устраиваются так, чтобы удары получил тот третий, который выступит посредником между ними, но этим третьим опять же выступает один из обидчиков, так что благодаря чрезмерной осторожности дело не двигается с места» ¹.

Маркс видит огромную ошибку в том, «что *резкость действительных противоположностей* считается чем-то вредным или что считают нужным по возможности помешать превращению этих противоположностей в крайности» ².

У нас этот гегелевский принцип нейтрализации и примирения противоположностей, игру чистых мыслей, пыталась возродить так называемая «деборинская школа» — философское течение, которое товарищ Сталин метко охарактеризовал как течение *меньшевистствующего идеализма*. Страдая основным пороком меньшевизма — отрывом теории от практики, меньшевистствующие идеалисты реставрировали самые худшие стороны гегелевской философии: ее идеализм, игнорирование объективной действительности как низшей ступени развития.

Так же как и из гегелевской философии, из взглядов меньшевистствующих идеалистов вытескали вреднейшие политические выводы. Их философия цитала контрреволюционные троцкистские теории и всякие левацкие взгляды. Не случайно значительное количество этих «философов» очутилось по ту сторону баррикад, в одной шайке ярых врагов рабочего класса, в одной компании с фашистскими бандитами.

Классический пример диалектического анализа развития через борьбу и преодоление противоречий дает товарищ Сталин в своем докладе на VII расширенном пленуме ИККИ «Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии», посвященном вопросу о противоречиях в развитии нашей партии:

«Если взять историю нашей партии с момента ее зарождения в виде группы большевиков в 1903 г. и проследить ее последующие этапы вплоть до нашего времени, то можно сказать без преувеличения, что *история нашей партии есть история борьбы противоречий внутри этой партии, история преодоления этих противоречий и постепенного укрепления нашей партии на основе преодоления этих противоречий*» ³.

¹ Маркс и Энгельс, т. I, стр. 610.

² Там же, стр. 611.

³ Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, стр. 145. (Подчеркнуто мною. — М. Р.)

Откуда же берутся эти противоречия, неизбежны ли они в процессе развития партии и борьбы пролетариата? Есть ли это только «русское» явление или это общий закон диалектического развития всех больших пролетарских партий? Товарищ Сталин приводит слова Энгельса, которые показывают, что борьба противоречий в партии и развитие партии через преодоление этих противоречий является законом всех больших партий. «*Всякая рабочая партия большой страны, — писал Энгельс, — может развиваться только во внутренней борьбе, в полном соответствии с законами диалектического развития*»¹. История пролетарской партии всякой большой страны свидетельствует, что борьба с ревизионизмом, с враждебными марксизму мелкобуржуазными течениями в рабочем движении есть интернациональное явление. Следовательно, возникновение противоречий, борьба между ними — не случайность, а неизбежное явление, имеющее свои глубокие корни в классовом обществе.

Анализируя источники противоречий и разногласий внутри партии на протяжении всей ее истории, товарищ Сталин указывает на два обстоятельства.

Первое. Пролетариат не живет в безвоздушном пространстве. Он является частью общества. Он связан с разнообразными слоями общества. Буржуазная идеология, идеология мелкой буржуазии не может не оказывать известного давления на наименее устойчивые слои пролетариата. Партия же — часть пролетариата, и поэтому давление буржуазной идеологии испытывают и некоторые представители партии. «Давление буржуазии и ее идеологии на пролетариат и его партию выражается в том, — говорит товарищ Сталин, — что буржуазные идеи, нравы, обычаи, настроения нередко проникают в пролетариат и его партию через известные слои пролетариата, так или иначе связанные с буржуазным обществом»².

Второе. Рабочий класс разнороден. Внутри рабочего класса имеются разные слои. Основная масса пролетариата, его ядро «это — та масса «чистокровных» пролетариев, которая давно уже порвала связи с классом капиталистов» (Сталин). Но в рабочем классе есть также слой рабочих, которые недавно вышли из других непролетарских классов. Это недавние крестьяне, выходцы из интеллигенции, из мещанства. Ясно, что эти рабочие принесли с собой и внесли в рабочий класс свою мелкобуржуазную идеологию, «свои навыки, свои привычки, свои колебания, свои шатания». Существует также и рабочая аристократия — «наиболее обеспеченная часть пролетариата с ее стремлением к компромиссам с буржуазией, с ее преобладающим настроением... «выйти в люди». Ясно, что, в то время как ядро пролетариата, основная пролетарская часть рабочего класса, служит «наиболее надежной опорой марксизма» (Сталин), остальные два слоя рабочего класса составляют питательную среду для всякого рода опор-

¹ Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, стр. 148.

² Там же, стр. 149.

тунизма, патаний, уклонов от революционного марксизма, удобную почву для влияния буржуазной идеологии.

«Естественно, что при каждом повороте в развитии классовой борьбы, при каждом обострении борьбы и усилении трудностей разница во взглядах, в навыках и в настроениях различных слоев пролетариата должна неминуемо сказаться в виде известных разногласий в партии, а давление буржуазии и ее идеологии неминуемо должно обострить эти разногласия, дав им выход в виде борьбы внутри пролетарской партии.

Таковы источники внутрипартийных противоречий и разногласий»¹.

Каким же образом разрешаются эти неизбежно возникающие в процессе развития партии противоречия? Может быть, разрешение этих противоречивых тенденций состоит в том, что противоречия «опосредствуются», нейтрализуются, примиряются?

Товарищ Сталин на опыте всей истории партии показывает, что партия преодолевала противоречия *последовательной борьбой* со всякими оппортунистическими и другими враждебными марксизму-ленинизму тенденциями. Путь замазывания, примирения противоположностей был бы гибельным для дела рабочего класса. Ведь противоречия возникают и развиваются по важнейшим принципиальным вопросам программы, стратегии, тактики, методов борьбы, целей борьбы. Поэтому всякое примирение, затушевывание принципиальных разногласий означало бы примирение пролетарской коммунистической линии с линией мелкобуржуазной и буржуазной. Поэтому вся история нашей партии есть история борьбы с враждебными течениями, история развития и укрепления партии на основе преодоления противоречий путем беспощадной и принципиальной борьбы с противоположными партии тенденциями.

Товарищ Сталин иллюстрирует этот закон примерами из истории партии.

1903 год. Период II съезда партии. Впервые появляются разногласия между большевиками и меньшевиками. Товарищ Сталин характеризует этот период как период поворота партии «от подготовки борьбы с царизмом к открытой борьбе с ним за полный разгром царизма и феодализма»². Почему возникли противоречия между большевиками и меньшевиками в этот период? Потому, что меньшевики, а также и троцкисты, которые были фракцией меньшевиков, выражая давление буржуазной идеологии, будучи представителями соглашения с буржуазией, пытались ослабить пролетарскую партию, превратить ее в мелкобуржуазную партию, приспособить ее к политике и тактике трусливой и предательской либеральной буржуазии. Уже в этот период противоречия между большевизмом и меньшевизмом выражали

¹ Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, стр. 149.

² Там же, стр. 266.

противоположность между линией последовательно-революционной и линией оппортунистической, мелкобуржуазной. Могли ли большевики замазать эти разногласия, пойти на примирение, выбрать «средний» путь? Практика борьбы доказала, что борьба большевиков против меньшевиков в этот период являлась «необходимым этапом для зарождения и развития действительно революционной и действительно большевистской партии»¹.

Период кануна революции 1905 г. Большевики и меньшевики находятся еще в одной партии, но представляют «два лагеря с двумя совершенно различными платформами» (Сталин). Предреволюционные события и подготовка к революции еще больше обострили противоречия между этими двумя лагерями. Резолюции двух съездов, большевистского III съезда и меньшевистской конференции (так называемая первая общерусская конференция партийных работников), выразили эти противоречия со всей ясностью. В то время как большевистский III съезд наметил линию последовательной борьбы за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства под руководством пролетариата, меньшевистская конференция продемонстрировала свое позное нежелание идти на решительную борьбу с царизмом, свое стремление сделать рабочий класс простым придатком либеральной буржуазии, уступить руководящую роль в революции этой буржуазии.

«Чем взяла тогда верх большевистская часть партии, чем она завоевала симпатии большинства партии? Тем, что она не замазывала принципиальных разногласий и боролась за преодоление этих разногласий путем изоляции меньшевиков»².

Борьба против меньшевиков, против меньшевистской теории «перманентной революции» Троцкого, борьба за революционную линию и в этот период была необходимым этапом на пути развития и укрепления большевистской партии.

Товарищ Сталин далее показывает, что и в следующий период, после поражения революции 1905 г., когда одна часть большевиков — отзовисты, отошла от партии, когда большевики вели борьбу с отзовистами и меньшевиками — ликвидаторами, что и в этот период «противоречия были преодолены не путем их замазывания, а путем их вскрытия и путем борьбы ко благу и выгоде нашей партии»³.

Период 1911—1912 гг. Пособники буржуазии в рабочем движении — меньшевики и их активная фракция — троцкисты все более откровенно становятся на путь борьбы с марксизмом, делая своим знаменем соглашение с буржуазией, приспособление к ее политике. Если бы не было ликвидаторов, писал Ленин, буржуазия должна была бы выдумать их, ибо они служили ее

¹ Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, стр. 146.

² Там же, стр. 147.

³ Там же.

интересам как верные ее агенты внутри рабочего движения. В этот период Троцкий сколачивает пресловутый Августовский блок — этот контрреволюционный союз из меньшевиков, отзовистов, примиренцев и прочих оппортунистов. Возникшие в 1903 г. противоречия между большевиками и меньшевиками выросли и стали целой пропастью, отделяющей партию пролетариата от партии реформизма. Большевики в 1912 г. собирают Пражскую конференцию, которая окончательно изгонит из партии ликвидаторов и организационно оформляет единую большевистскую партию.

Приближается Октябрьская пролетарская революция. В порядок дня включаются практические вопросы борьбы за диктатуру пролетариата, за практическое осуществление великой мечты человечества о социалистическом обществе. Ясно, что практическая борьба неминуемо выявит разногласия, обнаружит людей колеблющихся, поддающихся влиянию буржуазной идеологии, случайно и временно примкнувших к большевизму. В эти величайшие годы, когда в жесточайшей борьбе решается судьба капитализма и социализма, все враждебное пролетариату и его партии, все половинчатое и оппортунистическое поднимает знамя борьбы против ленинизма, против интересов социализма.

Неизбежность обострения противоречий в этот решающий период с замечательной прозорливостью предвидел Ленин. В 1908 г. в своей статье «Марксизм и ревизионизм» он писал: «То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу, — то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве, — это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу»¹.

Вся дальнейшая история партии, начиная с Октябрьской революции, подтвердила это предвидение. Штрейкбрехерство и предательство Каменева и Зиновьева накануне Октябрьского переворота, внутрипартийная борьба в период Брестского мира, профсоюзная дискуссия в 1921 г., борьба с «рабочей оппозицией», непрерывная борьба с троцкизмом, в 1923—1927 гг. борьба с зиновьевско-каменевской оппозицией, с правыми оппортунистами, со всеми этими врагами коммунизма, докатившимися до прямого шпионажа и вредительства в пользу международного фашизма. Чем острее ставились вопросы практической борьбы за социализм, чем больших успехов достигал пролетариат в своем движении к социализму, тем глубже и

¹ Ленин, т. XII, стр. 189

явственное обозначались противоречия между партией и всеми этими врагами коммунизма.

И в этот период партия, как и раньше, преодолевала противоречия путем *борьбы*. «Выходит, что преодоление внутрипартийных разногласий путем борьбы является законом развития нашей партии»¹. В другом месте товарищ Сталин следующими яркими словами выразил диалектику развития партии:

«Наша партия есть живой организм. Как и во всяком организме, в ней происходит обмен веществ: старое, отживающее, — выпадает, новое, растущее, — живет и развивается»².

Процессы над троцкистско-зиновьевским террористическим центром и троцкистским параллельным центром Пятакова, Радека и др. показали, до чего дошли эти подонки человечества, боровшиеся против партии, против Ленина и Сталина. Ликвидация эксплуататорских классов и построение социализма в нашей стране выбили почву из-под ног троцкистов и правых, уничтожили корни внутри страны, которые питали их. В докладе на пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. товарищ Сталин сказал, что «троцкизм перестал быть политическим течением в рабочем классе, что из политического течения в рабочем классе, каким он был 7—8 лет тому назад, троцкизм превратился в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств». Интересы международного капитализма и остатков капиталистических элементов в нашей стране, мечтающих о восстановлении капиталистического строя в СССР, выражают троцкисты и правые. Таков результат их многолетней борьбы против партии, против победоносного движения рабочего класса. Разгромив врагов ленинизма, партия вела и неуклонно ведет советский народ от победы к победе.

Теперь обратимся к следующему вопросу: все ли противоречия развиваются так, что принимают форму враждебных крайностей, характер антагонистических противоречий? Достаточно быть немного наблюдательным, чтобы увидеть в действительности и иные формы противоречивого развития.

Общественные отношения, подобные тем, какие существуют в капиталистическом обществе, не могут не быть антагонистическими, т. е. противоречия здесь неизбежно развиваются в форме все большего их обострения. Противоречия эти с самого начала представляют непримиримые крайности, хотя они и не сразу дают знать о себе и обнаруживаются лишь в процессе своего развития.

Могут ли такие крайности быть опосредствованы, примирены, нейтрализованы?

«Действительные крайности, — пишет Маркс, — не могут быть опосредствованы именно потому, что они являются действитель-

¹ Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, стр. 147.

² Там же, стр. 267.

ными крайностями. Но они и не требуют никакого опосредствования, ибо противоположны друг другу. Они между собой не имеют ничего общего, они не желают быть связанными между собой, они не дополняют друг друга. Одна крайность не носит в себе самой тоску, потребность, антиципацию другой крайности¹.

Подобный антагонистический характер имеет вся история борьбы классов.

Но возьмем такие противоположности, как пролетариат и трудящееся крестьянство. Эти два класса, несомненно, — противоположности, и интересы их на первых ступенях их взаимных отношений противоречивы. Крестьянство — класс мелких собственников, пролетариат — класс, борющийся за общественную социалистическую собственность. Но у этих противоположных классов есть и общие черты и прежде всего то, что и у рабочих и у трудящихся крестьян источником существования является собственный труд. В капиталистическом обществе большинство трудящегося крестьянства представляет пролетариет в потенции, в возможности. Рабочий класс пополняется за счет разоренных капитализмом крестьян. Ясно, что эти противоположности не составляют крайностей, что противоречие между ними не есть *антагонистическое* противоречие.

Чрезвычайно интересно проследить процесс движения противоречий между этими двумя классами в эпоху диктатуры пролетариата и классический анализ их, данный в работах товарища Сталина. Анализируя в 1925 г. отношения между пролетариатом и крестьянством, товарищ Сталин показывает, что общность этих двух классов заключается в том, что и пролетариат и крестьянство заинтересованы в социалистическом пути развития, ибо социализм спасает крестьянство от обнищания, что эта общность покрывает противоречия между пролетариатом и крестьянством. Отсюда следует вывод, что эти противоречия могут и должны быть разрешены. Политика партии в деревне, борьба партии против троцкизма, против правого и «левого» оппортунизма в вопросе об отношении к крестьянству были направлены на то, чтобы преодолеть эти противоречия и «построить полное социалистическое общество вместе с крестьянством, на основе союза рабочих и крестьян»².

Введение новой экономической политики в 1921 г., индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, построение фундамента социалистической экономики разрешили противоречия между рабочим классом и крестьянством. Противоречия еще не уничтожены окончательно, поскольку еще имеется различие между колхозами и социалистическими государственными предприятиями.

В своем докладе о проекте Конституции товарищ Сталин рисует путь разрешения общественных противоречий в СССР. В резуль-

¹ Маркс и Энгельс, т. I, стр. 610.

² Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 225, изд. 6-е.

тате успешного строительства социализма в нашей стране в корне изменилась классовая структура страны. Класс помещиков был ликвидирован в результате победы гражданской войны. В дальнейшем развитии переходного периода были ликвидированы капиталистические элементы деревни — кулаки и частный капитал в области товарооборота. Понятно, что преодоление противоречий между пролетариатом и этими эксплуататорскими классами могло произойти лишь в форме ликвидации этих враждебных пролетариату классов.

Остались два класса — класс рабочих и класс крестьян, а также интеллигенция. Между всеми этими классами и общественными прослойками в силу исторически сложившихся обстоятельств существовали противоречия. Но эти противоречия разрешались иными методами и путями. Крестьянство под руководством и с помощью пролетариата стало на путь социалистического хозяйства, интеллигенция изменилась благодаря тому, что ее состав на 80—90% обновился за счет выходцев из рабочего класса, крестьянства и других слоев трудящихся. Кроме того, она сейчас служит не эксплуататорским классам, а народу. Что же в результате получилось?

«О чем говорят эти изменения?

Они говорят, во-первых, о том, что грани между рабочим классом и крестьянством, равно как между этими классами и интеллигенцией — стираются, а старая классовая исключительность — исчезает. Это значит, что расстояние между этими социальными группами все более и более сокращается.

Они говорят, во-вторых, о том, что экономические противоречия между этими социальными группами падают, стираются.

Они говорят, наконец, о том, что падают и стираются также политические противоречия между ними»¹.

Мы видим, что движение противоречий здесь имеет характер и направление, совершенно противоположные тому, что можно было наблюдать при анализе капитализма.

Противоречия капитализма в силу своего абсолютного антагонистического характера проявляются в процессе своего развития все с большей и большей силой. Единство противоположностей раскалывается, и образуются две крайности, которые ведут между собой борьбу не на жизнь, а на смерть. Также развивались противоречия между большевизмом и меньшевизмом.

Противоречия между пролетариатом и трудящимся крестьянством в силу своего неантагонистического характера благодаря правильной политике партии — уничтожаются, исчезают.

Таким образом, перед нами примеры двух совершенно противоположных типов противоречий. Они различны по своему содержанию, по своей форме, по тенденции своего развития, наконец, по характеру своего разрешения.

¹ Сталин, О проекте Конституции Союза ССР, стр. 13, Партиздат, 1936 г.

При этом следует иметь в виду, что и разрешение второго типа противоречий, примером которого является противоречие между пролетариатом и крестьянством, ничего общего не имеет с *примирением* противоположностей. *Примирение противоречий вообще не может быть источником развития.* Наоборот, оно может означать в лучшем случае топтание на месте, как правило — движение назад.

Примирение противоречий между пролетариатом и крестьянством означало бы мелкобуржуазную утопию и иллюзорное, а не реальное движение к социализму. Более того, оно означало бы неизбежный возврат капитализма.

Борьба за уничтожение этих противоречий, за революционное преодоление их, за превращение мелкобуржуазного собственника в социалистического коллективиста дает действительное разрешение этих противоречий и означает реальное движение вперед.

Таков и всеобщий принцип развития — борьба противоположностей, борьба между новым, прогрессивным, и старым, реакционным, движет вперед; в этой борьбе заложены могущественные источники всякого развития.

У Ленина мы находим слова, которые прекрасно выражают этот принцип. «Единство... противоположностей, — пишет он, — условно, временно, преходяще, релятивно (т. е. относительно. — М. Р.). Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»¹.

Вся история развития неорганического и органического мира, история общественного развития подтверждает этот закон движения.

IV

Мы познакомились с существенными чертами закона единства и борьбы противоположностей, этого основного закона развития объективного мира. Читатель видел, что принцип самодвижения, устанавливаемый этим законом, отражает реальные формы движения в природе и обществе и вскрывает самые глубокие источники развития.

Однако до сих пор еще находятся «теоретики», выступающие против диалектической концепции развития, в защиту метафизической концепции движения. Целая группа философов, так называемых «механистов», в последние годы боролась против материалистической диалектики, в частности против диалектического понимания движения как самодвижения.

Материалистической диалектике они противопоставляют *теорию равновесия*, в которой изложена вся мудрость метафизического понимания движения. Бухарин—ныне враг народа—был одним из столпов механистической философии. Он писал в своей «Теории исторического материализма», что Маркс и Энгельс лишь

¹ Ленин, т. XIII, стр. 302.

«освобождали диалектику от ее мистической шелухи в *действии*» и что сейчас задача состоит в том, чтобы систематически «пояснить» и «обосновать» диалектику. «Это и дается, — пишет Бухарин, — *теорией равновесия*».

Что же такое теория «равновесия»? Каковы источники движения с точки зрения этой теории? Движение, утверждает эта теория, прежде всего не есть *самодвижение*. В мире существуют внешние, противоположные друг другу силы или элементы. Сущность движения состоит в различных комбинациях или сочетаниях этих элементов. Элементы соединяются, разъединяются или нейтрализуются — таковы основные формы движения. Один из основателей и духовных отцов теории «равновесия» — А. Богданов именно так и представляет себе движение.

«Для тектологии (мудреное название философии «равновесия». — М. Р.), — пишет он, — первые, основные понятия, это — понятия об элементах и об их сочетаниях. Элементами являются активности-сопротивления всех возможных родов. Сочетания сводятся к трем типам: комплексы организованные, дезорганизованные и нейтральные. Они различаются по величине практической суммы их элементов».

Все, что ни совершается в действительности, в природе, обществе, мышлении, — все есть или соединение или разъединение. «Данно замечено и установлено, — пишет Богданов, — что во всей своей деятельности — в практике и мышлении — человек только соединяет и разделяет какие-нибудь наличные элементы».

Результат и форма движения зависят от сочетания элементов *активности* и элементов *сопротивления*. Если первые сильнее вторых, то соотношение, как пишет Богданов, «обнаруживает характер организованности». В случае когда будут преобладать вторые элементы, мы получим соотношение дезорганизованности. Богданов даже математически обосновывает свою теорию движения.

Он приводит следующий пример в подтверждение своих механистических положений. Представьте себе мать, которая со своим младенцем должна переместиться из одного пункта в другой. Может совершиться это перемещение или нет? Все зависит от соотношения, от типа равновесия элементов активности и сопротивления, — отвечает мудрая философия. Произведем расчеты. Младенец ходить еще не может, следовательно, он весь состоит из элементов сопротивления. Активность же его равна нулю. Мать состоит из элементов активности и сопротивления, причем первые преобладают над вторыми. Если коэффициент активности принять за 100, то сопротивление будет равняться 60. Младенец весит 10 килограммов; всего, стало быть, коэффициент элементов сопротивления равняется $60 + 10$, т. е. 70. Итак, сейчас нам уже известно соотношение различных элементов. 100 больше 70, следовательно, движение может совершиться, и равновесие установится с положительным знаком. Читателю нетрудно самому

уже представить себе, в каких случаях соотношение элементов будет иметь характер дезорганизованный и нейтральный или типы равновесия с отрицательным и устойчивым знаком. Все зависит от силы внешних противоположностей. Такова всеобщая форма движения и равновесия.

Этот же принцип лежит в основе и теории «равновесия» Бухарина, всегда боровшегося против революционной диалектики Маркса, Ленина, Сталина. Природа и общество, — рассуждает Бухарин, — две противоположные силы. Природа относится к обществу, как среда к системе. Общество находится в определенной, природной, естественной среде. Поэтому *источники* развития общества следует искать в соотношении, в типе равновесия между средой и системой, природой и обществом. В том случае, когда общество получает от природы или, как пишет Бухарин, «высасывает путем производства из природы столько же энергии, сколько тратит», мы будем иметь равновесие с устойчивым знаком. Общество тогда топчется на месте, и движения вперед здесь нет и быть не может. Когда общество «высасывает» из природы больше энергии, чем тратит, мы будем иметь подвижное равновесие с положительным знаком. И наоборот, при большей затрате общественной энергии и меньшем количестве получаемых от природы путем производства благ подвижное равновесие будет с отрицательным знаком.

Внутри самого общества или самой природы существуют такие же типы равновесия; движение в самой среде или системе имеет такое же стремление к равновесию. Но движение общества — зависимая величина. Оно связано с характером соотношения общества и природы. Внутреннее равновесие целиком зависит от внешнего. Общество будет находиться в хорошем положении лишь при условии положительного или организованного соотношения между обществом и природой. Последнее — решающее условие. Бухарин пишет: «...Совершенно ясно, что внутреннее строение системы (внутреннее равновесие) должно изменяться в зависимости от того отношения, которое существует между системой и средой. *Отношение между системой и средой есть решающая величина*».

Иначе говоря, развитие общества зависит от соотношения его с природой. Запомним этот чрезвычайно важный принцип теории «равновесия». Читатель позже увидит его в действии, а также и то, насколько он «обоснован».

Такова теория «равновесия». Она отрицает внутреннюю противоречивость явлений и предметов объективного мира как основной источник развития. Противоречия она переносит вовне. Внешнее сочетание различных элементов, комбинация противоположных сил, равновесие их, нарушающееся от внешнего толчка, для того чтобы затем снова восстановиться, — в этих двух-трех тощих принципах вся премудрость философии механистов.

Теория «равновесия» не есть плод чистой мысли. Она отражает

какую-то сторону действительности, но отражает ее искаженно, односторонне, а потому неправильно.

Тот тип движения, который кладет в основу всякого движения теория «равновесия», действительно существует в объективном мире. Любое *механическое* движение совершается по законам внешнего толчка, борьбы внешних противоположных сил. Две внешние противоположности благодаря одинаковой силе действия и противодействия находятся в равновесии. Но если одна из противоположностей имеет большую силу, чем другая, тогда получим равновесие с положительным знаком для первой противоположности и т. д.

Но механическое движение в живой действительности составляет лишь одну форму, причем низшую, самую примитивную из всех форм движения. Помимо механического движения существует еще целый ряд других, более высоких и сложных форм движения, мало общего имеющих с механической формой.

Теоретики «равновесия» совершенно игнорируют это важнейшее обстоятельство и абсолютизируют одну из сторон действительности — механическое движение, переносят ее законы на *весь* мир: и на химические процессы, и на биологические, и на общественные, т. е. на процессы, движение которых совершается отнюдь не по законам низшей, примитивной, механической формы. Стало быть, отражение действительности, которое дается теорией «равновесия», есть отражение в кривом зеркале.

Попробуйте механическими законами движения, принципами внешней противоположности объяснить развитие жизни, ее многообразие, или смену одних общественных форм другими. Ничего, кроме плоских общих фраз и поверхностных сравнений, не получится. Теория «равновесия» вообще стоит на точке зрения отрицания развития, неизбежно приводит к этому отрицанию. Если движение есть лишь различные формы сочетания внешних друг другу элементов — сопротивления и активности — или внешних противоположностей, то явления не могут ни возникать, ни исчезать. Все существует в готовом виде. *Готовые* предметы и явления находятся в состоянии внешней противоположности, и соотношение между ними определяет конкретный тип равновесия. Не случайно, как мы увидим в главе о качестве и количестве, сторонники теории «равновесия» отрицают качество как *объективную* сторону действительности. А без качественного изменения предметов и явлений, т. е. без возникновения новых по качеству явлений, нет и развития.

Мы видели, как развивается капитализм, как в силу собственных внутренних противоречий он путем самодвижения подготавливает условия для своей гибели. Но что общего есть между этими объективными законами развития и теорией «равновесия»? Теория «равновесия» утверждает, что решающая величина в развитии общества есть соотношение между обществом и природой. Приложите этот «закон» к капиталистическому обществу, и вы убедитесь в абсурдности этого «закона». Капитализм, т. е.

«система», достаточно много «использует» и «среды», т. е. природы. Капиталистический рынок переполнен товарами. Мир доотказа наполнен богатствами. По теории «равновесия» капиталистическое общество должно было в силу этого преуспевать и находиться в постоянном равновесии с положительным знаком. Впрочем, теоретики «равновесия» приходили к подобному выводу. Вспомните теорию «организованного капитализма» Бухарина, эту типично буржуазную контрреволюционную теорию, которая утверждала, что с развитием капитализма все внутренние его противоречия исчезают, остаются лишь противоречия между отдельными странами.

В действительности «решающей величиной» являются внутренние противоречия капиталистического способа производства, и в них нужно искать причины «неуравновешенного» состояния капитализма. Но теоретики «равновесия» не признают внутренней противоречивости предметов. Они очищают движение от противоречий и борьбы, следовательно, уничтожают источник движения и тем самым утверждают точку зрения неизменяемости объективного мира.

Посмотрим теперь, как проявляет себя теория «равновесия» на практике. Бухарин, впоследствии скатившийся на позиции капиталистической реставрации, подходил к решению вопросов хозяйственной политики, классовой борьбы и других сложнейших вопросов социалистического строительства с точки зрения теории «равновесия».

Читатель помнит, что с точки зрения теории «равновесия» «решающей величиной» в развитии общества является соотношение между обществом и природой. Если к этому добавить, что исходным пунктом в движении выступает равновесие, то читатель будет иметь полное представление об основных методологических предпосылках правых.

Прежде всего для теоретических и практических построений правых реставраторов характерно было отвлечение от классовой борьбы, игнорирование происходящих классовых сдвигов, отрицание дифференциации крестьянства. Такой враждебный пролетариату и трудящемуся крестьянству класс, как кулачество, должен был мирно «врасти в социализм». «Кулацкие кооперативные гнезда», как и «основная сеть наших кооперативных крестьянских организаций», писал Бухарин, будут «врастать» в социалистическое хозяйство. Между враждебными классами устанавливается мирное сотрудничество, равновесие. Противоположности не преодолеваются, а примиряются.

Таким образом, уничтожение классов должно произойти путем примирения их. Этот свой решающий принцип Бухарин последовательно применял ко всем основным и текущим вопросам политики.

Раз противоположные классы примиряются, то крестьянство рассматривается в целом как серое пятно, в котором различные социальные группы — беднота, середняки, кулаки — сливаются

воедино. В представлении правых была стерта двойственная природа середняка, его двойственное положение между рабочим классом и капиталистами. Крестьянин рассматривался лишь как труженик и совершенно игнорировался как собственник.

Раз уничтожение классов происходит путем вrastания кулака в социализм, то обострение классовой борьбы есть не результат борьбы противоположных интересов пролетариата и кулачества, а результат, как писал Бухарин, слабости государственного аппарата. Стало быть, дальнейшее развитие социалистического строительства не обостряет классовой борьбы, а приводит к ее «затуханию».

С этой же точки зрения нап есть полная свобода торговли и полное отсутствие регулирующей роли государства и т. д.

Как видите, «частные» вопросы последовательно увязывались с основным вопросом.

Из признания необходимости примирения классов вытекала целая система взглядов, также основанных на отрицании классовой борьбы.

Каковы теоретические корни этих взглядов на классовую борьбу?

Если решающей величиной в развитии общества является равновесие между обществом и природой, то все внимание, понятно, должно быть обращено в эту сторону. Общество должно путем производства побольше взять от природы — в этом спасение и условие развития общества. Разумеется, что при этом внутреннее состояние общества есть целиком зависимая и второстепенная величина. А если так, стоит ли особенно нажимать на кулака, который «перекачивает» из природы немало хлеба и способствует, таким образом, установлению «подвижного равновесия» между средой и системой? Стоит ли делать упор на различии и противоречии социальных интересов кулачества и пролетариата, на дифференциации крестьянства и т. д.?

Нет, конечно, не стоит. Равновесие, гармония внутри общества даст возможность достигнуть равновесия с положительным знаком в решающей области, т. е. между обществом и природой, и все будет в порядке.

В 1929 г. со всей остротой перед страной стала проблема реконструкции сельского хозяйства и необходимость разрешения зерновой проблемы. Трудность заключалась в наличии огромного противоречия между крупной социалистической промышленностью и раздробленным мелкособственническим сельским хозяйством. Это противоречие четко выразил товарищ Сталин в своей речи на конференции аграрников-марксистов в 1929 г.

«Можно ли в продолжение более или менее долгого периода времени базировать Советскую власть и социалистическое строительство на двух *разных* основах — на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хо-

зяйства? Нет, нельзя. Это когда-либо должно кончиться полным развалом всего народного хозяйства»¹.

Как же думали разрешить это противоречие Бухарин и его сторонники? Прежде всего, развитием индивидуального, в том числе кулацкого, хозяйства.

Против индустриализации страны правые возражали. Высокие темпы индустриализации, на их взгляд, означали бы нарушение равновесия.

Колхозы и совхозы развивать не следует по той причине, что для социалистического строительства безразлично, будет ли общество снабжаться хлебом кулацким или колхозным. Для философии «равновесия» это безразлично. Главная задача с точки зрения этой «теории» состоит ведь в том, чтобы больше «выкачивать» из природы, — следовательно, спасение советского общества в хлебе. А, так сказать, «социальное происхождение» этого хлеба не важно.

Любопытно, что в своем проекте резолюции о пятилетнем плане, который был отвергнут комиссией Политбюро, Рыков — ныне враг народа — проводил ту мысль, что центральная идея пятилетнего плана должна состоять в развитии производительности народного труда *вообще*, безотносительно от *социального* характера этого труда. Эта идея идет по тому же направлению, долженствующему обеспечить «подвижное равновесие» между природой и обществом.

Если к этому добавить, что правые реставраторы отрицали необходимость всякого вмешательства государства в дела рынка (что, разумеется, было бы в интересах исключительно кулачества), что правые предлагали не тревожить кулака чрезвычайными мерами, что они рекомендовали ввозить из-за границы хлеб и т. п., — то буржуазный характер их программы «равновесия» будет совсем ясен.

Пусть читатель попробует найти хоть какое-нибудь различие между законами механического движения двух простых тел и законами общественного развития, как они представлялись теоретикам «равновесия». Как сочетание двух простых тел зависит от их силы, так и общественное развитие, по их представлениям, зависит от соотношения одного тела — общества с другим телом — природой. Нужно лишь добиться того, чтобы коэффициент одного тела — общества превысил коэффициент другого — природы. И тогда все будет в порядке.

«Философы» «равновесия» не учли лишь одного обстоятельства, что движение тела с большим коэффициентом действительно преодолевает силу тела с меньшим коэффициентом и движение совершается с положительным знаком для первого.

Но общество состоит из классов. Классы имеют свои классовые интересы, отнюдь не совпадающие с интересами противоположных им классов. Движение классового общества

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 301—302, изд. 10-е.

не может поэтому не иметь результата, выгодного тому или иному классу. Нечего доказывать, что программа правых действительно увеличила бы «коэффициент» общества, *но общества капиталистического, кулацкого.*

Программа правых, как и программа троцкистов, была программой *капиталистической реставрации.*

Так, теория «равновесия», примененная в действии, приводит к программе капитализма. Это не значит, что именно теория «равновесия» была решающим источником программы правых реставраторов. Нет, на первом плане находился другой источник — влияние буржуазного окружения на некоторые прослойки нашей партии, отразившие в своих взглядах кулацкие, буржуазные чаяния и стремления. Но и теория «равновесия», эта насквозь буржуазная теория, играла здесь немалую роль.

Посмотрим теперь, как разрешала противоречия социалистического строительства наша партия, как она строила свою линию, основывающуюся на железной логике марксистско-ленинской диалектики.

Приведем выдержку из политического отчета ЦК партии XV съезду, сделанного товарищем Сталиным. Она сразу откроет нам *совершенно иной, диаметрально противоположный* подход к общественным явлениям, диалектический метод разрешения классовых противоречий.

«...Наше развитие идет не в порядке плавного, огульного подъема вверх. Нет, товарищи, у нас есть классы, у нас есть противоречия внутри страны, у нас есть прошлое, у нас есть настоящее и будущее, у нас есть противоречия между ними, и мы не можем продвигаться вперед в порядке плавного покачивания на волнах жизни. Наше *продвижение протекает в порядке борьбы, в порядке развития противоречий, в порядке преодоления этих противоречий, в порядке выявления и ликвидации этих противоречий.* Никогда не будем мы в силах, пока есть классы, иметь такое состояние, когда можно будет сказать: ну, слава богу, теперь все хорошо. Никогда этого не будет у нас, товарищи. Всегда у нас что-либо отмирает в жизни. *Но то, что отмирает, не хочет умирать просто, а борется за свое существование, отстаивает свое отжившее дело.* Всегда у нас рождается что-либо новое в жизни. Но то, что рождается, рождается не просто, а пищит, кричит, отстаивая свое право на существование. *Борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, — вот основа нашего развития*»¹. Читатель может убедиться, что то понимание законов общественного развития, которое выражено в этой цитате, целиком базируется на принципе диалектического развития общества. В борьбе между противоположными классами, имеющими непримиримые противоречия, между капитализмом и социализмом, в этой борьбе состоит основа развития, — таков диалектический принцип

¹ Сталин, Стенографический отчет XV съезду ВКП(б), стр. 69. (Подчеркнуто мною. — М. Р.)

Сталинского решения вопроса. Теория равновесия игнорирует как раз это самое основное и существенное обстоятельство и переносит противоречия общества на внешнюю противоположность природы и общества. Конечно, общество, для того чтобы существовать, должно производить определенные средства существования. Эти последние в самом деле «отбираются» от природы. Однако *характер производства и добывания средств существования, тип взаимоотношений общества и природы целиком определяются внутренними общественными отношениями*. Мы уже приводили в пример капиталистический способ производства. Капиталистическое общество завалено товарами, а большинство людей голодает, нищенствует, прозябает. Чем же объяснить это странное явление, если не социальным, капиталистическим, характером производства средств существования?

Разве пролетарская революция не совершилась, не уничтожила противоречия капитализма *для того*, чтобы создать социалистический, т. е. такой *общественный* способ производства, при котором люди будут жить нормальной, разумной человеческой жизнью? Именно поэтому товарищ Сталин подчеркивает, что *основой* движения к социализму является развитие общественных противоречий, выявление и ликвидация их, борьба непримиримых противоположностей, борьба классов, борьба между старым и новым. В этом *источник* движения вперед.

Принципу примирения противоположностей, на который неизбежно наталкивается теория «равновесия», товарищ Сталин противопоставляет *борьбу внутренних противоположностей*.

«До сих пор мы, марксисты-ленинцы, — говорит товарищ Сталин, — думали, что между капиталистами города и деревни, с одной стороны, и между рабочим классом, с другой стороны, существует *непримиримая* противоположность интересов. На этом именно и зиждется марксистская теория классовой борьбы. А теперь, согласно теории Бухарина *о мирном вращении* капиталистов в социализм, все это переворачивается вверх дном, непримиримая противоположность классовых интересов эксплуататоров и эксплуатируемых исчезает, эксплуататоры вращаются в социализм»¹.

Соответственно диалектическому объяснению основы движения к социализму товарищ Сталин анализировал и остальные вопросы.

Раз между капиталистами и рабочим классом существуют непримиримые интересы, то крестьянство рассматривается не как единое целое, а в его дифференциации на кулаков, середняков и бедноту.

Раз борьба классов, а не их примирение разрешает противоречия, то в интересах социализма не всякий союз рабочего класса с середняцкими массами крестьянства, а такой союз, «который обеспечивает *руководящую роль* рабочего класса, *укрепляет диктатуру пролетариата и облегчает дело уничтожения классов*»².

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 252, изд. 10-е.

² Там же стр. 259.

При таком подходе не игнорируется двойственная природа середняка.

Для развития общества к социализму далеко не безразлично, какое направление будет иметь развитие производительности труда. Нам нужен, говорил товарищ Сталин, рост производительности не всякого, а *социалистического* труда, иначе мечты о социализме останутся одной лишь мечтой.

Точно так же не всякое производство хлеба может удовлетворить советское общество. Нам нужен хлеб, добытый на *социалистических* полях, *социалистическим*, обобществленным хозяйством. Само увеличение количества производимого хлеба, доказывал товарищ Сталин, зависит от перевода мелкого индивидуального хозяйства на рельсы крупного, коллективного, социалистического земледелия.

Ясно, что диалектика развития противоречий вела не к затуханию классовой борьбы, а к обострению, что не «слабость советского аппарата», а наступление социализма на капитализм вызывало это обострение борьбы, что нэп был рассчитан не на развязывание капиталистической стихии, а на победу социалистического плана и т. д. и т. п.

Только разрешение этих противоречий, только конкретный, практический план, учитывающий эти противоречия и направленный на их ликвидацию, мог стать условием реального движения к социализму.

Как известно, основными, узловыми пунктами плана партии были индустриализация страны и социалистическое переустройство сельского хозяйства на основе коллективизации и технической реконструкции сельского хозяйства. Практика целиком и полностью оправдала сталинские прогнозы и линию нашей партии.

Практическая борьба за новое общество опрокинула и разрушила кулацкие планы капиталистической реставрации, исходившие из лагеря троцкистов, зиновьевцев, правых и других врагов народа. Вместе с этим практика опровергла метафизическую, буржуазную теорию «равновесия», вскрыв всю ее несостоятельность и необоснованность, показав ее вреднейший политический характер.

Практическая борьба подтвердила линию партии, и жизнь еще и еще раз доказала силу материалистической диалектики, которую гениальный ум Сталина отточил еще острее.

ЗАКОН ПЕРЕХОДА КОЛИЧЕСТВА В КАЧЕСТВО И КАЧЕСТВА В КОЛИЧЕСТВО

Закон единства и борьбы противоположностей помог нам обнаружить в противоречивости предметов источник развития. Мы видели, что развитие идет не через примирение, а через борьбу и преодоление противоположностей. Какое-нибудь явление в силу борьбы заложенных в нем противоречий развивается и на определенной ступени переходит в свою противоположность. На месте одного явления возникает другое. Но что представляет собой это новое явление? Одно понятие диалектической противоположности уже означает, что новое явление отличается от старого *качественно*, своим новым содержанием и тенденциями развития.

Следовательно, развитие имеет характер и форму качественного изменения предметов. Здесь мы имеем дело с новым, чрезвычайно важным и существенным законом материалистической диалектики. Этим законом является закон перехода количества в качество и, наоборот, качества в количество.

I

Начнем с простого и сугубо прозаического примера. Вы кипятите воду. Вода постепенно нагревается. Если не снимать воды с огня, то через некоторое время она испарится. Вода превратится в пар.

Присмотримся повнимательнее к тому, что происходит в этом простом процессе превращения воды в пар. Не найдем ли мы здесь ключ к некоторым общим чертам, свойственным всем явлениям и процессам?

Прежде всего можно заметить, что в результате этого процесса один предмет исчез и вместо него возник другой. Вместо воды появился пар. Никто не станет отрицать, что вода и пар — это разные вещи, что между ними есть какая-то граница, которая отделяет их друг от друга, делает разными вещами. Такое же положение мы встретим и среди других вещей и предметов. Бросим взор «на широкое поле природы». Что мы увидим? Нашим глазам представится огромная картина разнообразных предметов и явлений. В этой картине мы не увидим ничего

однообразного, сплошного: предметы, явления, процессы отличаются друг от друга и своим содержанием и своей формой. Земля, вода, деревья, камни, цветы, железо, птицы, животные, люди — все это создает многокрасочную картину мира, в котором предметы связаны друг с другом и вместе с тем отличаются друг от друга.

Весь этот мир различных предметов и процессов составляет неразрывное единство. Это единство самых разнообразных предметов заключается в их материальности. Самые противоположные вещи — земля и вода, животные и растения — материальны, т. е. представляют собой различные формы развивающейся материи. Диалектическое понимание единства не отрицает многообразия мира, а, наоборот, дает ему правильное объяснение. Все богатство и разнообразие неорганической и органической природы есть движение и развитие материи, многообразие форм самой материи, создавшееся в процессе исторического развития природы.

Итак, между предметами существует некая граница, которая отделяет один предмет от другого. Речь идет, разумеется, не о пространственной границе, которая отделяет два различных государства, а о границе совсем другого рода. Легко понять, что границей между водой и паром являются сами вода и пар, их различие как форм движения материи. Вот это различие предметов и явлений как разных форм материального движения, определенность каждого предмета, благодаря которой вода есть вода, пар есть пар и т. д., выступает как *качество* предметов и явлений. Граница, благодаря которой они различаются, есть их *качественное различие*.

Но предметы и явления имеют не только качественную, но и количественную определенность. Количественная сторона предметов тесно связана с их качественной определенностью. Без первой нельзя понять второй. Вода имеет определенное количественное соотношение химических элементов, молекулам воды присуща определенная быстрота движения, отличающаяся от быстроты движения молекул пара, и т. д. Без подобных количественных определенностей нет ни одной вещи, ни одного процесса. «Все качественные различия в природе, — пишет Энгельс, — основываются либо на различном химическом составе, либо на различных количествах или формах движения (энергии), либо — что имеет место почти всегда — на том и другом»¹. Человек имеет определенный рост, вес, живет в среднем определенное количество лет, и этим он отличается от количественной определенности, которая присуща растению, животным и т. д. И в мире общественных отношений каждое явление, каждый процесс имеет свою количественную определенность, хотя, разумеется, здесь она не поддается такому точному измерению, как в природе. Феодалному обществу присуще очень незначительное количественное развитие производительных сил, и этим оно отличается

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 526.

от капиталистического строя, который в свою очередь не сравним с тем размахом развития производительных сил, который общество приобретает в эпоху социализма.

Стало быть, предметы — не только качественные, но и количественные определенности.

Каково же соотношение между ними? Каким образом и в силу каких причин происходит превращение одного предмета в другой, например воды в пар?

Вернемся к нашему примеру. Мы нагреваем воду. В процессе нагревания воды изменяется ее количественная определенность. Нагревание заставляет молекулы воды быстрее двигаться. Известно, что, чем больше приток тепла, тем больше усиливается движение молекул, тем сильнее они отталкиваются друг от друга.

Но первые количественные изменения не изменяют еще качества предмета. Вода не перестает быть водой.

Этот факт толкает нас к заключению, что количественные изменения, совершающиеся в предмете, как будто не затрагивают качественной его стороны.

Но не будем торопиться с выводами.

Разлив небольшой, мелководной речушки действительно может пройти незаметно и не произвести никаких изменений. Но разлив большой, многоводной реки сметает все стоящее на ее пути и причиняет огромные бедствия. Не связано ли поэтому количественное изменение предмета с какими-то пределами, за которыми дальнейшее количественное изменение приобретает далеко не безобидный характер?

В самом деле: дальнейшее увеличение температуры воды будет сопровождаться новыми количественными изменениями. Это выразится в том, что молекулы воды будут еще сильнее отталкиваться друг от друга, убыстрить свое движение. И вот мы замечаем, что вода начинает превращаться в легкий пар и дальнейшее нагревание приведет к полному испарению воды. Таким образом, количественные изменения привели к превращению воды в пар. В силу дальнейшего нагревания молекулы воды разъединяются, получают самостоятельность и свободу действия и рассеиваются в виде пара в воздухе. Следовательно, превращение воды в пар подтверждает предположение о том, что количественные изменения предмета не затрагивают его качества лишь при том условии, если они не выходят за какие-то пределы. Стоит им выйти за эти пределы, чтобы количественное изменение имело своим результатом превращение одного предмета в другой.

Этот факт подтверждают и другие примеры. Если красную краску разбавлять водой, то красный цвет станет светлее, но останется красным. Но если продолжать разбавлять его, то он перестанет быть красным, а станет каким-то другим или исчезнет совсем.

Вспомним процесс развития товара и раздвоение его на товар и деньги. Ведь появление денег было самым тесным образом связано с увеличением количества продуктов, предназна-

чаемых для обмена. Чем шире становились размеры обмена предметами, чем глубже и интенсивнее совершался исторический процесс разложения хозяйства, основанного на удовлетворении потребностей самих производителей, тем больше становилась потребность в особом товаре, в котором все остальные товары с самыми различными потребительными стоимостями могли бы найти свою форму стоимости. Об этом пишет Маркс: «...необходимость такой формы становится все настоятельнее по мере того, как возрастает число и разнородность товаров, вступающих в процесс обмена»¹.

Итак, каждый предмет, каждый процесс имеют свои качественную и количественную определенности, или, короче, качество и количество, которые находятся в единстве. Не следует забывать, что когда мы говорим о количестве или качестве предмета, то это отнюдь не значит, что количество или качество существуют сами по себе. Существуют вещи, процессы, обладающие качественными и количественными определенностями. Каждая вещь есть внутреннее единство качества и количества. Гегель хорошо определил это единство словами: «все имеет в себе меру», каждый предмет есть мера. Это означает, что количественная и качественная стороны предмета соответствуют друг другу, что их соотношение таково, что оно не нарушает существования предмета. Но единство качества и количества предметов есть единство *противоположностей*. Рассмотренное нами во второй главе положение о том, что предметы представляют собой единство противоположностей, получает сейчас свое дальнейшее развитие. Противоположность предметов выражается также и в противоречии между их количественными и качественными изменениями. А что качественная и количественная стороны какой-нибудь вещи противоположны, мы имели возможность убедиться на наших примерах. В процессе развития явления количественная определенность претерпевает изменения и на определенной ступени приходит в противоречие с качеством. Происходит нарушение меры предметов. В результате один предмет превращается в другой.

Теперь проверим эти выводы и посмотрим, можно ли считать их общим законом развития и изменения действительности.

II

Проверим эти выводы на явлениях, принадлежащих к самым разнообразным областям природы и общества.

Возьмем прежде всего примеры превращения одних форм движения материи в другие, качественно отличные от первых. Закон превращения энергии открыл, что механическое движение, теплота, электричество, химическая энергия, жизнь представляют собой различные формы единого, как говорит Энгельс, всемирного движения. Но все эти формы движения качественно

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 48.

отличны друг от друга. Механическое движение отличается от теплоты, теплота — от электричества, электричество — от химической формы движения.

Первобытные люди, впервые научившись с помощью трения добывать огонь, практически доказали превращение одной формы движения в другую, качественно новую. Производя трение одного куска дерева о другой, мы заставляем молекулы быстрее двигаться, быстрее отталкиваться друг от друга, т. е. изменяем количество их движения. Усиление движения молекул сопровождается выделением теплоты. Механическая форма движения исчезает. Она превратилась в качественно новую форму — в теплоту. Через много десятков тысяч лет, после того как люди научились механическое движение превращать в теплоту, появилась паровая машина, при помощи которой совершается обратный процесс: теплота превращается в механическое движение.

Самые обыденные и незаметные вещи дают сотни примеров превращения одной формы движения в другую посредством количественного изменения движения. Сейчас широкое распространение получили всякие нагревательные электрические приборы — электрические утюги, плиты, электрические паяльники и т. п. Каждый из этих простых приборов показывает пример превращения электрической энергии в качественно иную энергию, тепловую. Мы знаем, что, если пропустить электрический ток через проводник, этот последний нагревается. Нагревание это происходит по той причине, что движущиеся электроны сталкиваются с молекулами вещества провода и передают им часть своей энергии. Молекулы в силу этого начинают усиленное и быстрее двигаться, а это последнее обстоятельство имеет своим следствием выделение тепла, нагревание проводника. Чем больше сила тока, сопротивляемость проводника и чем дольше ток находится в проводнике, тем больше получается тепла. Внутри нагревательного прибора вводится проволока с большой сопротивляемостью. Ток, пропускаемый через эту проволоку, нагревает прибор и дает возможность использовать получающуюся при этом тепловую энергию. Можно привести много примеров превращения электрической энергии в химическую, электрической энергии в механическую и т. д.

В промышленности при помощи превращения электрической энергии в химическую добываются алюминий, медь, кальций и ряд других металлов.

Чрезвычайный интерес представляют примеры проявления закона перехода количества в качество в химических процессах. Недаром Энгельс назвал химию наукой о превращении качеств. Читатель может в «Анти-Дюринге» Энгельса найти ряд интересных примеров, показывающих влияние количественных изменений на качество в химических соединениях.

Химия показывает, как из различных *количественных* соотношений одних и тех же элементов образуются и возникают различные *качественные* явления.

Известно, что вода — это сложное вещество, образовавшееся из химического соединения двух элементов — водорода и кислорода. Но эти элементы образуют воду лишь в определенном количественном соотношении. Если на *одну* весовую часть водорода приходится *восемь* весовых частей кислорода, то в результате, при таком количественном соотношении, получится вода. Таким образом, и здесь, в совершенно иной области, количественные изменения приводят к возникновению нового качества. Попробуем теперь изменить количество входящих в воду элементов: удвоим количество кислорода, не вводя в этот состав каких-либо новых элементов. Мы получим новое количественное соотношение тех же элементов: на *одну* весовую часть водорода сейчас придется *шестнадцать* весовых частей кислорода. Вместе с тем мы получим новое по качеству явление — перекись водорода.

Такой же опыт можно проделать с другими элементами. Химическое соединение *семи* частей железа и *четырёх* частей серы дает сернистое железо. Прибавьте к сере еще четыре части — и при тех же семи частях железа вы получите новое явление — минерал серный колчедан.

При этом любопытно, что не всякое количественное прибавление дает новое по качеству явление. Можно к одной весовой части водорода прибавить две, или три, или пять частей кислорода, но химического соединения не произойдет. В этом случае количественное изменение не выходит еще за пределы, за которыми мера нарушается и возникает новое качество. Только соединение с водородом определенного количества кислорода образует новое качество. Таким образом, химия показывает полную применимость закона перехода количества в качество к процессам, ею изучаемым.

Примеры из живой природы и общества могут лишь подтвердить этот закон. «Этот самый закон, — пишет Энгельс, — подтверждается на каждом шагу в биологии и в истории человеческого общества...»¹

Как происходит развитие организма из оплодотворенного яйца? До оплодотворения яйцо является клеточкой, после оплодотворения, путем соединения с живчиком, яйцо представляет уже новое качество. Это уже одноклеточный зародыш. Что происходит в дальнейшем с новой клеткой? Развиваясь, она количественно размножается, дробится, и из нее возникает многоклеточный зародыш. Из одной клетки образуется множество, сотни клеток. Дальнейшее дробление и дифференциация клетки приводят к образованию органов будущего живого существа, и, наконец, появляется живой организм.

Приведем выдержку из книги Лункевича, популярно объясняющей процесс развития жизни из зародыша.

«Положим, мы следим за тем, — читаем мы в этой книге, — что происходит с оплодотворенным яйцом какого-нибудь

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 530.

позвоночного животного, например лягушки. До оплодотворения это клеточка, а после оплодотворения это *одноклеточный зародыш*.

Пробравшись внутрь яйца, сперматозоид дает толчок к его развитию. Яйцо *дробится* сперва пополам, потом на четыре, а дальше на 8, 16, 32 и т. д. части. Вскоре вместо одного одноклеточного зародыша получается *многоклеточный зародыш*, состоящий из сотен клеток, собранных наподобие ягоды малины или шелковицы. В первое время клетки зародыша отличаются друг от друга на вид только величиной: те, что образуют верхнюю его половину, гораздо меньше клеток нижней стороны. Но разница между ними наметилась уже и по существу: из клеток верхней половины зародыша постепенно разовьется головастики, а затем и лягушонок, а клетки нижней стороны будут служить целям питания и роста зародыша. Сначала однородные с виду клетки верхней половины лежат все одним слоем, но по мере дальнейшего дробления они располагаются в два слоя: зародыш теперь состоит из двух *зародышевых пластов*, клетки которых не сходны меж собой. Размножение клеток на этом, однако, не останавливается: они продолжают дробиться и вскоре образуют сперва *три*, а потом *четыре* зародышевых пласта.

Пласты эти не сходны между собой: их клетки не одинаковы. Продолжая попрежнему дробиться, клетки одинаковые по форме и по роду своей работы разбиваются на отдельные группы, из которых далее образуются различные органы будущего животного... Но дни текут, недели сменяются неделями, и зародыш растет, оформляется, видоизменяется. Следя за этими превращениями шаг за шагом, ступенька за ступенькой, можно уже уловить, как все яснее и яснее обозначаются в нем отдельные части тела, различные органы взрослого животного — голова, туловище и конечности, сердце, пищеварительный канал, легкие.

Этот пример прекрасно показывает, как путем количественного деления, в котором выражается развитие зародыша, размножается клетка и как это изменение приводит к образованию нового явления, не похожего с клеткой, из которого оно образовалось. Но так же, из одних клеток путем деления и размножения произошло все живое, все многообразие живой, органической природы. «Все многоклеточные организмы, — пишет Энгельс, — как растения, так и животные, со включением человека — выросли каждый из одной клетки по закону клеточного деления»¹.

Вспомним теперь, как люди путем искусственного отбора добиваются усовершенствования лучших пород животных и растений. Подмечая в том или ином экземпляре животного или растения случайные и полезные для своих практических целей отклонения, люди, основываясь на изменчивости и наследственности органических существ, добиваются изменения пород, их

¹ Энгельс, Диалектика природы, стр. 216.

качества. «Понятна вся польза, — пишет К. Тимирязев, — которую человек может извлечь из этих двух свойств органических существ: изменчивость снабжает его богатым выбором уклонений, наследственность дает возможность упрочить эти уклонения. Таким образом, он в состоянии накапливать, черту за чертой, тончайшие оттенки изменчивости, получая в итоге, по прошествии нескольких поколений, весьма значительные и вполне определенные уклонения»¹.

Как видит читатель, количественное накопление из поколения в поколение «тончайших оттенков изменчивости» дает на определенной ступени возникновение новых качественно отличных видов органических форм.

В области общественных отношений количественные изменения явлений также на известной ступени переходят в качественные различия.

Рассматривая родовое общество, мы видели, что порядки родовой общины, коммунистический быт, коллективное владение средствами производства, форма управления, — весь строй общины основывался на очень низком уровне производительных сил. Разделение общественного труда и рост в связи с этим производства, количественное увеличение производительных сил создали в тогдашних условиях объективную основу для замены коллективной собственности частной, а затем и для превращения родового общества в классовое. Общество, разделенное на классы, из которых один класс — подавляющее большинство рабов и крепостных или пролетариев трудится и дает возможность другому классу — небольшой господствующей группе не заниматься физическим трудом, такое общество может появиться лишь тогда, когда количественный уровень производительных сил позволяет одной части общества содержать другую. Вспомним, что на ранних ступенях развития родовой общины военнопленных или превращали в свободных членов общины или убивали. Это было естественно при низком уровне производительных сил. Родовая община своим трудом могла добывать лишь самые необходимые средства, для того чтобы поддержать свое собственное существование. При этих условиях производства средств существования пленные, будучи превращены в рабов, не приносили бы никакой пользы общине. Но когда производительные силы увеличились и человек мог уже производить продукты сверх того, что необходимо для поддержания его собственной жизни, пленных стали превращать в рабов и эксплуатировать. Таким образом, появление тех или иных общественных форм самым тесным образом связано с количественными изменениями материального производства. Количественные изменения в области производительных сил вместе с другими условиями были причиной превращения общества родового в общество классовое.

Выше было сказано, что классовое общество появилось лишь

¹ Тимирязев, Чарльз Дарвин и его учение, стр. 77.

на определенной ступени развития производительных сил, ступени более высокой по сравнению с родовой общиной. Но существование общества, разделенного на классы, в свою очередь есть свидетельство того, что уровень производства еще не высок. Вот что говорит по этому поводу Энгельс:

«Разделение общества на классы, эксплуатирующие и эксплуатируемые, господствующие и угнетенные, было неизбежным следствием прежнего недостаточного развития производства. Пока совокупность результатов общественного труда едва превышает самые необходимые средства существования, пока труд отнимает все или почти все время громадного большинства общества, до тех пор оно неизбежно делится на классы. Рядом с огромным большинством, исключительно занятым физической работой, образуется класс, освобожденный от прямого производительного труда и заведующий общественными делами: руководством в работе, государственным управлением, правосудием, науками, искусствами и т. д. Следовательно, в основе деления на классы лежит закон разделения труда. Это, однако, отнюдь не исключало значительного участия насилия, хищничества, обмана и хитрости в образовании классов; а раз господствующий класс упрочил свое положение, он никогда уже не упустит случая усиливать свою власть за счет трудящихся классов и превращать управление общественными делами в усиленную эксплуатацию масс.

Но если разделение на классы и имело известное историческое оправдание, то оно имело его лишь для данного периода и при данных общественных условиях. Оно коренилось в слабости производства и будет сметено полным развитием современных производительных сил... Следовательно, уничтожение классов предполагает такую высокую ступень развития производства, на которой присвоение особым общественным классом средств производства и продуктов, — а с ними и политического господства, монополии образования и умственного главенства, — не только становится излишним, но и является препятствием экономическому, политическому и умственному развитию. Эта ступень теперь¹ достигнута»².

Эти строки прекрасно вскрывают зависимость качественных различий общественных форм от их количественных изменений. Социализм предполагает такое высокое развитие производительных сил, когда исключена эксплуатация человека человеком, угнетение одного общественного класса другим. Могло ли быть организовано социалистическое производство, скажем, в конце XVIII в.? Разумеется, не могло. Уровень производства был еще невелик и недостаточен для социализма, среди классов общества того периода не было еще пролетариата, класса, под руководством которого народные массы уничтожают эксплуататорские

¹ «Анти-Дюринг» появился отдельным изданием в 1878 г.

² Энгельс, Анти-Дюринг, Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 284—285.

общество и создают общество социалистическое. Пролетариат является продуктом капиталистического способа производства. При капитализме создаются также материальные предпосылки для возникновения социалистического строя. В «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс писали, что капитализм подобен волшебнику, который не может справиться с вызванными им духами. Вызванные им к жизни громадные производительные силы никак не могут мириться с волей и желаниями их господина.

«В своем могучем росте средства производства разрывают узы, наложенные капитализмом» (Энгельс), и пролетарская диктатура расчищает дорогу для безграничного, невиданного еще в истории общества развития производительных сил в интересах и для блага всего трудящегося человечества.

Итак, количественные изменения производства при капитализме совместно с другими важнейшими обстоятельствами создают объективную основу для возникновения качественно новой общественно-экономической формации.

Мы не станем приводить новые примеры. Основываясь на приведенных здесь из произведений классиков марксизма-ленинизма примерах, читатель сам сможет найти множество фактов, показывающих действие закона перехода количества в качество в области развития общества.

До сих пор у нас шла речь о качественных превращениях предметов в связи с их количественными изменениями. Теперь уместно будет поставить такой вопрос: а качественная определенность предметов, имеет ли она какое-нибудь влияние на количество, или она лишь зависимая величина? Те же примеры, которые нами уже привлекались, и другие факты действительности дают возможность разобраться и в этом вопросе.

Вернемся опять к примеру с искусственным отбором. Цель отбора, например, какого-нибудь высшего сорта растения, состоит ведь в том, чтобы, добившись улучшения породы, повысить урожайность, получить большее количество лучшего сорта этого растения. Таким образом, изменение качества растения преследует цель вызвать также изменение и количества его.

В цитировавшейся уже книге К. Тимирязева читатель сможет найти интересные факты, подтверждающие этот закон перехода качества в количество.

К. Тимирязев рассказывает об одной породе пшеницы, полученной посредством отбора, совершавшегося в течение пяти лет. Одно из 87 посеянных зерен произвело на следующий год 688 зерен (10 колосьев). Одно из этих зерен в свою очередь через год принесло уже 1 190 зерен (17 колосьев). На третий год от зерна с этих последних колосьев было получено уже 2 145 зерен (39 колосьев). Как видим, изменение качества пшеницы внутренним образом связано с количественным изменением. Подобных примеров можно было бы привести огромное множество из практики наших советских селекционных станций.

Приведем примеры из области развития общества. Феодалное общество в силу собственных общественных законов создает условия для превращения феодализма в капитализм как совершенно качественно новую общественную формацию. Но что такое качественно новое явление? Было бы смешно думать, что новое качество отличается от старого лишь своим внешним видом. В действительности оно отличается всей своей структурой, своим содержанием, своими *законами* развития.

Законы капиталистического способа производства совсем иные, чем законы крепостного хозяйства. И вот спросим себя: оказывают ли влияние новые законы капиталистического способа производства на изменение количества производительных сил общества? Стоит так поставить вопрос, чтобы ответить на него утвердительно. Капиталистическое общество подняло производительные силы на такой уровень, который и не снился феодальному обществу.

Так же обстоит дело и с социалистическим обществом по сравнению с капиталистическим. Весь мир удивляется скорости развития народного хозяйства в нашей стране. Темпы нашего развития действительно невиданные в истории общественного прогресса. Объясняется же это очень просто. Законы социалистического общества, т. е. законы, качественно отличающиеся от законов капитализма, таковы, что они создают все условия для величайшего роста производительных сил.

Взаимоотношение качественной и количественной сторон предметов имеет, таким образом, двусторонний характер. Количественное изменение предмета приводит к образованию нового качества; новое качество определяет совершенно новое количество, новые количественные пропорции.

Это взаимное влияние прекрасно проявилось в следующем факте нашего социалистического строительства.

Ленин и Сталин неоднократно говорили, что без индустриализации страны, без изменения технической основы невозможно изменить качество нашей экономики, т. е. превратить мелкотоварное, раздробленное сельское хозяйство в хозяйство крупное, социалистическое. С другой стороны, товарищ Сталин говорил, что одно уж простое соединение раздробленных, мелких крестьянских хозяйств в коллективы во много раз увеличивает их силу по сравнению с прежним, когда они работали в одиночку. «Простое сложение крестьянских орудий в недрах колхозов дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики. В чем выразился этот эффект? В том, что переход на рельсы колхозов дал расширение посевной площади на 30, 40 и 50%»¹. Понятно, что когда объединение в коллективные хозяйства сочеталось с огромным техническим развитием, эта сила увеличилась еще больше. Через незначительный промежуток времени колхозы и совхозы стали производить хлеба больше, чем до этого производило

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 307, изд. 10-е.

все сельское хозяйство, включая и кулачество. Качество перешло в количество.

Стало быть, не только количественные изменения предмета имеют свойство вызывать качественное изменение, но и качественные изменения предмета внутренне связаны с изменением их количества. Эти свойства и способности самих предметов и явлений объективного мира и выражает закон перехода количества в качество и обратно — качества в количество.

III

Рассмотрев взаимные превращения качества и количества предметов, мы получили более глубокое представление о диалектической теории развития. Однако сказанным еще не исчерпывается все богатство этой теории, связанное с анализируемым законом. Есть еще одна чрезвычайно важная сторона его, без уразумения которой наши понятия дадут искаженное отражение действительности.

Мы знаем уже, что развитие природы имеет характер и форму качественного изменения. Количественное увеличение или уменьшение приводит к нарушению меры предмета. Старая мера исчезает, возникает новая мера со своим специфическим соотношением качества и количества.

На первых ступенях развития какого-нибудь явления развитие имеет характер постепенной эволюции. Так, нагревание воды не сразу приводит к превращению ее в пар. Так, в капиталистическом обществе борьба классов все более и более обостряется. Читателю известно, что бесконечно этот процесс продолжаться не может, что на какой-то ступени необходимо, закономерно происходит превращение количества в качество.

Что же собой представляет и как следует понимать это превращение? В каком отношении оно стоит к предыдущему процессу развития?

На эти вопросы метафизики дают такой ответ. Развитие представляет собой *непрерывное* движение, *непрерывную* эволюцию. Существовали и существуют теории, с точки зрения которых возникновение жизни, например, есть простой процесс количественного увеличения. Зародышевая клетка с самого начала представляется как микроскопический организм, и соответственно этому весь процесс развития жизни рассматривается как простой количественный рост, как простое увеличение этого организма.

В области общественных наук меньшевики и современные социал-демократы возникновение социалистического общества рисовали и рисуют как процесс мирного эволюционного вставания капитализма в социализм. Понятно, что с подобной точки зрения развитие есть одно лишь непрерывное количественное движение. Само качественное превращение отрицается и рассматривается лишь как момент количественного изменения. В следующей

части этой главы мы подвергнем обстоятельному анализу эти теории. Сейчас же посмотрим, как обстоит дело в действительности. Можно взять любые явления действительности и на их примере найти правильный ответ на поставленные выше вопросы.

Человек, достигнув старости, умирает. До последнего момента своей жизни человек не перестает быть человеком, жизнь — жизнью. Смерть наступает вдруг, скачкообразно, и вместе с этим человек перестает быть человеком, одно качество переходит в другое, жизнь — в смерть.

Вода при температуре замерзания так же, как и в примере со смертью человека, замерзает сразу, скачком.

Постепенное количественное понижение температуры подготавливает условия для замерзания, но само превращение жидкого состояния в твердое имеет характер скачка.

Объективные условия для свержения капитализма и организации социалистического способа производства давно созрели, но тем не менее современный капитализм ничего общего не имеет с социализмом. Капитализм и накануне своей смерти не перестает быть капитализмом. Только пролетарская революция, революционный скачок уничтожает диктатуру буржуазии и устанавливает диктатуру нового класса.

Что показывают эти примеры? Прежде всего, что развитие имеет не только эволюционный, но и скачкообразный характер, что движение совершается не плавно, не спокойно, не без потрясений.

Процесс постепенного развития приводит к изменению качества предметов. Момент качественного превращения означает перерыв постепенности, перерыв непрерывного движения. Развитие, следовательно, есть единство непрерывности и прерывности, эволюции и скачков. Предмет или явление, постепенно развиваясь, количественно изменяясь, скачкообразно превращается в другой предмет, в другое явление. Возникновение нового качества есть узловой пункт в развитии.

Представим себе картину возникновения и развития жизни на земле согласно тем данным, которые достигнуты наукой.

Наука экспериментально еще не показала, каким образом из мертвой, неорганической природы возникли первые проблески жизни. Попытки химическим путем создать живое вещество пока не увенчались успехом. Однако нет никакого сомнения, что первоначальная форма жизни, из которой возникает живая клетка — белок, появилась в результате беспрерывных химических соединений элементов неорганической природы. Но белок — это уже не мертвая природа, а начало жизни. В количественном ряду образования живых существ это первый качественный узел, который завязывает природа в ходе своего развития. Белок, хотя и состоит из тех же элементов, что и мертвая природа, коренным образом, качественно отличается от этой последней. «Может быть прошли тысячелетия, — пишет Энгельс, — пока

не создались условия, необходимые для следующего шага вперед, и из этого бесформенного белка... не произошла благодаря образованию ядра и оболочки первая клетка. Но вместе с этой первой клеткой была дана и основа для формообразования всего органического мира. Сперва образовались, как мы должны это допустить, по данным палеонтологической летописи, бесчисленные виды бесклеточных и клеточных протистов... из которых некоторые дифференцировались постепенно в первые растения, а другие — в первые животные. А из первых животных развились — главным образом путем дальнейшего дифференцирования — бесчисленные классы, порядки, семейства, роды и виды животных и, наконец, та порода животных, в которой достигает своего полного развития нервная система, именно позвоночные, и опять-таки, наконец, среди последних то позвоночное, в котором природа дошла до познания самой себя, — человек»¹.

Рисуя эту величественную картину развития живого мира, Энгельс ссылается на неопровержимые данные науки о вымерших животных — палеонтологии.

Обратимся и мы к этой «палеонтологической летописи». Геологические раскопки обнаруживают в различных пластах земли самые разнообразные и не похожие друг на друга остатки животных. Благодаря этому удалось восстановить общую картину развития жизни на земле.

Геологическое время делится обычно на четыре эпохи, или эры, — от самых давних времен до современной эпохи. И вот если проследить изменения, совершавшиеся в мире животных от самой древней, архейской эры до четвертичного периода, т. е. в течение огромного времени, продолжавшегося не меньше трехсот миллионов лет, то получится следующая картина.

От первой, древнейшей эры остались немногие признаки живых существ, населявших тогда землю. Это — ракообразные, моллюски и т. д. Остатки второй эры дают представление о более богатом и разнообразном мире жизни. Помимо ракообразных и моллюсков здесь уже существовали панцирные рыбы, земноводные существа и, наконец, первые виды пресмыкающихся.

Третья эра дает еще более богатую картину жизни. Живые существа заселяют уже и море, и воздух, и землю. Это, главным образом, пресмыкающиеся — крокодилы, черепахи, змеи, ихтиозавры, ящерицы и т. д. Попадают изредка и остатки млекопитающих.

Наконец, четвертая эра становится периподом млекопитающих. Мир живых существ все более и более начинает напоминать современный мир животных. В начале четвертичного периода появляется человек.

Такова вкратце картина развития жизни, как ее удалось реставрировать, руководствуясь наблюдениями над остатками вымерших животных. Как видит читатель, картина эта ничего

¹ Энгельс, Диалектика природы, стр. 95.

общего не имеет с представлением об одном лишь количественном, постепенном процессе развития. От самых простейших видов жизни до современного человека развитие шло через качественное изменение жизни. Из простейших видов образовались сложные, эти сложные виды в силу ряда обстоятельств, прекрасно показанных теорией естественного отбора, превращались в качественно новые, еще более сложные виды. Бесперывное количественное изменение прерывалось возникновением новых качеств, новых мер. Это поистине узловая линия мер, линия, на которой узловыми пунктами являются миллионы самых разнообразных, качественно различных животных.

Палеонтологическая летопись кончается человеком. Но человек, принадлежа к миру животных, вместе с тем качественно отличается от всего этого мира. Человек — общественное существо. И если заменить или продолжить палеонтологическую летопись летописью общественной, исторической, то мы увидим такую же картину качественного развития, изменения. Что собой представляет история человеческого общества? Это история развития и смены одних общественно-экономических формаций другими. Менее всего история представляет непрерывную линию движения, линию без скачков, без революций, без катастроф, без перерыва постепенности. Наоборот, факты показывают, что постепенное развитие общества всегда, во все времена приводило к скачку, к изменению общественного строя. Здесь существует та же узловая линия мер, линия, качественные узлы которой составляют различные общественные формации со свойствами только им особыми, специфическими законами развития.

Итак, какие бы примеры мы ни взяли, все они убеждают нас в одном: движение в природе или обществе нужно понимать как изменение, как превращение одного качества в другое, как «развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное» (Ленин).

Этот существеннейший принцип закона перехода количества в качество еще больше обогащает наше понимание развития.

IV

Трудно переоценить руководящее, методологическое значение в познании, в научном анализе, в революционной борьбе принципа развития, понимаемого как качественное изменение. Тем больше возражений должны вызывать всяческие теории, выступающие под маской марксизма против этого неопровержимого закона материалистической диалектики.

В первом ряду этих противников стоят механисты, сторонники антиленинской теории «равновесия». В существе теории «равновесия» заложено отрицание качественного разнообразия предметного мира, отрицание диалектического понимания движения как качественного изменения. Мы уже знаем, что с точки зрения этой

общего не имеет с представлением об одном лишь количественном, постепенном процессе развития. От самых простейших видов жизни до современного человека развитие шло через качественное изменение жизни. Из простейших видов образовались сложные, эти сложные виды в силу ряда обстоятельств, прекрасно показанных теорией естественного отбора, превращались в качественно новые, еще более сложные виды. Бесперывное количественное изменение прерывалось возникновением новых качеств, новых мер. Это поистине узловая линия мер, линия, на которой узловыми пунктами являются миллионы самых разнообразных, качественно различных животных.

Палеонтологическая летопись кончается человеком. Но человек, принадлежа к миру животных, вместе с тем качественно отличается от всего этого мира. Человек — общественное существо. И если заменить или продолжить палеонтологическую летопись летописью общественной, исторической, то мы увидим такую же картину качественного развития, изменения. Что собой представляет история человеческого общества? Это история развития и смены одних общественно-экономических формаций другими. Менее всего история представляет непрерывную линию движения, линию без скачков, без революций, без катастроф, без перерыва постепенности. Наоборот, факты показывают, что постепенное развитие общества всегда, во все времена приводило к скачку, к изменению общественного строя. Здесь существует та же узловая линия мер, линия, качественные узлы которой составляют различные общественные формации со свойствами только им особыми, специфическими законами развития.

Итак, какие бы примеры мы ни взяли, все они убеждают нас в одном: движение в природе или обществе нужно понимать как изменение, как превращение одного качества в другое, как «развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное» (Ленин).

Этот существеннейший принцип закона перехода количества в качество еще больше обогащает наше понимание развития.

IV

Трудно переоценить руководящее, методологическое значение в познании, в научном анализе, в революционной борьбе принципа развития, понимаемого как качественное изменение. Тем больше возражений должны вызывать всяческие теории, выступающие под маской марксизма против этого неопровержимого закона материалистической диалектики.

В первом ряду этих противников стоят механисты, сторонники антиленинской теории «равновесия». В существе теории «равновесия» заложено отрицание качественного разнообразия предметного мира, отрицание диалектического понимания движения как качественного изменения. Мы уже знаем, что с точки зрения этой

теории всякое движение есть механическое перемещение в пространстве, одно лишь количественное движение. В механическом движении качество предмета действительно не изменяется. Но, во-первых, механическая форма движения, как было уже сказано, есть лишь одна из многочисленных форм, причем простейшая форма движения. Механическое движение, во-вторых, само переходит в другую, высшую форму движения. Такие формы механического движения, как трение и удар, при известных условиях порождают новое явление — теплоту. Но что такое теплота, если не новое, по сравнению с трением и ударом, качество движения? Таким образом, и механика, к которой с такой ревностью и любовью относятся противники диалектики, изменяет им.

Из чего исходят механисты, отрицая качественность движения материи?

Как ни странно, но они в своих теоретических построениях козыряют... последними достижениями науки. Это обстоятельство нас меньше всего должно смущать, ибо все дело в том, как понимать эти достижения. Ленин показал, что величайшее достижение науки последнего времени — открытие электрона — было использовано как доказательство того, что материя исчезла.

Наука доказала, говорят механисты, что в основе всякого явления лежит движение материи. Последнее же есть количественное, пространственное перемещение атомов или электронов. Какое бы явление мы ни взяли, везде в основе его лежит количественное перемещение атомов в пространстве.

В механике это само собой разумеется.

«А как с физикой? — спрашивал один из ярых защитников механистической концепции движения, И. И. Степанов. — *Звук: воздушные волны, пространственное перемещение масс воздуха. Теплота: движение молекул, т. е. пространственное их перемещение. Электричество: «электрический ток есть поток электронов», т. е. пространственное перемещение «атомов» электричества.*

«Диалектическое понимание» — слишком общее название. Для настоящего времени диалектическое понимание природы конкретизируется именно как механистическое понимание, т. е. как сведение всех процессов природы исключительно к действию и превращению тех видов энергии, которые изучаются физикой и химией»¹.

Последние, подчеркнутые нами слова выражают всю философскую «глубину» механистической теории развития. Согласно этой теории развитие есть чисто количественное движение, перемещение атомов в пространстве. Качества, качественных изменений в природе не существует. Все сводится к количествен-

¹ Степанов, Диалектический материализм и деборинская школа, стр. 73.

ному движению, к механической форме движения. Отсюда и развитие понимается как непрерывный процесс количественного увеличения или уменьшения. Бухаринская теория «равновесия» целиком построена на этих принципах. Посмотрим теперь, насколько соответствует вся эта концепция истине и какие практические выводы вытекают из нее.

Нет сомнения, что в основе таких форм движения, как теплота, электричество, химические соединения и разъединения, лежит движение материи, движение атомов и электронов. Нет также сомнения, что основу всех явлений как живой, так и неживой природы составляют одни и те же вещества. Но вот соединение этих различных веществ, которые имеются в мертвой природе, благодаря определенным благоприятным условиям, создавшимся на земле, приводит к образованию жизни, живого белка. Есть ли принципиальная, качественная разница между живой и мертвой природой? Можно ли «свести» живой белок к тем элементарным веществам, из соединения которых он возник? Механисты, как мы видели, считают, что можно. Но тогда стирается различие между жизнью и нежизнью. Можно разложить живое существо на отдельные, составные его части, но тогда жизнь перестанет быть жизнью. Ученые рано или поздно узнают, наконец, состав белка, но будет ли это означать, что высшие законы жизни «сведутся» к низшим, что между ними исчезнет качественное различие? Энгельс пишет, что «мы, несомненно, «сведем» когда-нибудь экспериментальным образом мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но исчерпывается ли этим сущность мышления?»¹

Конечно, мышление — продукт материального движения, оно результат этого движения. Но мышление связано лишь с определенной формой материи — с высокоорганизованной. Если мышление есть лишь перемещение атомов в пространстве, если оно представляет одно лишь количественное движение, как и все на свете, то эта форма движения должна была бы быть свойством любой материи. Чем же объяснить тот факт, что оно лишь свойство высокоорганизованной материи, если не тем обстоятельством, что оно продукт качественно иной формы движения? Можно разложить воду на ее составные элементарные части — на водород и кислород. Но всякий здравомыслящий человек поймет, что здесь никакого сведения воды к этим элементам не получится. Ни водород, ни кислород сами по себе не есть вода, и лишь их соединение даст новое качество, отличающееся от каждого из этих элементов.

С точки зрения механистов нет никакой качественной разницы между ихтиозавром и человеком. И тот и другой представляют количественное движение атомов в пространстве. Откуда же берется все качественное разнообразие мира, вся та уловая линия мер, о которой достоверно рассказывает палеонтологиче-

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 408.

процессы жизни в самом человеке, в том числе и процессы психической жизни, — все это... полностью, без всяких изъятий подчиняется закону сохранения энергии».

Еще прямее сказал В. Сарабьянов:

«Предположим, что мы научились выражать физико-химически и биологические и даже социологические явления. Не останется ли тогда только одна наука? О словах спорить мы не станем. Будет ли одна физика, имеющая ряд отделов, или же останутся и биология, и физиология, и другие науки, — дело от этого несколько не меняется».

В этих словах выражены главные идеалы, лучшие мечты механистов. Марксизм как отдел... физики — в этом механисты видят венец развития науки. Но наши «отечественные» вульгаризаторы менее всего оригинальны. Они лишь пересказывают то, что сотни ученых слуг буржуазии проповедают ежедневно обывателям. Сколько создано «теорий» о законе борьбы за существование в обществе, о влиянии солнечных пятен на общественные революционные движения, об аналогии между биологическим организмом и «организмом общественным», об «энергетическом балансе» в обществе и т. д. и т. п. Ведь нашлись же «ученые», которые составили целые «научные таблицы», из которых видно было, что «возбудимость» народных масс совпадает с периодическим появлением пятен на солнце. Из этого совпадения выводился закон о зависимости народных движений и революций от процессов, совершающихся на солнце, которые-де возбуждают массы. Все это делалось в интересах буржуазии, в целях успокоения запуганного обывателя. Критикуя эти «теории», Ленин писал, что они очень удобны, ибо кажутся «научными» и, главное, «прекрасно усыпляют обывателя, затемняя главное и основное: раскол общества на непримиримо враждебные классы»¹.

Методологически все эти «теории» *вытекают* из забвения того, что развитие имеет характер качественного изменения, что высшие формы движения имеют свои качественно иные законы движения и потому не сводимы к низшим формам.

В самом деле: что можно поделать с законом сохранения энергии в вопросах классовой борьбы? Как можно «физико-химическим» путем ориентироваться в сложнейших вопросах стратегии и тактики классовой борьбы? Конечно, общественная форма движения, как и любая форма, связана с физическим, химическим и механическим движением. Человек — биологическое существо — не может отправлять своих жизненных функций вне этих низших форм движения. В нем происходят и химические процессы, человек передвигается по законам «чистого» механического перемещения в пространстве и т. д., но все эти процессы, как заметил Энгельс, являются *побочной* формой

¹ Ленин, т. XXI, стр. 375.

по отношению к главной, основной — биологической. Люди — не только общественные, но и биологические существа. Используя машины, электричество, свет, химию и т. п., они действуют по законам механики, физики и химии. Но нужно иметь очень ограниченный ум, чтобы не понять, что эти законы в общественной форме движения, в борьбе классов играют *побочную* роль, что законы общества с возникновением этой новой формы движения приобретают свой, специфический, не сводимый ни к какой иной форме движения, характер.

Игнорирование *качественной* изменяемости движения, возникновения качественно новых ситуаций, моментов, условий всегда было методологическим оружием всяческих антиленинских, враждебных нашей партии направлений.

Вспомним два примера из истории нашей партии.

Революция 1905 г. Народные массы поднимаются на борьбу против царизма. Необходимо ясно и точно определить задачи революции, ее основные движущие силы, лозунги борьбы, ближайшие и последующие цели. В партии четко выкристаллизовываются две тактики в демократической революции.

Большевики во главе с Лениным исходят из объективной обстановки, в которой происходит первая русская буржуазно-демократическая революция. Обстановка эта несравнима с условиями, в которых совершалась французская буржуазная революция 1789 г. И французская и русская революции являются буржуазными революциями. Но было бы глубочайшей ошибкой, если бы русские социал-демократы копировали на этом основании французскую революцию. Последняя происходила в период, когда буржуазия была прогрессивным классом, когда в большинстве стран господствовал еще феодализм, когда пролетариат еще не представлял современной, организованной и страшной для буржуазии силы. Понятно, что в тех условиях буржуазия выступала вместе с народными массами как одна из основных движущих сил буржуазной революции, хотя и тогда она проявляла свою непоследовательность и реакционность.

Русская революция 1905 г. происходит в совершенно иной, *качественно* изменившейся обстановке. В большинстве стран буржуазия давно победила. Более того, капитализм в последней четверти XIX в. вступил в свою высшую, последнюю, империалистическую стадию развития. Буржуазия пережила ряд революций, в которых пролетариат выступал как организованный, самый революционный класс, и его борьба была направлена не только против феодализма, но и против буржуазии. Особенности развития русской буржуазии, помимо всего этого, сделали ее особенно трусливой, непоследовательной, классом, идущим на компромиссы со всеми реакционными силами общества.

Могла ли быть буржуазия движущей силой в революции, подобно буржуазии французской? Большевики прекрасно понимали, что основными движущими силами в условиях русской буржуазно-демократической революции могут быть лишь проле-

тарнат и крестьянство при гегемонии пролетариата. Ленин предвидел, что, совершив демократический переворот, установив революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, доведя революционный переворот до конца, пролетариат создает условия для превращения буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Отсюда лозунги большевиков: подготовка народного вооруженного восстания, лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и др.

Иначе рассуждали меньшевики. Они коренным образом игнорировали качественное изменение условий русской буржуазной революции по сравнению с условиями «обычных» буржуазных революций. Они игнорировали и не хотели понимать качественных особенностей новой эпохи. Отсюда происходила их рабская зависимость от мертвых канонов, их слепота и буржуазная холопская ограниченность. Раз революция буржуазно-демократическая, следовательно, умозаключали они, буржуазия должна быть основной движущей силой революции. Пролетариат поэтому не должен отпугивать буржуазию своими выступлениями. Понятно, что меньшевики отрицали вооруженное восстание, большевистский лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, как и всю действительную, боевую, активную программу большевиков. Тактика меньшевиков целиком была рассчитана на изоляцию народных масс от борьбы, на буржуазно-либеральную, пораженческую для народа реформу.

Когда события 1905 г. начали нарастать и большевики, учитывая изменения, решили старые методы борьбы — агитацию и пропаганду, экономическую борьбу — дополнить новыми — вооруженным восстанием, заменить оружие критики критикой оружием, меньшевики завопили о забвении большевиками испытанных методов агитации и пропаганды. Ленин тогда показал всю цену меньшевистских страхов, их слепоту и неспособность понять изменившуюся, *новую* обстановку.

«Революционная эпоха, — писал он, — выдвинула новые задачи, которых не видят только совсем слепые люди. И эти задачи одни с.-д. решительно признают и ставят на очередь дня: вооруженное восстание неотложно, готовьтесь к нему немедленно и энергично, помните, что оно необходимо для решительной победы, ставьте лозунги республики, временного правительства, революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Другие же пятятся назад, топчутся на одном месте, вместо лозунгов дают предисловия, вместо указания нового, наряду с подтверждением старого, разжевывают пространно и скучно это старое, сочиняя отговорки от нового, не умея определить условий решительной победы, не умея выставить лозунгов, единственно соответствующих стремлению добиться полной победы»¹.

¹ Ленин, т. II, стр. 99.

Как видим, тактика меньшевиков в революции 1905 г., политически будучи выражением буржуазной их сущности, методологически целиком основывалась на непонимании диалектического характера развития, на игнорировании качественных изменений, на забвении того, что появлению качественно новой обстановки сопутствуют новые законы развития, которые заменяют старые, отжившие законы.

Приведем второй пример из истории нашей партии. Речь идет о спорах вокруг проблемы возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране. Прекрасно известно, что это был спор о жизни и смерти нашей революции, о перспективах социализма, о развитии мировой пролетарской революции.

Троцкисты и зиновьевцы утверждали, что пролетариат одной, отдельно взятой страны, захватив власть в свои руки, своими силами не сможет построить социализм, что без победы пролетариата в других странах революция неизбежно обречена на гибель. Нечего сейчас доказывать, что эта «теория» выражала чаяния и надежды всей международной буржуазии, что этой своей «теорией» нынешние враги из троцкистско-зиновьевской оппозиции имели цель посеять среди пролетариев неверие, пессимизм, безволие, пассивность.

Партия разгромила тогдашнюю «объединенную оппозицию» и отстояла ленинский тезис о возможности построения социализма в нашей стране. Товарищ Сталин в ряде своих выступлений, разоблачивших контрреволюционную сущность оппозиции, обосновал и развил марксистско-ленинское учение по этому вопросу и вскрыл методологию оппозиционной теории.

Одним из аргументов их была ссылка на Маркса и Энгельса, которые-де говорили, что социализм в одной стране построить невозможно.

Маркс и Энгельс, учитывая условия доимпериалистического капитализма, действительно писали, что победа социализма в отдельных странах невозможна ввиду того, что «движение буржуазного общества идет все еще по восходящей линии».

«Объединенная оппозиция» уцепилась за это положение Маркса и Энгельса и сделала из него вывод, что победа социализма в одной стране вообще невозможна.

«Вытекает ли из цитат Маркса,— говорил товарищ Сталин,— что победа социализма в отдельных странах невозможна при всяких условиях развития капитализма? Нет, не вытекает. Из слов Маркса вытекает лишь то, что победа социализма в отдельных странах невозможна только в том случае, если «движение буржуазного общества идет все еще по восходящей линии». Ну, а как быть, если движение буржуазного общества в целом, в силу хода вещей меняет свое направление и начинает идти по нисходящей линии? Из слов Маркса вытекает, что при таких условиях

исчезает основание для отрицания возможности победы социализма в отдельных странах»¹.

И товарищ Сталин конкретным анализом двух периодов в развитии капитализма показал, что вывод оппозиции построен на игнорировании *качественно новых условий*, которые создаются в монополистический период капитализма, в отличие от домонополистического периода. Именно учитывая это *различие условий*, Ленин, опираясь на открытый им закон неравномерного развития капитализма в эпоху империализма, утверждал, что «возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»².

Империализм, монополистический капитализм, несомненно, есть развитие, продолжение капитализма вообще. Но не видеть на этом основании глубокого отличия нового периода в развитии капитализма от старого — значит подменить диалектическую теорию развития механистической. Ленин писал, что «капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда *некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу*»³. Ясно, что это новое в развитии капитализма не могло не изменить коренным образом условий для революции.

Товарищ Сталин говорит, что в домонополистический период, когда капитализм в целом шел по восходящей линии, «развитие капитализма шло более или менее плавно, более или менее эволюционно, и одни страны опережали другие в продолжение долгого периода времени без скачков и без обязательных военных столкновений мирового масштаба. Речь идет теперь не об этой неравномерности.

Что же такое в таком случае закон неравномерности развития при империализме?

Закон неравномерности развития в период империализма означает скачкообразное развитие одних стран в отношении других, быстрое оттеснение с мирового рынка одних стран другими, периодические переделы *уже поделенного мира* в порядке военных столкновений и военных катастроф, углубление и обострение конфликтов в лагере империализма, ослабление фронта мирового капитализма, возможность прорыва этого фронта пролетариями отдельных стран, возможность победы социализма в отдельных странах»⁴.

Как видит читатель, подход Ленина и Сталина в противовес механистической, количественной точке зрения оппозиции,

¹ Сталин, сб. «Об оппозиции», стр. 501.

² Ленин, т. XVIII, стр. 232—233.

³ Ленин, т. XIX, стр. 141—142. (Подчеркнуто мною. — М. Р.)

⁴ Сталин, сб. «Об оппозиции», стр. 515.

игнорирующей качественные изменения в развитии, целиком основывается на диалектической теории развития.

Отрицание возможности построения социализма в одной стране теоретически покоится на «затушевывании разницы» (Сталин) между двумя периодами в развитии капитализма. И, наоборот, ленинское, сталинское решение вопроса вытекает из того, что эта разница не затушевывается, не игнорируется, что учитывается всякое существенное изменение, происходящее в действительности.

Таков вообще непререкаемый, железный закон большевистской диалектики. Партия всегда строила и строит свою стратегию и тактику на основе строгого и точного объективного анализа фактов. Возьмите один лишь отрезок ее истории — от Октября до наших дней. Изучите развитие лозунгов партии на протяжении этого героического периода, и вы увидите, что эти лозунги точно отражали своеобразие, особенности каждого нового этапа в развитии пролетарской революции, что она организовывала народные массы, доходила до сознания этих масс именно в силу своей точности и органической связи с жизнью и ее изменениями, с революционной практикой.

ЗАКОН ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ

Нам осталось теперь познакомиться с третьим и последним основным законом материалистической диалектики, с законом отрицания отрицания. Основываясь на первых двух законах, он дополняет диалектическую теорию развития, вскрывает еще один чрезвычайно важный момент всякого процесса развития.

Если кратко подытожить сказанное до сих пор, то получится, что первые два диалектических закона объяснили нам источники развития и показали, что движение нужно понимать как качественное изменение явлений. В борьбе противоположностей происходит *отрицание* одних явлений и возникновение качественно других, новых явлений. Следовательно, осталось еще по крайней мере два важных неосвещенных вопроса. Первый: что такое и какой смысл имеет диалектическое отрицание? И второй: каковы взаимоотношения и связь между явлениями или процессами отрицающими и отрицаемыми—между тем, что возникает, и тем, что исчезает, уничтожается?

Ответ на эти вопросы и дает учение о законе отрицания отрицания.

I

Мы имели возможность видеть, что *момент отрицания* в диалектической теории развития играет большую роль. Какой бы процесс мы ни взяли, в каждом налицо отрицание. Общество развивается так, что одна общественно-экономическая формация отрицается другой. История развития животных от одноклеточных и простых к многоклеточным и сложным совершается как отрицание одних видов другими. Борьба за существование в мире животных основывается на непрерывном процессе отрицания более приспособленными животными менее приспособленных. А история развития мысли, познания? Разве и здесь движение не происходит путем отрицания одних теоретических принципов и систем другими? Словом, *во всех процессах, в развитии всех предметов и явлений наличествует элемент отрицания*. Это обстоятельство прямо и непосредственно вытекает из основного закона развития—закона единства и борьбы противоположностей. Раз мы признаем, что источником развития является борьба противоположностей и переход их друг в друга, то отрицание,

как момент этого процесса, следует принять как нечто само собой разумеющееся.

Итак, отрицание выступает как всеобщая форма развития в объективном мире.

В «Нищете философии» Маркс, полемизируя с мелкобуржуазными утопическими воззрениями Прудона¹, показывает сущность и значение диалектического отрицания в развитии действительности.

Прудон видел в эксплуататорском обществе две стороны — «хорошую» и «дурную». «Дурной» стороной он считал нищету, неравноправие людей и т. д. И революционная задача по Прудону заключалась в том, чтобы устранить «дурную» сторону буржуазного общества, сделать ее также «хорошей».

Разумеется, что в таком отвлеченном и абстрактном представлении законов развития эксплуататорского общества задача уничтожения всякой эксплуатации ставилась на голову и отражала лишь мелкобуржуазные иллюзии. Стоит уничтожить «дурную» сторону, как все будет хорошо и на земле подворится рай. Но что такое «дурная» сторона? Это нищета рабочего класса, его подневольное, рабское положение, это нищета широких народных масс. Однако мы прекрасно знаем, что нищета народных масс, и прежде всего рабочих, в буржуазном обществе имеет и другую сторону. Рабское положение пролетариата, бесчеловечная эксплуатация рабочих ставит их в резкое противоречие с эксплуататорским классом, организует и сплачивает их в самый революционный класс. Ленин говорил о двух сторонах буржуазной эксплуатации: она унижает рабочих, создает нечеловеческие условия существования, выжимает из человека последние соки; но она и вызывает ненависть к эксплуататорам, желание расправиться с ними, уничтожить всякие формы эксплуатации и, как следствие этого, она организует, сплачивает, революционизирует рабочих. Условия работы на буржуазной фабрике таковы, что независимо от желаний фабриканта они способствуют сплочению и организации рабочих. Было бы величайшим и роковым заблуждением не замечать этой второй стороны эксплуатации.

Критикуя Прудона, Маркс поэтому писал: «Они (мелкобуржуазные теоретики. — М. Р.) видят в нищете только нищету, не замечая ее *революционной, разрушительной стороны, той стороны, которая низвергнет старое общество*». И далее Маркс делает важное замечание, имеющее непосредственное отношение к интересующему нас вопросу: «Но раз замечена эта сторона, наука становится сознательным продуктом исторического движения; она перестает быть доктринерской, она делается революционной»².

Маркс подчеркивает здесь то обстоятельство, что отрицание

¹ Прудон (1809—1869) — французский социалист-утопист, идеолог мелкобуржуазного социализма.

² Маркс и Энгельс, т. V, стр. 377. (Подчеркнуто мною. — М. Р.)

выступает как революционная сила в историческом процессе, как сила, устраняющая эксплуататорское общество. Отрицательная сторона играет *положительную* роль и имеет революционное значение.

Энгельс вместе с Марксом утверждал, что в «истории прогресс выступает в виде отрицания существующего порядка»¹.

Может возникнуть вопрос: очевидно, отрицание имеет такую силу развития лишь по отношению к предыдущей истории развития. Ибо с возникновением социалистического общества нет никакой надобности в интересах прогресса отрицать существующие, т. е. социалистические, порядки. Стало быть, отрицание имеет значение, ограниченное рамками истории эксплуататорских обществ? На этот вопрос надо дать отрицательный ответ. Отрицание как момент развития имеет и будет всегда иметь всеобщее значение. Но есть различные формы отрицания. В классовых обществах отрицание неизбежно имеет *антагонистический* характер, т. е. содержание и форму борьбы классов, борьбы жестокой, кровавой, смертельной. В бесклассовом обществе отрицание будет иметь иное содержание и характер. Здесь старые, отживающие и ненужные формы будут сознательно, безболезненно отменяться самими работниками общества. Наша современная социалистическая действительность уже дает немало примеров такого отрицания. Так же обстоит дело и с противоречиями. Ведь борьба противоположностей как источник развития имеет, подобно диалектическому отрицанию, всеобщее значение. Но содержание и форма этого закона в классовом и бесклассовом обществах различны. В классовом обществе борьба имеет антагонистический характер, в бесклассовом — неантагонистический.

Итак, в историческом прогрессе, как показывают факты, отрицание играет положительную роль. Нетрудно убедиться, что такую же роль оно играет и в процессах органического и неорганического мира.

Вы сажаете семя какого-нибудь цветка в землю. Через некоторое время, в благоприятных условиях, семя исчезает, отрицается, но из семени возникает живой благоухающий цветок. Отрицание семени послужило условием возникновения жизни.

Всякое ли, однако, отрицание имеет положительное значение? И какое отрицание можно считать положительным?

Несколько примеров помогут нам разобраться в этих важных вопросах.

Вместо того, чтобы посадить семя цветка в землю и создать благоприятные условия для его произрастания, вы его бросаете в огонь. В этом случае мы также будем иметь пример отрицания, но отрицания явно бесплодного. Чем отличаются эти различные виды отрицания? Главным образом, тем, что первый вид отрицания является *условием развития* процесса перехода от *низших* ступеней к более *высоким*, к более *совершенным*, в то

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 433.

время, как второй вид уничтожает это условие и пресекает всякие возможности развития.

Ярким примером реакционного отрицания может послужить отношение анархизма к государству. Анархисты отрицают *всякое* государство, считают *всякую* государственную власть признаком эксплуатации, ограничения свободы и т. п. Бухарин в 1916 г. выступил со статьей, в которой писал, что партия должна «поддерживать свою принципиальную враждебность к государству». Против Бухарина выступил тогда Ленин.

Ленин указал, что Бухарин по существу выдает анархистскую теорию государства за марксистскую теорию. «Принципиальная враждебность к государству» означает, во-первых, что пролетариат и его партия не должны в условиях капитализма использовать государство и его учреждения в интересах пролетариата, в целях борьбы за освобождение рабочего класса. Во-вторых, «принципиальная враждебность к государству» означает, что пролетариат отрицает *всякое* государство, в том числе и пролетарское государство, т. е. диктатуру пролетариата.

Но отрицание пролетарского государства, отрицание необходимости диктатуры пролетариата в период переходный от капитализма к социализму равносильно отрицанию борьбы за пролетарскую революцию, за социалистическое общество. Построение социализма немыслимо без *борьбы*, самой беспощадной и кровавой, против эксплуататорских классов, которые добровольно своей власти и своих привилегий не уступают. Строительство нового общества есть длительный и сложный процесс организации, воспитания широких народных масс, переустройства на социалистический лад трудящегося крестьянства, борьбы за социалистические формы труда, ликвидации всяческих источников эксплуатации человека человеком.

Может ли пролетариат подавить сопротивление капиталистических классов и организовать социалистическое производство без своей государственной власти, без своей диктатуры?

Опыт советской власти, построение социализма в СССР дают ответ на этот вопрос. Пролетариат отрицает диктатуру буржуазии, свержает государственную власть капиталистов. Но рабочий класс прекрасно понимает, что не *всякое* государство есть зло. Диктатура пролетариата, пролетарское государство — первое условие успешной и победоносной борьбы за социалистическое общество.

Анархисты же, отрицающие пролетарское государство, дают образчик реакционного отрицания, которое может быть лишь условием движения назад. Такова природа всякого отрицания, не являющегося моментом развития, движения на высшую ступень.

Диалектическое отрицание есть момент развития, и постольку оно движущее начало всякого развития.

Бесплодное отрицание отрицает всякое развитие и постольку служит началом регрессивного движения, движения назад.

В своих конспектах гегелевской логики Ленин исчерпывающе и точно формулирует это различие противоположных форм отрицания. «Не голое отрицание, — пишет он, — не зряшное отрицание, *не скептическое* отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике, — которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент, — нет, а отрицание, как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики»¹.

В этих словах Ленина прекрасно выражено революционное значение диалектического отрицания. Оно характеризуется решительностью, последовательностью, оно не знает никаких колебаний, эклектики, сомнений, скептицизма, оно положительно и действительно, ибо служит делу *развития*.

Таковы сущность и значение диалектического отрицания в отличие от отрицания «голового», «зряшного» и бесплодного.

II

Из сказанного выше о сущности и значении диалектического отрицания вытекает ответ на второй поставленный нами в начале этой главы вопрос: каковы связь и взаимоотношения между предметами отрицаемыми и отрицающими, между старым и новым, между исчезающим и возникающим? Иначе говоря, какова связь между предметами и явлениями в процессе их исторического развития, какова *общая* картина развития? «Голое», «зряшное» отрицание неизбежно приводит к выводу, что никакой связи между явлениями нет, что история представляет собой картину не связанных друг с другом отрицаний. И это естественно, поскольку это отрицание не является моментом развития.

Энгельс высмеивает такого рода представление о развитии, для которого все прошлое предстает в дурном свете. Критикуя отрицание как «чисто субъективное, индивидуальное, представляющее собой не стадию развития сути дела, а извне вносимое мнение» (таким отрицанием было, например, прудоновское отрицание «дурного»), Энгельс пишет: «А так как при нем ничего не может получиться, отрицающий, таким образом, должен быть недоволен миром, ворчливо хулить все существующее и все совершавшееся, *все историческое развитие*»².

Для хулителя все историческое развитие нипочем, ибо то, что сам он предлагает на место отрицаемого, не имеет оснований в самой действительности. А раз оно не имеет корней в действительной, реальной жизни, то откуда же может ваяться связь с *предшествующим* историческим развитием! Ясно, что на все это развитие бесплодный отрицатель должен смотреть свысока, презрительно: во всем прошлом он не увидит и не найдет

¹ «Ленинский сборник» IX, стр. 267.

² Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 373. (Подчеркнуто мною. — М. Р.)

тенденций, которые бы вели к его иллюзорным проектам. Поэтому древних греков он склонен считать отсталыми людьми, во всей культуре прошлого он не видит ничего ценного, что можно было бы взять для новой культуры; в рабстве он усматривает лишь продукт плохой морали живших в то время людей и всячески высказывает свое негодование по поводу существования в истории подобного факта.

Напомним читателю один пример из недавнего прошлого нашей революции, который покажет, что из голого отрицания неизбежно вытекает игнорирование всего исторического развития, связи различных исторических моментов.

В начале революции возникло направление, которое называло себя «пролетарской культурой». Ничего принципиально нового по сравнению со старыми меньшевистскими теориями это направление в действительности не представляло. Поставив перед собой благую цель «организации» новой, «пролетарской» культуры, теоретики этого направления развивали такую теорию. Новая культура, создаваемая пролетариатом, ничего общего не имеет со старой культурой, созданной прошлой историей. Следовательно, пролетарская культура отрицает, отбрасывает старую начисто. Пролетарская культура должна быть создана и организована заново. Для этой цели нужно составить целую сеть учреждений, в которых, как в лабораториях и теплицах, в стороне от классовой борьбы пролетариата, будет выращиваться и организовываться новая и «чистая» пролетарская культура. Эту свою «культуру» они противопоставляли действительно пролетарской, социалистической культуре, которая создавалась в процессе строительства нового общества. Но так как эти теории имели характер чисто иллюзорный, ибо в них не было ни грамма реальной жизни, то и отрицание это было бесплодным, голым, нелепым.

Пусть сам читатель судит: могла ли быть здесь какая-либо связь, преемственность в историческом развитии? Разумеется, этой связи не было, так как из *объективного исторического развития* подобная фантастическая «пролетарская культура», отражавшая лишь мелкобуржуазные иллюзии в пролетарской революции, нисколько не вытекала. Не случайно поэтому теоретики «пролетарской культуры» отрицали всякую связь, всякое закономерное развитие новой культуры из всего исторического общественного развития, в частности из развития предшествующей «старой» культуры.

Ленин жестоко расправился с этой теорией «пролетарской культуры». Он выступил в печати против политически вредных взглядов, проповедующих пренебрежительное отношение к культуре, созданной в предшествующие эпохи.

Новая, социалистическая культура, которую строит победивший пролетариат, будет действительно *новой* культурой, принципиально отличающейся от всех прошлых культур. Стало быть, социалистическая культура есть в самом деле отрица-

ние культуры, используемой эксплуататорскими классами в своих целях. Но действительно пролетарская, социалистическая культура вырастает, говорил Ленин, и может вырасти на реальной почве как *закономерное продолжение* всей той человеческой прогрессивной культуры, которую создало человечество под гнетом помещиков, буржуазии и других эксплуататорских классов. Величайшие ценности этой культуры пролетариат должен критически освоить, переработать, довести до сознания миллионных народных масс.

Ленин писал, что пролетариат должен будет «превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, *исторически неизбежно-необходимого* для нас запаса культуры и знаний и техники, — превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма»¹.

Как видим, из много, диалектического характера отрицания вытекают иные взгляды на связь в историческом развитии, на историческую преемственность различных эпох, на взаимоотношение и связь отрицаемого и отрицающего, старого и нового.

Диалектическое, положительное отрицание не только не отвергает этой связи и исторической преемственности, *но само вытекает из реального исторического процесса развития явлений*.

Диктатура пролетариата не «субъективное и индивидуальное мнение», а неизбежный результат всего предшествующего развития общества. Противоречия капитализма, обостряясь, приводят к взрыву капиталистического строя, к вооруженному восстанию пролетариата против своих эксплуататоров. Но капитализм prepares также материальную, техническую и культурную базу для нового социалистического общества. Без использования высокой техники, созданной при капитализме, было бы невозможно решать вопрос о строительстве социализма, который в свою очередь предполагает совершенно невиданный размах развития производительных сил.

Социализм, таким образом, выступает как закономерный результат развития противоречий капиталистического общества. Идея диктатуры пролетариата как идея отрицания эксплуататорского строя родилась в головах идеологов рабочего класса на почве реального развития общества. Капиталистический строй, который выступает как отрицание феодального общества, вырастает на основе развития этого общества.

Мы уже писали, что хулители исторического развития благородно негодуют по поводу существования в историческом развитии общества такого явления, как рабство. Идеологам мелкой буржуазии менее всего приличествует негодовать по этому поводу, ибо их моральные проповеди несколько не затрагивают царства рабской ограниченности и прикрытой эксплуатации.

¹ Ленин, т. XXIII, стр. 41. (Подчеркнуто мною. — М. Р.)

Казалось бы, что социалисты более чем кто-либо имеют право на «голое» отрицание рабства, так как дистанция между рабством и социализмом настолько велика, что одно сравнение этих двух абсолютно противоположных форм общества может вызвать лишь смех.

Но вот послушайте, что пишет Энгельс о рабстве и его историческом значении:

«Нет ничего легче, как произносить громкие фразы по поводу рабства и т. п. и изливать целые потоки высоко-нравственного гнева на такие постыдные вещи... Мы должны сказать, какою бы ересью и каким бы противоречием ни казались наши слова, что при тогдашних условиях введение рабства было большим шагом вперед»¹. И далее Энгельс доказывает, что введение рабства послужило причиной «усиления и развития производства» по сравнению с древним общинным бытом.

Связь и преемственность в развитии можно хорошо увидеть и на примере исторического развития мышления.

В начале книги мы попытались показать, что материалистическую диалектику нельзя понять без всего предшествующего развития наук и философии. Материалистическая диалектика есть, несомненно, отрицание и примитивной античной диалектики, и метафизики позднейшей науки, и ограниченности различных эволюционных теорий, и т. д. Но это такое отрицание, которое вытекает из всей истории мышления, которое впитывает в себя все то ценное и лучшее, что было в мышлении прошлых эпох.

Об этом диалектическом характере отрицания и связи с предшествующим развитием очень хорошо сказал Гегель. «Познание, — говорил он, — движется от содержания к содержанию, причем новое содержание становится все богаче и конкретнее... На каждой ступени дальнейшего определения воздвигается вся масса его предшествующего содержания и через свой диалектический ход вперед не только ничего не теряет и не оставляет позади себя, но несет с собою все приобретенное и обогащает и сгущает себя в себе». Эти слова выражают реальный ход мышления, и не случайно Ленин по поводу этих слов заметил: «Этот отрывок очень недурно подводит своего рода итог тому, что такое диалектика»².

Можно было бы привести еще огромное множество новых примеров, но все они только подтвердили бы вывод материалистической диалектики — вывод о глубокой и всесторонней исторической связи сменяющих и диалектически отрицающих друг друга явлений и процессов.

Вместо привлечения новых примеров попытаемся лучше посмотреть, нет ли какой-то закономерности в этом бесконечном диалектическом отрицании, в смене одних форм другими.

¹ Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 183.

² «Ленинский сборник» IX, стр. 277.

Вернемся для этой цели к последнему примеру и бегло проанализируем основные моменты развития мышления. Началом исторического развития мышления, как мы знаем, была древнегреческая *диалектика*, в основе своей *материалистическая*. Дальнейшее развитие привело к метафизическому методу и к развитию идеалистической философии. Но метафизический метод, неизбежно вытекающий из расчлененного анализа природы, обогатил наши познания, и, хотя он и был отрицанием греческой диалектики, все же он намного поднял уровень мысли, достигнутый греками, расширил кругозор человека. Следующим шагом в развитии диалектики был возврат к материалистической диалектике, но к диалектике, не сравнимой с греческой по своему содержанию, глубине отражения действительности и т. д.

В этом историческом процессе развития мышления нетрудно заметить три основных этапа, из которых второй отрицает первый, а третий отрицает второй, как бы возвращаясь к первому, но на новой уже основе; при этом каждый последующий этап впитывает в себя достижения и результаты предшествующего, так что на третьем этапе достижения *всего* развития концентрируются в очищенном, переработанном, развитом или, как говорят философы, «снятом» виде.

Такую же общую картину развития мы увидим и в движении общества. Исходной, начальной формой общественного развития был первобытный коммунизм. Последующее развитие было связано с возникновением частной собственности, которая отрицала первобытную коллективную, коммунистическую собственность. В течение огромного исторического периода господствовала эта форма отрицания — рабовладельческое общество, феодальное, капиталистическое. Но на определенной ступени приходит конец господству частнособственнического общества, и само отрицание подвергается в свою очередь отрицанию. Возникает социалистическое общество. Общественное развитие как бы возрождает первую ступень, но на новой, неизмеримо более высокой ступени.

Подобную метаморфозу, такое же изменение претерпевает и растение. Из семени вырастает цветок. Цветок есть отрицание семени, из которого он вырос. Но в свою очередь цветок отцветает, и получается снова семя, и не одно, а несколько. Отрицается само отрицание.

Таким образом, мы находим определенную закономерность в процессе всякого развития, necessarily имеющего характер *отрицания отрицания*. Всякое явление подвергается отрицанию, возникает новое явление, но последнее само отрицается, и в свою очередь возникает новое явление, которое, выступая как отрицание отрицания, завершает круг, цикл развития, концентрируя в себе ценнейшие и положительнейшие моменты всего круга развития.

Однако отрицание отрицания в свою очередь не есть нечто застывшее и неизменное, которое не подвергнуто новому отри-

зацию. Земля как отрицание отрицания снова вырастает в цветок, феодализм как отрицание рабовладельческого общества отрицается капитализмом и т. д.

Так завершается круг, но за ним начинается новый.
Чтобы во все времена дивная длилась цепь,
Чтобы создание каждое жизни источником было
Многим созданиям другим в вечном кругу бытия.
(Гете)

Вот эту картину развития, эту «дивную цепь» движения мира и отражает диалектический закон отрицания отрицания.

КОНКРЕТНЫЙ АНАЛИЗ В МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКЕ

1

В предыдущей главе мы закончили изложение *основных* законов материалистической диалектики. Было бы, однако, большой ошибкой, если бы мы ко всему сказанному о диалектике не добавили вопрос о значении конкретного анализа в материалистической диалектике.

Есть немало людей, которые, наслышавшись кое-чего о марксистской диалектике, считают, что она, подобно оракулу, скрывает в себе готовые ответы на любой вопрос, что это некая таинственная, счастливая шкатулка, в которой запрятан секрет легкого приобретения знаний. Стоит только заполучить эту вещьцу — и можно жить беззаботно и припеваючи, не заботясь о науках, о конкретных знаниях.

Такой взгляд на диалектику в корне отвергается марксизмом, в корне противоречит материалистической диалектике, которая выросла на основе обобщения результатов и достижений, добытых конкретными науками и тысячелетним опытом человеческой практики. Немало стрел было выпущено Марксом и Энгельсом, Лениным и Сталиным против врагов диалектики, представлявших ее как орудие простого *доказательства* любого положения, любого вывода.

Пытаясь опровергнуть диалектику, враги ее обвиняли марксизм в том, что он посредством одних логических приемов и законов диалектики доказывает свои политические и прочие принципы. Так, например, Дюринг¹, против которого Энгельс выступил со своей знаменитой и блестящей книгой «Анти-Дюринг», обвинял Маркса в том, что он выводит неизбежную гибель капитализма из закона отрицания отрицания. Так как-де отрицание должно быть в свою очередь отрицаемо, то и капитализм должен будет уступить место новому обществу — социалистическому. Этим своим шутовским толкованием марксова «Капитала» Дюринг хотел высмеять диалектику и заодно опровергнуть революционные выводы Маркса. Ни то, ни другое у Дюринга, разумеется, не получилось, и именно по той причине, что материалистическая диалектика ничего общего не имеет с тем отражением, какое она получала в головах теоретиков типа Дюринга.

¹ Е. Дюринг (1833—1921 г.) — немецкий философ и экономист.

Отвечая Дюрингу, Энгельс писал, что о полном непонимании Дюрингом природы диалектики свидетельствует уже один тот факт, что он признает ее методом доказательства. Но материалистическая диалектика — не орудие доказательства готовых истин, а метод исследования, руководство для познания и действия. Неизбежную гибель капитализма Маркс вывел не из отрицания отрицания, а из конкретного анализа капиталистического способа производства. Руководствуясь диалектикой, ее законами как методом познания, Маркс проанализировал огромный материал, связанный с историей разложения общинного строя, с развитием товарного производства, с историей первоначального накопления и развития капитализма. Применение материалистической диалектики к анализу капитализма сочеталось у Маркса с конкретным изучением фактов.

Вот этой важнейшей черты революционной диалектики, требующей конкретного анализа фактов, враги марксизма и многие мелкобуржуазные теоретики, называвшие себя «марксистами», никогда не понимали. Посмотрите работы социал-демократических и меньшевистских теоретиков, всяческих представителей антимарксизма. Характернейшей чертой их «теорий» всегда было пренебрежение конкретным, самостоятельным изучением фактов, *игнорирование конкретного анализа*, превращение марксизма в догму, в законченную систему мертвых логических понятий.

Но непонимание и игнорирование великого значения конкретного анализа в материалистической диалектике равносильно превращению диалектики в метафизику, в софистику. Едва ли можно дать более яркое по силе, по резкости определение значения в диалектике конкретного анализа, чем то, которое дал Ленин в своем замечательном и знаменитом афоризме об умении находить решающее звено в цепи событий и задач.

«Недостаточно быть революционером, — писал Ленин, — и сторонником социализма или коммунизма вообще. Надо уметь пайти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, при чем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты, и не так глупы, как в обыкновенной, кузнечом сделанной цепи»¹.

Вы видите, Ленин считает важнейшей чертой революционера, коммуниста умение конкретно определять условия развития, своеобразие этих условий, умение выделить решающее звено, от которого зависит вся совокупность вопросов борьбы и победы.

Перефразируя Ленина, можно сказать: недостаточно быть сторонником диалектики или изучить законы диалектики вообще. Надо уметь применять диалектику — эту мудрейшую и величайшую по своей силе науку о всестороннем развитии — к конкретным фактам, к конкретным историческим условиям. Надо

¹ Ленин, т. XXII, стр. 466.

уметь, руководствуясь диалектикой как революционным методом, добывать новые результаты, объяснять новые факты, которые приносят с собою историческое развитие. А это можно сделать лишь памятуя, что конкретный анализ, конкретное изучение фактов есть одна из решающих и неотъемлемых черт диалектики.

Чем объяснить такое огромное значение конкретного анализа в диалектике?

Читатель знает уже, что диалектика есть наука о *наиболее общих* законах развития. Диалектические законы обобщают те существенные черты развития, которые свойственны и природе, и человеческому обществу, и мышлению. То, например, положение диалектики, что противоречивость предмета, борьба противоположностей есть источник его развития, в *равной* мере относится ко всем явлениям, предметам и процессам объективного мира и мышления. Так же обстоит дело со всеми законами диалектики. *Все они в равной мере относятся ко всем явлениям.* И в этом, как мы знаем, их величайшее значение. Это то, что делает диалектику всеобщим методом. В этой их особенности мы черпаем силу уверенности, силу ориентировки при изучении и решении тех или иных вопросов. Но из *этой* же особенности диалектики, т. е. из того, что она дает наиболее общие законы развития, вытекает необходимость анализа конкретных фактов.

Нетрудно понять, что в природе и в обществе единство и борьба противоположностей, переход количества в качество, отрицание отрицания существуют в форме *определенных, конкретных* противоположностей, отрицания качества и т. д. В действительном, реальном мире единством противоположностей являются растения, животные, солнце, вода, воздух, земля, человек, рабовладельческое общество, феодализм и т. п. Переходом противоположностей друг в друга, превращением качеств является также любой процесс, развитие любого явления, любой вещи. Не ясно ли, что одно голое констатирование по поводу *конкретных* процессов, что они представляют единство и борьбу противоположностей, ничего еще не дает. Ведь в действительности-то эти процессы суть *конкретные, определенные*, эти, а не иные противоположности.

Человек как единство противоположностей отличается от другого единства противоположностей, скажем, растения; капитализм как явление противоречивого развития коренным образом отличается от социализма, в котором развитие также будет идти через преодоление противоречий. Не анализировать в каждом данном случае отдельные, конкретные явления и свойства их особенности развития значит смешивать все в кучу, открыть дорогу для величайших заблуждений.

Понятно поэтому, что сила диалектики сможет проявиться лишь в том случае, когда понимание общих законов развития будет дополнено тщательным изучением конкретных фактов.

Таково первое обстоятельство, определяющее огромную роль в диалектике конкретного анализа.

Второе обстоятельство вытекает из диалектического понимания развития, из органической связи диалектики и марксизма в целом с *практикой*.

Диалектика развития выражается в *качественном* изменении действительности, в смене одних общественных формаций другими, в изменении исторических ситуаций. Мы показали, как благодаря непониманию этой черты развития меньшевики, называвшие себя марксистами, приходили к глубоко вредным и контрреволюционным взглядам на революцию 1905 г. Эти взгляды были основаны на отрыве от революционной практики. Историческое развитие воплощается в практике определенных классов, в практике классовой борьбы. Отсюда следует прямой вывод, что всякое существенное изменение исторической ситуации не может не отзываться на практике, на тактике борьбы. С другой стороны, сама практическая борьба ставит определенные требования и вызывает изменения в историческом развитии. Ленин, формулируя основные элементы диалектической логики, с особой силой подчеркнул значение связи теории с практикой. «Вся человеческая практика, — писал он, — должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины, и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку».

Таким образом, диалектическое развитие общества связано с изменением исторических ситуаций и практики классов и партий.

Разве не ясно поэтому, что отсутствие конкретного анализа этих изменений противоречит самым решительным образом духу, сущности материалистической диалектики! «Марксова диалектика, — писал Ленин, — требует конкретного анализа каждой особой исторической ситуации»¹.

Игнорированием конкретного анализа, превращением марксизма в догму, писал Ленин в другом месте, «мы подрываем его связь с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории»².

Эта глубоко революционная, живая черта большевистской диалектики органически чужда меньшевикам, социал-демократам, всем вульгаризаторам марксизма. Все они не понимают того, что марксизм — это не мертвая, а живая, развивающаяся, обогащающаяся опытом борьбы, опытом практики паука. Сами основоположники марксизма прекрасно выразили это в краткой, но полной глубокого смысла формуле. «Наше учение, — говорили Маркс и Энгельс, — не догма, а руководство к действию». Вслед за ними Ленин говорил, что нельзя смотреть на марксизм «как на нечто законченное и непркосновенное», что он положил только «краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни»³.

¹ Ленин, т. XIX, стр. 187.

² Ленин, т. XV, стр. 71.

³ «Ленинский сборник» III, стр. 15.

С такой же настойчивостью повторяет это товарищ Сталин. Вот его слова, направленные против тех, кто подрывает связь марксизма с живой практикой борьбы. «Что такое марксизм? Марксизм есть наука. Может ли сохраниться и развиваться марксизм как наука, если он не будет обогащаться новым опытом классовой борьбы пролетариата, если он не будет переваривать этот опыт с точки зрения марксизма, под углом зрения марксистского метода? Ясно, что не может.

Не ясно ли после этого, что марксизм требует улучшения и обогащения старых формул на основе учета нового опыта, при сохранении точки зрения марксизма, при сохранении его метода...»¹

В работах Ленина и Сталина развитие марксистской науки нашло свое яркое выражение.

Но что такое связь с практикой, если не конкретный, всесторонний анализ действительности, анализ с точки зрения диалектического метода! Именно историческое развитие общества, связь с практикой есть то второе обстоятельство, которое, как и первое, определяет огромное значение конкретного анализа в материалистической диалектике.

Из всего этого вытекает вывод: нет материалистической диалектики без конкретного анализа, без конкретных знаний. Только материалистическая диалектика, включающая в себя требование конкретного анализа, есть та постоянная революционная диалектика, с помощью которой наша большевистская партия делала и делает чудеса, изумляющие весь мир.

II

Чтобы сделать более осязательным и конкретным этот вывод, мы приведем несколько примеров ленинского диалектического анализа явлений.

Если прочесть и изучить ряд работ и статей Ленина, посвященных самым разнообразным вопросам — вопросам партийным, вопросам практической борьбы за новое общество, то легко увидеть поистине «краеугольный камень» ленинской диалектики. Ленин ни на минуту не забывает, что он имеет дело с живой, реальной действительностью, с живыми явлениями. Ни тени догматизма в применении диалектики, ни намек на насильственное подчинение жизни абстрактному закону, искуснейшее мастерство и умение облачать самые сокровенные, скрытые от поверхностного взгляда тенденции действительности, умение давать четкое, до конца ясное и ничем не затуманенное, предельно выразительное определение своеобразия текущего момента со всеми вытекающими последствиями для партийной тактики, огромное чувство и глубокое понимание жизни — вот то, что прежде всего бросается в глаза в ленинской диалектике.

¹ Сталин, сб. «Об оппозиции», стр. 510.

Короче говоря, богатейший конкретный анализ действительности — гранитная основа ленинской диалектики.

Ленин прежде всего жестоко издевается над теми, кто живые факты действительности заменяет голыми категориями, кто отвлеченно рассуждает о противоречиях, о борьбе противоположностей, не пытаясь проанализировать *конкретный* характер противоположностей, *конкретные* тенденции их развития.

Он неоднократно подчеркивает, что всякое явление, всякий процесс представляют собой *живое* явление, живой процесс, что ни в одном живом процессе, облеченном в плоть и кровь действительности, нет абстрактных противоположностей. К этому вопросу он неустанно возвращается в ряде своих статей. В «Очередных задачах советской власти» он пишет, что с точки зрения многих, желающих считаться социалистами, вся оригинальность положения Советской России заключается в том, что «люди привыкли абстрактно противопоставлять капитализм социализму, а между тем и другим глубокомысленно ставили слово: «скачок»¹.

Но ничего нет легче, как такое абстрактное противопоставление капитализма социализму. Действительность гораздо замысловатее, хитрее, она гораздо сложнее, чем это хотелось бы ученым. Абстрактное противопоставление капитализма социализму никакого реального, практического значения не имеет, ни к чему не обязывает. Ни в природе, ни в обществе нет чистых, абстрактных противоположностей. Реальные, действительные противоречия в обществе выражаются в определенных социальных отношениях, в борьбе определенных социально-экономических укладов; борьба за переход от капитализма к социализму точно так же проявляется в совершенно конкретных экономических и политических формах, обуславливаемых конкретной обстановкой, соотношением классов и тысячей других условий. Легко говорить о противоположности капитализма и социализма *вообще*, но как выглядит *конкретное*, *живое*, всамделишное, не книжное противоречие?

В этой связи необходимо вспомнить спор, который был между партией во главе с Лениным и «левыми коммунистами» по кардинальным вопросам социалистического строительства, перехода от капитализма к социализму. «Левые коммунисты» абстрактно знали, что задача состоит в переходе от капитализма к социализму, но дальше отвлеченного противопоставления этих противоположностей они не шли. Каковы именно те *реальные* формы перехода, которые обеспечат победоносное строительство социализма, каковы *основные конкретные* противоречия, которые нужно преодолеть для этой цели, — в *решении этих вопросов* был гвоздь момента. Только четко и ясно решив эти вопросы, можно было наметить ясную перспективу, ясные пути. И Ленин, беспощадно вскрывая мелкобуржуазную сущность, скрывавшуюся

¹ Ленин, т. XXII, стр. 466.

за громкими фразами «левых коммунистов», отвергая их абстрактную, метафизическую постановку вопроса, дает образец конкретного анализа, указывает сложнейшую обстановку в России 1918 г., сложнейший переплет противоречий и выделяет важнейшие, решающие в тех условиях противоречия.

Ленин подробно анализирует различные общественно-экономические уклады и насчитывает их пять: 1) патриархальное хозяйство, 2) мелкое товарное производство, 3) частнохозяйственный капитализм, 4) государственный капитализм и 5) социализм. Именно в этой пестроте, в переплетении различных типов общественно-экономических укладов Ленин видел своеобразие Советской России в тот период. Можно ли было в этих условиях ставить абстрактно вопрос о борьбе социализма против капитализма? Разве абстрактная постановка вопроса не была бы изменой диалектике?

Только после конкретного анализа социально-экономических укладов и установления того, какой из этих укладов преобладает в стране, Ленин ставит вопрос об основных, решающих противоречиях. «Между кем и кем идет эта борьба, — пишет Ленин, — если говорить в терминах экономических категорий, вроде «государственный капитализм»? Между 4 и 5 ступенями в том порядке, как я их перечислил сейчас? Конечно, нет. Не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частно-хозяйственный капитализм борются вместе, заодно, и против государственного капитализма, и против социализма. Мелкая буржуазия сопротивляется против *всякого* государственного вмешательства, учета и контроля, как государственно-капиталистического, так и государственно-социалистического». Не понимая этого, «левые коммунисты» обнаруживают свою мелкобуржуазность именно тем, что *не видят* мелкобуржуазной стихии, как *главного* врага социализма у нас. «Левые коммунисты» только на словах «враги мелкой буржуазии, а на деле ей только и помогают, ей только и служат, ее только точку зрения и выражают, воюя — *в апреле 1918 года!!* — против... «государственного капитализма»! ¹

Этот пример в истории нашей партии, в ее борьбе против оппортунизма — прекрасный и яркий пример ленинской диалектики, ленинского проникновения в сущность действительности, конкретного применения диалектики.

В речи на I съезде советов народного хозяйства Ленин ставит вопрос об использовании специалистов и буржуазной культуры, о превращении всей суммы накопленных знаний в орудие строительства социализма. И опять он подчеркивает недостаточность «общих формул», «абстрактного противоположения».

«Из всех социалистов, — говорил он, — которые об этом писали, не могу припомнить ни одного известного мне социали-

¹ Ленин, т. XXII, стр. 514—515.

стического сочинения или мнения выдающихся социалистов о будущем социалистическом обществе, где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задастся задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники, — превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма. Это легко в общей формуле, в абстрактном противоположении, но в борьбе с капитализмом, который не умирает сразу и тем более бешено сопротивляется, чем ближе к смерти, это задача величайшего труда»¹.

Ленин со всей страстностью пролетарского революционера всегда и везде бичует книжный подход к тому или иному практическому вопросу. Он низводит с высот холодных и безжизненных абстракций на грешную землю и требует конкретного решения вопроса. В «общей формуле», в «абстрактном противоположении» задача превращения накопленных буржуазией знаний в орудие социализма понятна. Но ведь буржуазия не сдается, не умирает сразу, ее специалисты саботируют, они «полны тысяч буржуазных предрассудков, связаны незаметными для них тысячами нитей с умирающим, разлагающимся... буржуазным обществом»². Поэтому задача эта чрезвычайно трудна, и нужно понимать ее не абстрактно, а во всей ее конкретности.

Приведем еще одно замечательное место из Ленина, прекрасно иллюстрирующее ленинский анализ действительности. В статье «Итоги дискуссии о самоопределении» он резко выступает против трактовки ирландского восстания 1916 г. как путча. Он критикует вульгарные и политически ошибочные взгляды противников самоопределения наций, согласно которым «жизненность мелких наций, угнетенных империализмом, уже исчерпана, никакой роли против империализма сыграть они не могут, поддержка их чисто национальных стремлений ни к чему не поведет и т. п.»³. Это была чисто педантская, метафизическая точка зрения, не учитывавшая всей сложности классовой борьбы в эпоху империализма, игнорировавшая национальные движения и абстрактно противопоставлявшая империализм и пролетариат. Революция этим метафизикам представлялась не как *живое явление*, а как игра в солдатики, как чистая борьба двух противоположностей. «Кто называет *такое* восстание путчем, — писал Ленин, — тот либо злейший реакционер, либо доктринер, *безнадежно неспособный представить себе социальную революцию как живое явление*».

Ибо думать, что мыслима социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками,

¹ Ленин, т. XXIII, стр. 41—42.

² Там же.

³ Ленин, т. XIX, стр. 267.

без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета, — думать так значит *отречься от социальной революции*. Должно быть, выстроится в одном месте одно войско и скажет: «мы за социализм», а в другом другое и скажет: «мы за империализм» и это будет социальная революция! Только с подобной педантски-смешной точки зрения мыслимо было обругать ирландское восстание «путчем»¹.

Как видит читатель, Ленин, выступая против абстрактного понимания противоположностей, все время конкретно анализирует и выделяет основные, решающие в данной обстановке, конкретные противоречия.

Однако с точки зрения Ленина недостаточно констатировать известное единство противоположностей, недостаточно установить, что такое-то явление, такой-то процесс есть единство противоположностей, будь даже установлены и схвачены *конкретные, живые* противоположности. Главное в умении найти *переход* одной противоположности в другую, *формы перехода* противоположностей, *своеобразие* перехода, *тенденции* развития противоположностей.

Трудно найти статью, где бы Ленин не возвращался к этой стороне дела, где бы он не говорил о важности умения видеть живые переходы, их многообразнейшие формы и т. д. И если вспомнить ту характеристику, которую Ленин дал пятнадцатилетнему пути (1903—1917 гг.) развития большевизма, то, что он говорил о богатстве форм классовой борьбы в России, о тысячах оттенков, о скорости и разнообразии смены различных форм движения, если вспомнить характеристику последующей истории борьбы Советской России, — то какое богатство мыслей и идей мы находим в работах Ленина, анализировавшего все эти формы борьбы, своеобразие каждого момента, определявшего на каждом большом и малом историческом повороте стратегические и тактические позиции партии!

«...Люди, — пишет он, — привыкли абстрактно противопоставлять капитализм социализму, а между тем и другим глубоко-мысленно ставили слово: «скачок» (некоторые, вспоминая обрывки читаемого у Энгельса, добавляли еще более глубокомысленно: «скачок из царства необходимости в царство свободы»)². Но достаточно ли констатировать: «переход», «скачок»? Ведь в живой действительности нет абстрактных «скачков», а есть вполне конкретные формы перехода, которые определяются тысячами условий.

«О том, — продолжает Ленин, — что «скачком» учителя социализма называли перелом под углом зрения поворотов всемирной истории, и что скачки такого рода обнимают периоды лет

¹ Ленин, т. XIX, стр. 269. (Подчеркнуто мною. — М. Р.)

² Ленин, т. XXII, стр. 466.

по 10, а то и больше, об этом не умеет подумать большинство так называемых социалистов, которые про социализм «читали в книжке», но никогда серьезно в дело не выжили»¹.

И Ленин показывает реальную возможность различных форм перехода, обусловливаемых различными историческими моментами.

«Настоящий интерес эпохи больших скачков состоит в том, что обилие обломков старого, накапливаемых иногда быстрее, чем количество зародышей (не всегда сразу видных) нового, требует уменья выделить самое существенное в линии или цепи развития. Бывают исторические моменты, когда для успеха революции всего важнее накопить побольше обломков, т.-е. взорвать побольше старых учреждений; бывают моменты, когда взорвано достаточно, и на очередь становится «прозаическая» (для мелкобуржуазного революционера «скучная») работа расчистки почвы от обломков; бывают моменты, когда заботливый уход за зародышами нового, растущими из-под обломков на плохо еще очищенной от щебня почве, всего важнее»².

Как видим, задача состоит в умении определить ту форму перехода, которая вызывается всеми историческими условиями, всем развитием событий.

Говоря о том, что переход от капитализма к социализму неизбежен, Ленин предупреждает, что нельзя рисовать себе этот переход во всех странах однообразными серыми красками.

«Все нации придут к социализму, — пишет он, — это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни. Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как «во имя исторического материализма» рисовать себе будущее в *этом* отношении одноцветной сероватой краской: это было бы суздальской мазней, не более того»³.

Главная трудность опять-таки в том, чтобы отыскать конкретные, соответствующие обстановке и условиям формы перехода. Об этом Ленин пишет и в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» и в статье «О значении золота...» и в многих других работах. В «Очередных задачах советской власти» Ленин замечает, что найти конкретную форму перехода — это самая главная и самая трудная задача.

В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» Ленин, определяя задачи борьбы международного пролетариата за пролетарскую революцию, пишет:

«Исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить нацио-

¹ Ленин, т. XXII, стр. 466.

² Там же.

³ Ленин, т. XIX, стр. 230.

нально-особенное, национально-специфическое в конкретных подходах каждой страны к разрешению единой интернациональной задачи, к победе над оппортунизмом и левым доктринерством внутри рабочего движения, к свержению буржуазии, к учреждению советской республики и пролетарской диктатуры — вот в чем главная задача переживаемого всеми передовыми (и не только передовыми) странами, исторического момента. Главное — конечно, еще далеко, далеко не все, но главное — уже сделано в привлечении авангарда рабочего класса, в переходе его на сторону Советской власти против парламентаризма, на сторону диктатуры пролетариата против буржуазной демократии. Теперь надо все силы, все внимание сосредоточить на следующем шаге, который кажется — и, с известной точки зрения, действительно является — менее основным, но который зато более практически близок к практическому решению задачи, именно: на отыскании формы *перехода* или *подхода* к пролетарской революции»¹.

Особенно интересный и богатый материал дают статьи Ленина периода от Февраля к Октябрю, периода, когда стояла проблема перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической.

В своих «Письмах из далека», указывая на то, что сейчас наступает момент, когда рабочий класс, проявивший чудеса героизма в борьбе против царизма, должен проявить чудеса героизма и организованности для *своей* победы, для победы пролетарской революции, Ленин тщательно анализирует своеобразие обстановки и прежде всего требует от марксистов понимания этого своеобразия перехода к пролетарской революции:

«Если мы хотим быть марксистами и учиться из опыта революций всего мира, мы должны постараться понять, в чем именно *своеобразие* этого *переходного* момента и какая тактика вытекает из его объективных особенностей»².

Только установив своеобразие момента, положение Временного правительства, силу и организованность буржуазии и прочие условия, Ленин выдвигает «лозунг момента». «Лозунг момента, — пишет он, — организация», — организация зародышей пролетарского государства, власти, пролетарской милиции и т. д. Но и здесь Ленин предостерегает от шаблонного подхода к вопросам организации:

«К этой своеобразной задаче пролетариат подошел и будет подходить разными путями. В одних местностях России февральско-мартовская революция дает ему почти полную власть в руки, — в других он, может быть, «захватным» путем станет создавать и расширять пролетарскую милицию, — в третьих он будет, вероятно, добиваться немедленных выборов на основе всеобщего и т. д. избирательного права в городские думы и земства, чтобы

¹ Ленин, т. XXV, стр. 227—228.

² Ленин, т. XX, стр. 32.

создать из них революционные центры и т. п., пока рост пролетарской организованности, сближение солдат с рабочими, движение в крестьянстве, разочарование многих и многих в годности военно-империалистского правительства Гучкова и Милюкова не приблизит час замены этого правительства «правительством» Совета Рабочих Депутатов»¹.

Эта замечательная черта гибкости, умение подмечать самые тончайшие особенности и извилины в развитии действительности, находить тысячу разнообразных форм перехода, ненависть к какому бы то ни было шаблону чрезвычайно характерны для ленинского подхода к любому вопросу.

Везде и всегда задачу анализа конкретных условий Ленин выдвигает на первый план, со всей силой ее подчеркивает. Именно поэтому диалектика приобретает у Ленина такое богатство оттенков, такое многообразие проявлений.

Нет сомнения, что известные всем ленинские замечания в его «Философских тетрадах», в которых он все время делает упор на гибкость диалектики, на ее живую многосторонность и т. д., являются результатом и прямым выводом из богатейшего конкретного анализа живых явлений политики, экономики, культуры, классовой борьбы, партийной тактики. Примеры, которые выше приведены, убедительно доказывают нам это. Именно из *конкретного анализа* действительности возникали такие ленинские формулы, как, например, следующее определение: «диалектика как *живое* многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности»², как его определение о «всесторонней», универсальной гибкости понятий и т. д.

Поэтому Ленин такое огромное внимание уделял проблеме *конкретного анализа* в диалектике, поэтому Ленин всегда разоблачал метафизические, антидиалектические корни различных оппортунистических теорий, сталкивая их с конкретным диалектическим анализом живых явлений. Диалектика, не включающая конкретный анализ, неизбежно превращается в свою противоположность, — таков тезис марксизма. Этот тезис Ленин неустанно пропагандировал.

Ленин показывает, что забвение конкретного анализа при применении диалектики, как правило, имеет своим последствием отождествление диалектики с софистикой, т. е. превращение диалектики в пустую игру противоречиями.

Он это очень ярко иллюстрирует на примере Юниуса (Р. Люксембург).

Люксембург отрицала возможность национальных войн в эпоху «разнузданного империализма» и считала, что всякая национальная война неизбежно должна превратиться в империалистиче-

¹ Ленин, т. XX, стр. 39—40.

² «Ленинский сборник» XII, стр. 326.

скую. На этом основании она стирала всякие грани между этими двумя противоположностями, софистически их отождествляла.

И Ленин, выступая против этой вредной теории, доказывает, что этот софизм оказался возможным благодаря отсутствию конкретного анализа этих противоположностей и их соотношения в эпоху империализма.

«Разумеется, — пишет Ленин, — основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и в обществе условны и подвижны, что нет *ни одного* явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность. Национальная война *может* превратиться в империалистскую и *обратно*. Пример: войны французской революции начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционными: защита великой революции против коалиции контр-революционных монархий»¹. И далее Ленин указывает, что когда Наполеон создал империю, поработившую ряд национальных государств, тогда войны Наполеона превратились в грабительские, империалистические, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против Наполеона.

И Ленин делает выводы:

«Только софист мог бы стирать разницу между империалистской и национальной войной на том основании, что одна *может* превратиться в другую. Диалектика не раз служила — и в истории греческой философии — мостиком к софистике. Но мы остаемся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа *данного* в его обстановке и в его развитии»².

За этим следуют конкретнейший анализ конкретной обстановки и выводы, которые из него вытекают.

В «Письмах о тактике», в которых дается «оценка момента» и намечаются задачи рабочего класса в революции, Ленин сразу резко ставит вопрос о конкретном анализе, о соотношении «общих» и «конкретных» задач.

«Марксизм, — пишет он, — требует от нас самого точного, объективно проверяемого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики.

«Наше учение не догма, а руководство для действия» — так говорили всегда Маркс и Энгельс, справедливо издевавшиеся над заучиванием и простым повторением «формул», способных в лучшем случае лишь намечать *общие* задачи, необходимо видо-

¹ Ленин, т. XIX, стр. 181.

² Там же. (Подчеркнуто мною. — М. Р.)

изменяемые *конкретной* экономической и политической обстановкой каждой особой *полосы* исторического процесса»¹.

С какой силой Ленин бичевал меньшевиков в эпоху революции 1905 г. за то, что они выводили конкретное положение о тактике социал-демократов не из тщательного, конкретного анализа своеобразия обстановки в России, а из общей фразы об общем характере революции! «Разве же это не подделка? Разве это не явная насмешка над диалектическим материализмом Маркса?» — писал тогда Ленин.

С какой страстностью, с каким сарказмом бичевал Ленин Плеханова за его «общий», абстрактный подход при выработке программы РСДРП (перед II съездом партии)!

Проект программы *борющейся* партии Плеханов умудрился составить так, что все рассуждения его сводились к рассуждениям о капитализме *вообще*, о задачах пролетариата *вообще*. Абстрактный подход, отсутствие конкретного анализа Ленин определяет как специфически меньшевистскую методологию, как характерный признак оппортунизма, дающего рабочему классу не боевую, конкретную программу, а распылчатую проповедь. Поэтому Ленин резко критикует проект программы Плеханова: «Это не программа практически борющейся партии... это скорее программа для учащихся».

Поэтому у плехановского проекта — «не язык революционной партии, а язык «Русских Ведомостей». Его термин — это только не термин борьбы, а «термин статистического сборника»².

Сравнивая резолюции III съезда РСДРП и конференции меньшевиков, показывая, что только первая дает истинный лозунг борьбы, Ленин опять это выводит из меньшевистской методологии, из принципиальной ее враждебности *конкретному анализу*.

«Одна резолюция выражает психологию активной борьбы, другая — пассивного зрительства; одна проникнута призывом к живой деятельности, другая — мертвенным резонерством... Резолюция съезда берет старые и вечно новые мысли марксизма (о буржуазном характере демократического переворота), *как предисловие* или *первую посылку* для выводов о передовых задачах передового класса, борющегося и за демократический и за социалистический переворот. Резолюция конференции (меньшевиков. — М. Р.) так и *остается при одном предисловии*, жуя его и умничая по поводу него»³.

В этом Ленин видит методологические корни меньшевизма. Не случайно товарищ Сталин определил деборинскую школу как школу меньшевистствующего идеализма. Для меньшевистствующих идеалистов характерно пренебрежение конкретным анализом, умерщвление живой жизни, отрыв теории от практики.

¹ Ленин, т. XX, стр. 100.

² «Ленинский сборник» II, стр. 72.

³ Ленин, т. VIII, стр. 49. (Подчеркнуто мною. — М. Р.)

Красной нитью во всех ленинских и сталинских работах проходит требование конкретного анализа. В конкретном анализе действительности, в умении всегда, в любой обстановке, в самом сложном переплете событий, на любом — большом или малом — повороте истории схватить новое, своеобразное и на этом строить свою повседневную практическую борьбу — в этом и Ленин и Сталин видят *коренной* признак большевистской диалектики, продолжение лучшей традиции основоположников марксизма. В этом они также видят секрет того, почему трудящиеся массы всегда получали и получают от своей большевистской партии не расплывчатые, а боевые, конкретные, истинные лозунги борьбы.

Именно поэтому они с такой силой подчеркивали, что только тот — настоящий пролетарский революционер, только тот — настоящий коммунист, кто может из общей цепи развития выделить то решающее звено, овладение которым решит всю совокупность задач.

Боевой, конкретной директивой звучат слова Ленина, обращенные ко всем коммунистическим партиям мира:

«Задача состоит... в том, чтобы уметь приложить общие и основные принципы коммунизма к тому *своеобразию* отношений между классами и партиями, к тому *своеобразию* в объективном развитии к коммунизму, которое свойственно каждой отдельной стране и которое надо уметь изучить, найти, угадать»¹.

¹ Ленин, т. XXV, стр. 325.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
Что такое материалистическая диалектика	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	
Закон единства и борьбы противоположностей	32
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
Закон перехода количества в качество и качества в количество	75
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
Закон отрицания отрицания	99
ГЛАВА ПЯТАЯ	
Конкретный анализ в материалистической диалектике	109

Редактор В. Лаговская
Корректор А. Михальс
Технический редактор А. Тюнчева

Сдано в набор 8 мая 1937 г. Подписано к печати 16 августа 1937 г. Уполн. Главл. № Б-15 400. Партиздат № 236. Зак. № 1354. Формат 60×92¹/₁₆. 7³/₁₆ и. л. (44300 п. зн. в 1 листе). Тираж 75 тыс. Текст отпечатан на бумаге Камского комбината.

Цена 1 руб. Бумажный переплет 50 коп.

Ф-ка книги «Красный пролетарий» Партиздата ЦК ВКП(б). Москва, Краснопролетарская, 16.